

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГАОУ ВПО «Российский государственный
профессионально-педагогический университет»
Учреждение Российской академии образования «Уральское отделение»

С. Г. Гончарова

**КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО ЧЕЛОВЕКА
И ГРАЖДАНИНА НА ПРАВОВУЮ ЗАЩИТУ**

Монография

Екатеринбург
РГПГУ
2010

УДК 342.7
ББК Х400.34
Г 65

Гончарова С. Г. Конституционное право человека и гражданина на правовую защиту [Текст]: монография / С. Г. Гончарова; ФГАОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т». Екатеринбург, 2010. 220 с.

В монографии исследуется содержание, юридическая природа, механизм и гарантии реализации конституционного права на правовую защиту с учетом тесной связи внутригосударственного российского законодательства с международным правом. Рассматривается социальная сущность механизма защиты прав человека и гражданина в соответствии с современными потребностями развития России как правового государства.

Предназначена для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов высших учебных заведений России, а также широкого круга читателей, интересующихся юриспруденцией.

Рецензенты: канд. юрид. наук, доц. А. А. Воронина (заведующая кафедрой права ФГАОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т»); канд. юрид. наук, доц. Е. В. Ильюк (старший референт отдела профессионального развития (учебного центра) следственного управления Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации по Свердловской области)

© ФГАОУ ВПО «Российский государственный
профессионально-педагогический
университет», 2010
© Гончарова С.Г., 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
ГЛАВА 1. СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА НА ПРАВОВУЮ ЗАЩИТУ	15
1.1. Защита прав человека в правовом государстве	15
1.2. Содержание конституционного права на правовую защиту.....	54
1.2.1. Юридическая регламентация конституционного права на правовую защиту в международной нормативной системе и возможности России по его соблюдению.....	56
1.2.2. Конституционное право на правовую защиту в российской нормативной системе.....	91
1.3. Право на правовую защиту в системе конституционных прав личности	110
ГЛАВА 2. ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА НА ПРАВОВУЮ ЗАЩИТУ	131
2.1. Механизм реализации конституционного права на правовую защиту в системе гарантирования прав человека	131
2.2. Проблемы реализации конституционного права на правовую защиту	160
Заключение.....	185
Список используемых источников	190

ПЕРЕЧЕНЬ ИСПОЛЬЗУЕМЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Конституция РФ - Конституция Российской Федерации

ФЗ - Федеральный закон

ФКЗ - Федеральный конституционный закон

СЗ РФ - Собрание законодательства Российской Федерации

Бюллетень ВС РФ - Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации

Ведомости РФ - Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации

Ведомости ВС СССР - Ведомости Верховного Совета СССР

ВКС РФ - Вестник Конституционного Суда Российской Федерации

УПК РФ (РСФСР) - Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (РСФСР)

ГПК РФ (РСФСР) - Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (РСФСР)

АПК РФ - Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации

КоАП РФ - Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях

УИК РФ - Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации

Обл. газ. - Областная газета

Рос. газ. - Российская газета

РЮЖ - Российский юридический журнал

Введение

В системе ценностей российского общества первостепенное значение придается человеку, его правам и свободам. Защита прав человека как составная часть демократических и правовых процессов является одним из вопросов, постоянно находящихся в центре внимания государства и общества.

Защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства, от выполнения которой во многом зависит эффективность реализации статуса человека, обеспечение его интересов и потребностей. Органы государственной власти обязаны осуществлять свою деятельность таким образом, чтобы при этом соблюдались права личности, а в случаях нарушений обеспечивалось их восстановление.

Государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется (ч. 1 ст. 45 Конституции РФ). Гарантированность государственной защиты прав и свобод человека и гражданина непосредственно связана с обязанностью государства – признавать, соблюдать и защищать их (ст. 2 Конституции РФ).

В системе охраны и защиты государством прав и свобод личности важную роль играет судебная защита, которая в соответствии с Конституцией гарантируется каждому (ч. 1, ч. 2 ст. 46).

Российское государство, ориентируя свое развитие на подлинно гуманистические приоритеты, основывается на реальном участии человека во всех сферах жизни, что нашло свое отражение в системе российского законодательства, прежде всего в Конституции Российской Федерации, которая занимает верховенствующее положение в правовой системе страны, имеет прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Государство фиксирует в основном законе различные возможности для человека использовать юридические средства защиты (право на судебную защиту, право обраще-

ния в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека и гражданина и др.).

Таким образом, одним из определяющих факторов, позволяющих теоретически и практически осмыслить различные стороны государственно-правового процесса защиты, является действительное участие личности в его реальном осуществлении.

Возможности в сфере защиты прав и свобод принадлежат человеку, который определяет порядок их реализации, организует их осуществление, регулируются государством и, вместе с тем, неразрывно связаны с политическими, экономическими и иными условиями, обеспечивающими права и свободы человека и гражданина. Поэтому, исследуя явление защиты, необходимо рассматривать не только юридические формы ее признания, а нечто более широкое – совокупность юридических возможностей человека и правовых элементов, ее образующих, направленную на достижение цели, обеспечивающей правомерный ход реализации прав, юридическое и фактическое восстановление нарушенных прав личности.

Фактическое положение человека в системе защиты прав – самостоятельная проблема, которая не может быть сведена к ее характеристике только как защиты отдельных групп прав (личных, политических и др.) или видов прав (право на свободу и личную неприкосновенность, право на жилище и т.д.), элементу обеспечения их реализации, отдельным возможностям, позволяющим человеку защитить свои права и свободы (право на жалобу, право на юридическую помощь). Механизм защиты прав должен быть определен как комплексно, так и в его компонентах. Причем границы, рамки реализации должны быть установлены таким образом, чтобы совмещать в себе активность человека, требования к поведению должностных лиц и государственных органов и совокупность мер правового, идеологического, политического и социального характера, обеспечиваемых государством.

В соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы...». Процесс защиты прав человека на национальном и международном уровнях должен носить универсальный характер. В международных договорах идея уважения и защиты прав человека воплощается основополагающим принципом, задачей, к выполнению которой должны стремиться все государства.

Конечно, защита прав и свобод человека и гражданина немаловажна без юридического закрепления, но не сводится к нему. Если законодательную базу сравнительно легко построить, то адекватное восприятие данного нормативного материала – довольно сложный процесс, требующий реализации в научной, просветительской, организационной, правоприменительной областях.

Необходимость целостного подхода к ценности человека и гражданина в вопросе защиты прав и свобод, который бы превратил его из пассивного наблюдателя в активного участника государственно-правовых преобразований, исследование новых актуальных проблем становления и функционирования механизма защиты прав и определили тему работы. Возникающие проблемы требуют научного анализа через призму законодательно закрепленных правовых средств, принципиальных общетеоретических позиций и современной реальности экономических, политических, культурных, правовых преобразований российской государственности.

Степень разработанности проблемы. Проблема защиты прав человека была и остается в центре внимания юридической науки. На общетеоретическом уровне те или иные фундаментальные ее аспекты разрабатывали С. С. Алексеев, В. К. Бабаев, Н. С. Боброва, В. М. Ведяхин, Н. В. Витрук, Л. Д. Воеводин, А. И. Ковлер, В. А. Кучинский, Р. З. Лившиц, Е. А. Лукашева, А. В. Малько, Н. И. Матузов, А. В. Мицкевич, В. С. Нерсисянц, В. А. Патюлин, В. Д. Перевалов, Ю. А. Тихомиров, К. Б. Толкачев, Б. Н. Топорнин,

И. Е. Фарбер, А. Г. Хабибулин, Д. М. Чечот, А. С. Шабуров, Ц. А. Ямпольская и многие другие ученые.

В работе используются работы ученых-специалистов в сфере конституционного, гражданского, административного, трудового и других отраслей права – М. В. Баглая, Д. Н. Бахраха, К. С. Бельского, П. П. Глущенко, С. Ю. Головиной, В. М. Жуйкова, Г. П. Ивлиева, В. Я. Кикотя, Е. И. Козловой, А. Н. Кокотова, М. И. Кукушкина, О. Е. Кутафина, Р. Г. Мельниченко, О. О. Миронова, М. В. Молодцова, В. В. Невинского, Ю. Н. Старилова, Н. Ю. Хаманевой и других авторов.

Значительный вклад в исследование вопросов теории и практики международно-правовой защиты прав человека внесли отечественные юристы – Э. М. Аметистов, П. Н. Бирюков, И. П. Блищенко, Г. М. Даниленко, В. А. Карташкин, Ю. М. Колосов, И. И. Лукашук, С. Ю. Марочкин, О. И. Тиунов, С. В. Черниченко, М. Л. Энтин, зарубежные правоведы – М. Альварес, Т. Бюргенталь, Ф. Люшер, Р. Рисдал, В. Ройтнер, М. Холланд, К. Хюфнер и другие ученые.

Вместе с тем нельзя не обратить внимание на то, что, несмотря на богатство и разнообразие научного материала, в опубликованных трудах рассматриваются различные теоретические, практические элементы или стороны участия человека в социально-государственном механизме защиты его прав. Комплексные подходы проявились в публикациях О. О. Миронова, В. П. Парфенова, А. В. Стремоухова, С. А. Широбокова. Однако работы одних ученых сосредоточены в пределах теории правовой защиты личности, другие имеют ценность в качестве теоретических и историко-сравнительных форм изложения материала, поскольку были выработаны на основании нормативных положений уже не действующего законодательства. Состояние современного российского законодательства, ориентированного на согласование и взаимодействие внутригосударственного права с нормативной международной системой права, и потенци-

ал российской правовой науки обуславливают необходимость дальнейшего научного исследования поставленной проблемы, разрешение ее в соответствии с назревшими потребностями развития российского общества. Применение нормативного материала в рассмотрении правовых проблем является необходимым условием их успешного решения.

Объектом исследования является совокупность общественных отношений, складывающихся в процессе защиты прав и свобод человека и гражданина.

Предметом исследования служат вопросы установления, реализации и обеспечения конституционного права человека и гражданина на правовую защиту, носящие общеправовой, законодательный и практический характер.

Цель исследования – анализ сложившегося уровня теории и практики защиты прав личности, преодоление противоречий и пробелов конституционно-правовых и иных отраслевых норм и механизмов, гарантирующих каждому человеку и гражданину эффективную правовую защиту его прав и свобод, что является одним из определяющих факторов становления в России правовой государственности и связывается с реализацией международного принципа уважения и защиты прав и основных свобод личности.

Для достижения цели исследования было необходимо решить следующие задачи:

- охарактеризовать социальную сущность индивидуального механизма защиты прав человека и гражданина в соответствии с современными потребностями развития России как правового государства;
- определить содержание и юридическую природу конституционного права на правовую защиту с учетом тесной связи внутригосударственного российского законодательства с международным правом;
- рассмотреть в теоретическом аспекте место конституционного права на правовую защиту в системе прав и свобод человека и гражданина;

- определить целостно и в деталях механизм реализации конституционного права на правовую защиту и его место в системе гарантирования прав человека и гражданина;

- рассмотреть гарантии реализации конституционного права на правовую защиту с анализом соответствующей практики;

- выявить противоречия и пробелы в законодательстве Российской Федерации с учетом функционирования экономических, политических и иных структур гражданского общества и с целью адаптации правовой системы Российской Федерации нормам и принципам международного права в сфере развития механизма реализации конституционного права на правовую защиту;

- выработать рекомендации, направленные на совершенствование российской правовой системы конституционного законодательства в области повышения эффективности защиты прав и свобод личности.

Методологическую основу исследования составили общие и частные методы современного познания. В работе широко используются методы моделирования и системно-структурного анализа. Такой подход позволил автору оценить знания о конституционном праве на правовую защиту как об упорядоченной совокупности взаимосвязанных элементов, образующих целостное комплексное правовое явление, отвечающее оптимальной «модели» механизма защиты прав и свобод человека и гражданина. В интересах достижения цели исследования использовались и иные способы познания: логический, анализ, синтез, функциональный, сравнительно-правовой и др.

Научная новизна работы состоит в полученных результатах теоретического и прикладного характера. В работе с учетом современных достижений российской юридической науки, законодательства и правоприменительной практики комплексно исследуется вопрос реального положения человека в процессе защиты его прав в российском обществе, выработана «модель» – *конституционное право человека и гражданина на правовую защиту*, проведена ее оценка,

исследовано функциональное действие процесса защиты прав и свобод личности. В рамках поставленной проблемы анализируется правовое обеспечение конституционного права на правовую защиту идеологическими, экономическими и иными условиями и средствами, влияющими на механизм его реализации, в ходе чего определены и сформулированы научно-практические рекомендации по совершенствованию законодательства, юридической науки и практики. В научный оборот предлагается ввести правовую категорию *правозащитные права человека и гражданина*, при этом раскрывается ее юридическая характеристика.

Теоретическое и практическое значение представленного читателю исследования состоит в том, что содержащиеся в нем положения, выводы и предложения могут быть использованы:

- в законотворческой деятельности по дальнейшему совершенствованию действующей нормативной системы Российской Федерации по вопросам защиты прав и свобод личности, имплементации принципов и норм международного права в российское законодательство;
- в правоприменительной деятельности компетентных субъектов при разрешении проблемных ситуаций, связанных с недостаточностью судебного толкования, и другими вопросами, имеющими место в процессе защиты прав личности;
- в научной работе для осмысления понятийного аппарата явления защиты прав личности, при дальнейшем исследовании вопросов прав человека, поскольку содержащиеся в работе положения, выводы и рекомендации развивают и дополняют теорию прав человека, конституционные аспекты правового положения личности, позволяют углублять их теоретические разработки;
- в преподавании теории государства и права, конституционного права, других отраслевых юридических дисциплин, международного права, а также специального предмета «Права человека».

Структура монографии обусловлена выбранными целью, задачами, объектом и предметом исследования. Работа состоит из введения, двух глав (пяти параграфов с определенной рубрикацией), заключения и списка используемых источников.

В первой главе «Социально-правовая характеристика конституционного права человека и гражданина на правовую защиту» раскрыта его сущностная и содержательная определенность.

В первом параграфе «Защита прав человека в правовом государстве» отражена социальная сущность конституционного права человека и гражданина на правовую защиту, определены общие параметры его правового содержания и ряд базовых понятий, которые неразрывно связаны с исследуемой проблемой.

Во втором параграфе «Содержание конституционного права на правовую защиту» проведен субстанциональный анализ законодательной и научной объективированной формы выражения права на правовую защиту, в рамках которого выработана «модель» конституционного права на правовую защиту.

В первом пункте второго параграфа «Юридическая регламентация права на правовую защиту в международной нормативной системе и возможности России по его соблюдению» автор исследует содержательный аспект конституционного права на правовую защиту в рамках взаимодействия двух правовых систем: международной и российской (национальной).

Во втором пункте второго параграфа «Конституционное право на правовую защиту в российской нормативной системе» формируется «модель» конституционного права на правовую защиту в контексте национальной правовой системы с учетом законодательных и теоретических положений, относящихся к ее государственно-правовой действительности.

Содержание права на правовую защиту образует совокупность соответствующих фактических возможностей человека и гражданина, облеченных в форму юридических построений субъективных прав человека. Такие права

фиксируются в Конституции РФ и последовательно развиваются, дополняются отраслевым законодательством (уголовно - процессуальным, трудовым, гражданским процессуальным и др.).

В третьем параграфе «Право на правовую защиту в системе конституционных прав личности» в развитие имеющейся в науке классификации основных прав и свобод личности, опосредующих различные сферы ее свобод и жизнедеятельности, автор предлагает выделить самостоятельную группу правозащитных прав.

В главе второй «Правовые гарантии конституционного права человека и гражданина на правовую защиту» рассматривается вопрос реализации конституционного права на правовую защиту, который преломляется через проблемы его обеспечения правовыми, экономическими, политическими, идеологическими условиями объективной действительности.

В первом параграфе «Механизм реализации конституционного права на правовую защиту в системе гарантирования прав человека» исследуются аспекты, относящиеся к построению и функционированию механизма защиты прав и свобод человека и гражданина.

Автор указывает на распространенное в юридической литературе положение о том, что под системой гарантирования прав понимается совокупность общих (социально-экономические, политические, идеологические) и юридических гарантий, обеспечивающая фактическую реализацию и охрану (защиту) прав и свобод человека и гражданина. Среди юридических гарантий выделяют гарантии реализации и охраны.

В монографии исследуется вопрос социального содержания и юридической формы гарантий, относящийся к оценке характера взаимодействия общих и юридических гарантий в процессе реализации прав человека.

Обосновывается мысль, что существует два этапа (стадии) реализации анализируемого права – охрана и процесс его осуществления, рассматриваемый

в диапазоне стадии защиты, которая возникает после нарушения какого-либо права.

Во втором параграфе второй главы «Проблемы реализации конституционного права на правовую защиту» обозначен ряд позитивных и негативных явлений идеологического, социально-политического, экономического характера, влияющих на реальность функционирования конституционного права на правовую защиту и обозначены социальные условия, необходимые для его корректировки в понимании и содержательном наполнении.

В заключении монографии формулируются принципиальные выводы работы.

ГЛАВА 1.
СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА
НА ПРАВОВУЮ ЗАЩИТУ

1.1. Защита прав человека в правовом государстве

Российская Федерация согласно ч. 1 ст. 1 Конституции есть правовое государство. Теоретическая концепция правовой государственности не имеет единого общепризнанного стандарта, позволяющего охарактеризовать ее с различных мировоззренческих, правовых, политических и иных позиций. Идея правового государства постоянно наполняется новым содержанием, абстрагируемым из аспектов социальной действительности, правовой теории и практики. Исследование формирования правового государства основывается на сложной динамичной системе «государство – право – человек», изучение которой предполагает учет целого комплекса ее внутренних и внешних условий. Таких, например, как выявление позитивных и негативных тенденций в общественных отношениях; установление практических критериев преломления социальных и правовых процессов; политические, нравственные, религиозные и экономические нормативы.

На сегодняшний день в основу формирования правового государства в России положены различные государственно-правовые ценности и явления – человек и его права и свободы; господство права; верховенство закона; демократия; разделение государственной власти на законодательную, исполнительную, судебную и их взаимоконтроль. В юридической литературе указываются и иные специфические черты определения правового государства: федерализм, высокий уровень правосознания и правовой культуры в обществе, наличие

гражданского общества и осуществление контроля с его стороны за выполнением законов всеми субъектами права и др.¹.

В реальном воплощении и переплетении содержания всех этих понятий можно выделить два основных признака, определяющих Российскую Федерацию как правовое государство. Во-первых, провозглашение приоритета человека и его прав по отношению к иным социальным ценностям. Государство и его институты должны служить личности, его обязанность не только закрепить в нормативно-правовых актах в наиболее полном объеме ее права, но и обеспечить их практическую реализацию и защиту с использованием правовых средств. «Права человека как главное звено правового режима стимулирования для индивида есть источник постоянного воспроизводства его инициативы, предприимчивости, инструмент саморазвития гражданского общества... Они все прочнее становятся точкой отсчета в национальных правовых системах, правовом регулировании»². Во-вторых, приоритет права³. Оно является средством юридического оформления государства, обязательным требованием, без наличия которого само государство оказывало бы лишь идеологическое воздействие на экономические, политические и иные свои основы. Право выступает необходимым условием взаимодействия личности с государством, определяет меру юридической свободы индивида, гарантии реализации и защиты его прав.

¹ Об этом подробнее см.: Теория государства и права: учебник / Отв. ред. В.М. Корецкий, В.Д. Перевалов. М., 2000. С. 104-113, 142-145; Теория государства и права: учебник / Под ред. В.К. Бабаева. М., 1999. С. 146-152 (глава "Правовое государство и гражданское общество"); Малько А.В. Правовое государство // Правоведение. 1997. № 3. С. 141-146; Правовое государство в России: замысел и реальность (к десятилетию перестройки): материалы "круглого" стола юристов. М., 1995. С. 27-31.

² Малько А.В. Указ. соч. С. 141.

³ Об этом подробнее см.: Козлихин И.Ю. Идея правового государства: История и современность. СПб., 1993. С. 53-62; Нерсесянц В.С. История идей правовой государственно-сти. М., 1993. С. 14-16.

Основополагающими началами, позволяющими определить сущность правового государства, являются принципы его функционирования и развития. Нормативно-руководящие позиции, характеризующие идею правовой государственности, отличаются многоаспектностью возникновения и существования. С одной стороны, их структуру составляют правовые принципы, берущие свое начало из норм права (принципов права). Провозглашение приоритета человека, его прав и свобод, закрепление данного суждения в юридическую форму (ст. 2 Конституции РФ) является одним из принципов права, характеризующих Российскую Федерацию в качестве правового государства. С другой стороны, они являются действительной стороной социального пространства, суммарное выражение которого складывается через комплекс необходимых условий и средств нормальной жизнедеятельности человека, взаимоотношений между людьми. К ним относятся экономическая, духовная, политическая и иные системы гражданского общества, его социальные нормативы.

Выделенные в аспекте становления и развития правового государства два главных признака имеют единую общую грань – право, формирование и функционирование которого в системной связи с человеком и государством автор предлагает рассмотреть с двух позиций, позволяющих по-разному подойти к вопросу трактовки принципов правового государства.

Первая, в качестве общего фона рассмотрения, предполагает под собой социальную сферу, то есть определенные естественные блага, внешние условия, влияющие на существование человека в обществе, регулирующие общественные отношения. В рамках данной позиции «общество и все социальные институты имеют существенное отличие – в них «встроен» механизм воспроизводства социального. Сама же социальность и есть механизм поддержания собственно человеческого способа жизнедеятельности»¹. Она (позиция) характери-

¹ Честнов И.Л. Природа и этапы государственности // Правоведение. 1998. № 3. С. 5.

зуется совокупностью догосударственных норм человека, взаимоотношениями между людьми с точки зрения интересов общества. На функционирование такой системы направлены различные факторы – политические, экономические, правовые и др. Право, в свою очередь, является частью этой системы и опосредуется множеством ее явлений. Роль государства при таком подходе определяется тем, что оно призвано обеспечить целостность общества и выступает аппаратом управления обществом. Его деятельность оформляется соответствующими законами и опирается на их силу.

Таким образом, в основе отношений между человеком и государством находится комплекс правовых явлений, посредством которых устанавливаются, регламентируются, обеспечиваются общественные отношения, связи, состояния социальной среды. Иными словами, правовое регулирование деятельности государственных органов, государственное воздействие на политику, экономику, культуру, наличие в государстве для необходимых действий соответствующих форм и процедур, заключение иных явлений, имеющих в своей основе социальный аспект, в юридические рамки детерминируют правовые условия формирования и функционирования человека в гражданском обществе, тем самым выступая для него соответствующими мерами правовой защиты.

Положение правовой защиты человека служит посредником сочетания гражданского общества и юридической позиции его формирования, исходным требованием существования социальных отношений, построенных на системе правовых норм. В связи с этим одним из структурообразующих элементов, составляющих модель правового государства, следует считать самостоятельную основополагающую идею (принцип) правовой защиты человека, которая раскрывается при анализе явлений правовой системы и компонентов государственного воздействия на отношения между людьми.

Определение защиты как правовой фиксирует содержание и существование экономических, политических, организационных и иных социальных инст-

рументариев в форме различных фрагментов правовой действительности – юридических норм, актов применения права и др. Однако их действие и значение зависят от функционального назначения систем гражданского общества. Так, в пределах духовно-культурной системы, обуславливающей возникновение и развитие науки, образования, культуры, правовые категории рассматриваются как средства, определяющие духовно-культурные блага, регулирующие и обеспечивающие их осуществление.

Таким образом, идея правовой защиты человека выступает принципом построения, существования и эволюции правового государства. Однако качественная определенность данного принципа в рамках рассматриваемой позиции сводится к определенности формы (права) как средства защиты от беззакония и объединяет все то, что так или иначе связано с проявлением права, выступает в качестве его выражения или результата действия. Содержание данного принципа, его пределы раскрываются только в социальной сфере, в которой взаимоотношения человека и государства построены на основе права. Категория социальной сферы определяется с позиции целостного внешнего объекта – совокупности факторов объективного и субъективного порядка, влияющих на совместное и индивидуальное существование человека. Таковы, например, взаимоотношения между людьми, категории личностной саморегуляции и самоориентации человека, институт семьи, свобода экономической деятельности, отношения по поводу публичной власти, идеологическое многообразие и др.

Вторая позиция несколько не совпадает с первой относительно взаимодействия личности, государства и права. Ее сущность сводится к тому, что фактическим и юридическим измерением правовой государственности, ее объективно-действенной стороной, определяющей меру свободы индивида, выступают социально-нормативные конструкции – права человека, закрепленные в законах в качестве общеобязательных исходных норм.

В работе за исходную взята вторая позиция, различные элементы которой, в частности конституционное право человека и гражданина на правовую защиту, и будут подвергнуты детальному анализу. По отношению к этой позиции необходимость разработки первой в части уяснения критерия социальной действительности выступает как первичное, исходное. Обе позиции в этом вопросе связаны между собой отношениями последовательности, так как, во-первых, любая юридическая норма может быть полностью раскрыта только с учетом ее социальной характеристики, достижения социальной цели, то есть, с одной стороны, она зависит от социально-экономического, политического строя, духовно-культурной системы общества и других установок, с другой стороны, права человека должны обеспечить реальный доступ личности к использованию материальных и духовных благ, которые проявляют себя в социальной сфере. Во-вторых, право (речь идет о второй позиции) как необходимая предпосылка предоставления свободы человеку уже имеет заранее заданные параметры: естественные притязания личности, охватывающие различные социальные сферы жизнедеятельности человека. Использование категории социальной сферы в рамках рассмотрения второй позиции послужили бы посылкой к рассмотрению вопроса права, как явления, относящегося к области субъективного. В этой плоскости в качестве объективного выступают экономические, социальные, политические основы гражданского общества. Однако «конструирование широкого понятия с целью объединения объективного и субъективного права в одной категории не оправдано хотя бы потому, что в литературе уже сложилось понятие «правовое регулирование», которое в диалектическом единстве охватывает и объективное право, и правомочия, и ряд других правовых явлений»¹. Понятие «механизм правового регулирования» охватывает собой «... жесткое и властное нормирование общественных отношений государством,

¹ Алексеев С.С. О сущности общенародного права // Советское государство и право. 1963. № 4. С. 53.

законом... всю совокупность правовых явлений, действующих в обществе и оказывающих то или иное влияние на сознание и поведение субъектов...»¹. Поэтому позитивное значение разработки вопроса о социальной сфере сводится к использованию элементов этого явления в пределах второй позиции в качестве необходимых условий обеспечения реализации и защиты прав и свобод человека и дает возможность объективной оценки результатов действия правовых предписаний.

Право в целом ориентировано на подлинно гуманитарные приоритеты, цель которых – реализация статуса человека и гражданина, обеспечение его интересов. Правовое государство существует в соответствии с правами человека, которые обеспечиваются институтами государства по отношению к каждой личности во взаимосвязи с принципами управления государством, федеративным устройством и качественно характеризуют результаты политических процессов, экономических и культурных преобразований.

Поэтому правовая защита человека как принцип правового государства – это комплексное правовое явление, включающее в себя систему прав человека, практическая реализация и защита которых обеспечивается государственными механизмами и процедурами с использованием правовых средств.

Наличие двух позиций, относящихся к правовому государству, не означает, что трактовка его идеи отвечает разному содержанию. Поскольку, во-первых, определенная совокупность явлений позиций дает единую меру его качественной характеристики. Во-вторых, эти позиции не только связаны между собой отношениями последовательности, но и характеризуются общими закономерностями. В первой позиции стремление возможно полнее отразить явление социальной сферы, не исключает вычленения прав человека и гражданина из общего понятия права. Однако их система, характеристика, гарантирование,

¹ Матузов Н.И. Личность. Право. Демократия / Теоретические проблемы субъективного права. Саратов, 1972. С. 60.

практическое осуществление и защита находятся во внутренних пределах правовой системы, рассмотренной в качестве самостоятельной части социальной сферы. При таком подходе речь можно вести о принципе правовой защиты прав человека, определение которого тождественно правовому явлению правовой защиты человека, изложенному в рамках трактовки второй позиции.

Определение «правовая защита человека» в контексте принципа правового государства с учетом состояний оценки социального прогресса и развития совмещает в себе два аспекта, характеризующихся социальной и правовой согласованностью. С одной стороны, это явление, проявляющееся в динамичном сочетании множества процессов становления, изменения и развития государственных, правовых институтов и систем путем их признания, обеспечения, защиты при помощи нормативных (правовых) регуляторов. Свойства множества и цельности государственно-правовых механизмов характеризуют данное понятие, трансформируя его в формы постоянного воспроизводства и изменения различных сторон общественных отношений, формирования условий, обеспечивающих достойную жизнь человека. Однако определить правильные практические действия, направленные на совершенствование становления правового государства, невозможно без учета уровня постоянной оценки функционирования социально-правовых институтов, призванных служить человеку, защищать его права и свободы. Поэтому, с другой стороны, «правовая защита» представляет собой качественно определенное явление, раскрывающее признаки правовой государственности на конкретной стадии осуществления государственно-правовых процессов.

Здесь необходимо указать на понятие «правовая защищенность» человека. Оно позволяет объединить на определенном этапе ценные позитивные выводы развития социально-правовых систем, выявить проблемы обеспечения интересов личности и сформировать из результатов измерений цели, направленные на совершенствование различных сторон жизни гражданского общества.

При этом эффективным рычагом перспективных тенденций развития социальной реальности является механизм правового регулирования общественных отношений. С его помощью достигается желаемый социальный результат, устраняются негативные факторы, препятствующие нормальному функционированию и развитию наиболее благоприятных условий.

Анализ терминов «правовая защита» и «правовая защищенность» в юридической литературе свидетельствует о наличии разногласий в рамках их содержательного аспекта. Так, С.Д. Порошук определяет правовую защищенность как следствие правовой защиты, степень реализации и уровень фактической обеспеченности социально-правового статуса личности¹. Однако о правовой защите человека необходимо вести речь как о постоянном действующем процессе, а не как о результате механизма его реализации. А.В. Коровников считает, что правовая защищенность – это система норм, содержащихся в законах и закрепляющих основные права человека². Но норма сама по себе «безжизненна». Реальное содержание необходимых жизненных взаимоотношений личности, государства, права, на которые она рассчитана, может проявиться лишь через процесс реализации, который имеет много аспектов не только юридических, но и социальных: экономических, моральных и др. Применительно к нашему исследованию заслуживает внимание точка зрения А.В. Стремоухова, который наиболее полно и всесторонне попытался раскрыть вопрос соотношения этих правовых явлений. Он считает, что «правовая защищенность – это высокий уровень защиты личности законом, который характеризуется предоставлением лицу широких конституционных прав и наличием эффективного меха-

¹ См.: Порошук С.Д. Общетеоретические аспекты социально-правовой защиты сотрудников милиции: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994. С. 73.

² См.: Коровников А.В. Социальная защита военнослужащих: становление, развитие и правовое регулирование. М., 1995. С. 20.

низма их правовой защиты»¹. Но А.В. Стремоухов в какой-то мере противоречит самому себе, когда сначала пишет, что термин «правовая защищенность» является производным от понятия «правовая защита», затем, выделив характерные свойства «правовой защищенности», которые, по его мнению, «...делают ее самостоятельным и качественно определенным правовым явлением»², рассматривает ее в двух смыслах – узком и широком, причем в последнем она характеризуется наличием собственно правовой защиты³.

В реальной действительности к уяснению этих двух понятий необходим системно-целостный подход, который и отразит их сущностные признаки и характеристики с учетом цели, задач и возможностей исследования в границах одной социально-правовой модели «правовая защита человека». Несмотря на то, что понятие «правовая защита» подменяется другой формой смыслового выражения «правовая защищенность», коррелятивной от объема содержания первого термина, их разделение все же условно. Укрепление российской государственности, демократических основ общества, обеспечение последовательного воплощения в жизнь положений о высших ценностях и другие аспекты, направленные на становление демократического правового государства, обуславливают последовательность существующих государственно-правовых состояний правовой защищенности человека. В то же время выделить качественные результаты социально-правовой государственности невозможно без широкого набора юридически предоставляемых, но еще фактически не реализованных возможностей, суммарно определяющих «образ» правового государства.

В рамках теории правовой действительности права человека отождествляются с понятием «субъективные права человека», хотя обнаруживается некая условность, не в смысле степени обобщения понятий, а в вопросах соотноше-

¹ Стремоухов А.В. Человек и его правовая защита: Теоретические проблемы. СПб., 1996. С. 28.

² Там же. С. 26.

³ См.: там же. С. 26-28.

ния правовой формы и социального смысла отображаемых явлений. Речь идет не о соотношении объективного и субъективного в праве. Решающим и исходным при их анализе является то, что по своей природе права человека обусловлены, прежде всего, социальным статусом личности, а субъективное право по отношению к ним выступает своего рода формой их юридического выражения, но в то же самое время, имеющей свою юридическую природу, самостоятельное политическое и правовое значение. Государство, осуществляя свою деятельность в правовых формах, закрепляет права человека, создает структуры, необходимые для их осуществления. В плане теоретической трактовки субъективных прав, последние гарантированы государством при помощи механизмов юридического обеспечения, которые предоставляют возможности прибегнуть в необходимых случаях и к авторитету государства. Субъективные права немислимы без корреспондирующих обязанностей их обеспечивать, соблюдать и не нарушать. Но эти обязанности потеряли бы всякий смысл без признания социальных моделей общественных отношений нормативными установками. Если не видеть этого, то окажется совершенно непонятным, в чем заключается социальный и правовой характер понятий «субъективное право» и «право человека».

Все вышеизложенное позволяет, с одной стороны, обозначить ряд специфических особенностей, присущих комплексному правовому явлению правовой защиты человека, с другой стороны выявить необходимые элементы юридического содержания данного принципа.

Среди особенностей можно выделить следующие: во-первых, человек в его взаимоотношениях с государством выступает не как объект государственной деятельности, а как равноправный субъект, который может через определенные опосредующие звенья воздействовать на существование юридических норм, управлять делами государства, спорить с государством в лице любых его органов. Поэтому явление правовой защиты человека тесно переплетается с

демократическими положениями и опирается на иные принципы, составляющие основы конституционного строя государства и характеризующие российскую государственность: суверенитет, приоритет общечеловеческих ценностей, идеологическое и политическое многообразие, разделение властей и др.

Во-вторых, принцип правовой защиты человека определяет меру свободы личности в государстве такой, какая она есть в качестве сложившейся реальности и еще развивающейся необходимой действительности, требующей пересмотра некоторых вопросов в сфере прав и свобод человека и гражданина (развитие и совершенство законодательства, системы образования, создание комплексного механизма обеспечения и защиты прав человека соответствующего международным стандартам и др.).

В-третьих, все юридические явления принципа в их взаимосвязи с социальными установками трансформируются в поведенческом взаимодействии людей друг с другом, с государством, которое обязано признать в нормативно-правовых актах формальные правила поведения личности, обеспечить их реализацию и защиту.

Последнее положение выступает исходной посылкой к уяснению юридического содержания принципа правовой защиты человека. При этом необходимо отметить, что в юридическом содержании имеют место не реальные действия государства и личности, а лишь те, которые предусмотрены законом, то есть возможные и должные.

Правовая защита человека, выступающая в качестве императивного требования взаимосвязи личности, права, государства, в границах целостной правовой действительности находит свое основное выражение в формально-определенном необходимом правиле поведения. В ст. 2 Конституции РФ закреплено, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства, которая непосредственно вытекает из зафик-

сированного в ст. 1 Конституции РФ положения о Российской Федерации как о демократическом правовом государстве.

Юридическая обязанность государства характеризует определенные внешние взаимоотношения прав человека и гражданина с реальными жизненными отношениями, связь между личностью и юридическим инструментарием, что дает возможность говорить о ней как о системообразующем факторе конструирования юридического содержания явления правовой защиты человека. Это, в свою очередь, открывает путь к рассмотрению ее как синтезирующего, системного начала в обеспечении интересов человека.

Общая структура юридической обязанности государства, закрепленной в норме конституционного права, включает в себя три главных аспекта – признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина. Неодинаковые элементы органичного целого связываются между собой отношениями координации и субординации, существуя и развиваясь в рамках должной, установленной правом и обеспечиваемой государством правовой необходимости. Однако каждый аспект обязанности имеет неодинаковое содержание и в соответствии с этим различную степень юридической определенности, которая способствует выявлению качественно значимых особенностей ее состава.

Юридические обязанности могут быть: обязанностями активного поведения, обязанностями пассивного поведения и обязанностями претерпевания мер государственно-принудительного воздействия, функционирующие соответственно в рамках правоотношений активного, пассивного и охранительного типов. В правоотношениях пассивного типа на субъекта возлагается обязанность воздерживаться от определенных действий, что создает необходимые условия совершать дозволенные положительные действия управомоченным. В правоотношениях активного типа совершение положительных действий обязанного приводит к удовлетворению интересов управомоченного. Охранительные правоотношения выражают непосредственный юридический эффект, который спо-

собствует интересам общества и государства¹. С.С. Алексеев, исследуя общее понятие юридической обязанности, придавая ей необходимое свойство – обеспечивать поведение в правоотношении мерами государственно-принудительного воздействия и качество юридического инструментария механизма правового регулирования, связанного с государственным принуждением, с юридическими санкциями, проявляющими себя и в составе субъективного права, не включает необходимость претерпевания мер государственно-принудительного воздействия, в отличие от необходимости активного поведения и обязанности пассивного поведения, в структуру юридической обязанности, а ограничивается исследованием этого аспекта в рамках охранительных правоотношений. Этот вопрос нуждается в дополнительном изучении, однако, применительно к понятию юридической обязанности, обозначенной С. С. Алексеевым, как «...долженствование, основанное на требованиях юридических норм...» и «...начало определенной социальной ответственности...»², хотелось бы отметить, что действие обязанности претерпевания мер государственно-принудительного воздействия проявляется не только в охранительных правоотношениях, ее оценка и реализация имеет принципиальные особенности, как для собственно государственной организации и деятельности, так и для социальных возможностей личности, которые детерминированы государством. Мера дозволенного поведения человека подразумевает рамки этого поведения, в которых человек сам несет ответственность за свои решения и действия. Отступления от предписаний закона, привлечение к ответственности виновных в их совершении поддерживают законность и правопорядок в обществе и государстве.

С учетом изложенного отметим, что в структуру рассматриваемой обязанности государства входят все три необходимости – активного, пассивного и

¹ См.: Алексеев С.С. Общая теория права. М., 1982. Т. 2. С. 127-128.

² См.: Алексеев С.С. Указ. соч. С. 126, 128.

охранительного поведения. Такая конструкция, во-первых, предполагает осуществление и защиту предоставляемых прав, реализацию правовых предписаний юридическими средствами. Во-вторых, в социальной сфере она отражает явления, находящиеся вне правовой плоскости, с позиций права. В этом заключается ее предметная определенность в процессах социального и правового регулирования, воздействия на общественные отношения. Таким образом, модель поведения, проявляя себя, с одной стороны, в границах действия одной нормы, с другой стороны, в наличии единого социально-правового содержания, отвечающего критерию правовой защиты человека, не ставит под сомнение включение в единый механизм ее действия юридического эффекта правоотношений охранительного характера.

В рамках активных правоотношений фактическая возможность личности удовлетворить свой интерес определяет меру, рамки, объем правовых норм, субъективных прав и выступает вспомогательным средством на стадии реализации юридической обязанности нормативного закрепления (признания) фактических составов, процедурно-процессуальных форм их функционирования. Конституция, устанавливая меру юридически признанной свободы, определяет рамки государственного вторжения в деятельность человека, таким образом, закрепляя их в границы обязанности по соблюдению прав человека и гражданина. Свобода индивида удовлетворяется посредством собственных действий, реализации субъективных прав. Государственная власть ограничивается соответствующими пределами, рамками невмешательства в различные сферы общественной жизни. Поэтому в возникающих правоотношениях пассивного типа юридическая обязанность государства соблюдать права и свободы человека и гражданина выполняет вспомогательную функцию.

Обязанность претерпевать меры государственно-принудительного воздействия по существу выступает подчиненным понятием такой предельно широкой конструкции, как обязанность государства защищать права и свободы

человека и гражданина, которая охватывает собой различные юридические средства и явления, составляющие ее правовую реальность. Защита прав и свобод человека отражает соответствующие отношения между индивидом и государством. В таком составе отсутствует критерий вспомогательной функции какого-либо элемента, поскольку его непосредственной целью является точное исполнение правовых предписаний и требований как государством, так и личностью. Характер такой юридической формулировки определяется динамичной системой должного и возможного поведения государства и личности. Речь идет о соответствующих возможностях человека, формах и способах их осуществления, компетенции определенных государственных органов и их должностных лиц, направленных на правомерную реализацию и защиту прав личности.

В юридической литературе и законодательстве термин «защита прав» трактуется по-разному. «В законодательстве понятие «защита права» чаще всего носит достаточно абстрактный характер и означает возможность государства, его органов защищать те или иные права, не конкретизируя, идет ли речь о защите нарушенных прав, или о гарантиях, формах реализации тех или иных еще не нарушенных прав»¹. В некоторых теоретических разработках имеют место два разных правовых защитных явления – «защита» и «охрана», отделяемые одно от другого функциональным предназначением². Это положение в общем можно свести к следующей конструкции, в которой «охрана» охватывает меры, применяемые до нарушения прав и свобод, направленные на предупреждение их нарушений либо устранения препятствий, не являющихся правонару-

¹ Ведяхин В.М., Шубина Т.Б. Защита права как правовая категория // Правоведение. 1998. № 1. С. 67.

² Об этом подробнее см.: Иванов О.В. Защита гражданских прав как правовой институт и как научная проблема // Вопросы советского государства и права: Труды Иркутск. ун-та. Т.XLV. Сер. юрид. Вып. 8. Ч. 3. Иркутск, 1967. С. 41-55; Тихонова Б.Ю. Субъективные права советских граждан, их охрана и защита: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1972. С. 11-20; Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, 1987. С. 131; Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. Саратов, 1996. С. 223.

шениями, на пути реализации человеком своих прав и свобод, а «защита» – законный способ, меры, применяемые после правонарушения, в целях восстановления нарушенного права человека¹.

Д. М. Чечот использует понятие «защита прав», напрямую связывая его с категорией «гарантия», рассматривая создание и функционирование объективно необходимых форм защиты субъективного права, направленных как на предотвращение и недопущение нарушений субъективного права, так и непосредственно на его защиту². В таком контексте отождествление явления «гарантия» с категориями «защита прав» и «охрана прав» не совсем понятно. Поскольку, «гарантии – это средства, а охрана (защита) – действия личности, деятельность компетентных государственных органов и общественных организаций с использованием указанных средств (гарантий)»³. Вместе с тем в юридической теории существует точка зрения некоторых авторов, носящая компромиссный характер по отношению к вышеизложенным, которая исходит из того, что «охрана представляет собой более широкое понятие, включающее все юридические средства обеспечения прав и интересов личности. Защита – это определенные меры, предусмотренные в законе на те случаи, когда право уже нарушено. Защита является видом охраны, ее частным проявлением»⁴. По изначальному смыслу такая градация, принятая в науке, проявляется и на практике. Так, ст. 11 УПК РФ раскрывает содержательный аспект охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (разъяснение прав и обязанностей, возмещение вреда, причиненного лицу в результате нарушения его прав и свобод судом, а также должностными лицами, осуществляющими уголовное преследование), которое имеет своим назначением защиту прав и законных ин-

¹ См.: Тихонова Б.Ю. Там же. С. 11-15.

² См.: Чечот Д.М. Субъективное право и формы его защиты. Л., 1968. С. 45-53.

³ Реализация прав граждан в условиях развитого социализма. М., 1983. С. 101 (автор главы – Н.В. Витрук).

⁴ Миронов О.О., Парфенов В.П. Право на защиту. Саратов, 1988. С. 49; См. также: Мален Н.С. Охрана прав личности советским законодательством. М. 1985. С. 18-19.

тересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения его прав и свобод.

Однако различие понятий «защита прав» и «охрана прав» есть различие не сущности, а только их существования. «Защита прав» находится в тесном единстве и взаимной связи с понятием «охрана прав». Как некоторую организованную целостность эти два понятия использует в своих работах Н.В. Витрук, определяя, что охрана (защита) прав и свобод есть «специальный вид правомерной положительной деятельности органов государства и общественности, а также самой личности как носителя прав и свобод»¹. А.В. Стремоухов считает, что Н.В. Витрук объединил эти два понятия не вполне удачно, так как понятие «охрана (защита) прав и обязанностей граждан» рассматривается как аналог «правовой защиты человека», а последняя выходит за рамки простого сложения охраны прав и защиты прав и приобретает свои уникальные свойства². Однако выявленные в результате его (А.В. Стремоухова) сопоставления различия категорий объективно очевидны, так как возникшая нестыковка в их содержании объясняется тем, что А.В. Стремоухов рассматривает «правовую защиту человека» в теоретико-множественным понимании целостного комплексного явления, сочетая и обобщая в своем теоретическом исследовании различные элементы правовой действительности: юридическую деятельность, правовое поведение, юридическую практику, правовую активность, правоотношение и др.³ В то время как явление «защиты и охраны прав» необходимо рассматривать в системно-структурном аспекте механизма реализации прав личности. С учетом этого, представляется обоснованной позиция Н.В. Витрука, соглашаясь с которой, сделаем оговорку о том, что на разных стадиях этого механизма, процесса

¹ Реализация прав граждан ... С. 99-100 (автор главы – Н.В. Витрук).

² См.: Стремоухов А.В. Указ. соч. С. 18, 33.

³ См.: Там же. С. 33-43.

реализации субъективных прав, теоретически корректно оперировать обоими этимологически идентичными понятиями, учитывая характер исходных данных.

Конституция РФ закрепляет следующие самостоятельные категории: защита прав и свобод человека и гражданина как обязанность государства (ст.2); государственная защита прав и свобод человека и гражданина (ч. 1 ст. 45); судебная защита прав и свобод личности (ч.1 ст. 46).

По мнению Б.Н. Мерзина, охрана прав начинается с установления обязанностей.¹ Другими словами, он в составе механизма охраны различает «три взаимосвязанных между собой «механизма»: непосредственно обязания, исполнения обязанностей и обеспечения их исполнения. Последний из которых, в частности, именуется механизмом защиты прав»².

Обязанность государства защищать права человека и гражданина является правовой формой юридического и социального функционирования прав личности, определяющей эффективность их реализации. Она становится определенным средством реализации прав, выступает гарантией правового отношения государственной власти к признанию и соблюдению прав человека, на что указывает и Б.Н. Мерзин³. Однако, по его мнению, «позитивное поведение обязанных субъектов права рассматривается как гарантия реализации прав личности и как сама реализация этих прав»⁴.

Гарантированность государственной защиты прав человека и гражданина напрямую зависит от обязанностей государства признавать и соблюдать эти права. Чтобы обеспечить государственную защиту прав и свобод человека и гражданина, Конституция предусматривает систему юридических способов и

¹ См.: Мерзин Б.Н. Категория охраны прав граждан. Проблемы гарантии осуществления и защиты прав граждан. Тарту, 1977. С. 34.

² Там же.

³ См.: Мерзин Б.Н. Указ. соч. С. 32-35.

⁴ Реализация прав граждан ... С. 101 (автор главы – Н.В. Витрук).

форм ее осуществления, неразрывно связанных с определенными экономическими, политическими, социальными, идеологическими условиями. Последние, определяемые в юридической науке как общие гарантии, опосредованно влияют на охрану прав человека с учетом тех факторов, которые существуют в обществе, обеспечивая возможность реализации субъективных прав. Так, ст. 35 Конституции РФ определяет в системе прав человека право частной собственности и закрепляет положение об охране права законом¹. Одной из общих (экономических) гарантий, обеспечивающей охрану права собственности выступает принцип – экономической системе Российской Федерации присуща собственность в различных ее формах: частной, государственной, муниципальной и др. (ч. 2 ст. 8 Конституции РФ). Кроме того, необходимость в защите прав человека непосредственно наступает тогда, когда есть неисполнение обязанности, нарушение права, незаконное привлечение человека к какой-либо ответственности или налицо спор о наличии существования самого права либо созданы препятствия осуществлению личностью ее прав.

Так или иначе, правовые нормы сами по себе не обеспечивают охрану (защиту) прав человека и гражданина, так как не имеют под собой процедурной процессуально-правовой основы. Государство обязано создавать соответствующие функциональные структуры: судебные, административные и другие, наделяя их соответствующими полномочиями в сфере защиты (охраны) прав личности. Вопросы регулирования и защиты (охраны) прав и свобод человека и гражданина содержатся в ст. 71 (п. «в») и ст. 72 (ч. 1 п. «б») Конституции РФ, рассматривающих предметы ведения Российской Федерации и совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов.

¹ См. об этом: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 1999 г. № 8-П "По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 131 и части первой статьи 380 Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества «Сибирское агентство «Экспресс» и гражданина С.И. Тененева, а также жалобой фирмы «Y. & G. Reliable Services, Inc.»" // СЗ РФ. 1999. № 21. Ст. 2669. П. 2

Согласно ч. 2 ст. 80 Конституции: «Президент Российской Федерации является гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина». Указом Президента РФ Комиссия по правам человека при Президенте РФ преобразована в Совет при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека. Совет является консультативным органом при Президенте РФ, который образован в целях оказания содействия главе государства в реализации его конституционных полномочий в области обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина, информирования Президента РФ о положении дел в этой области, содействия развитию институтов гражданского общества, подготовки предложений главе государства по вопросам, входящим в компетенцию Совета¹.

Правительство РФ осуществляет меры, обеспечивающие законность, права и свободы граждан, охрану собственности и общественного порядка, борьбу с преступностью (п. «е» ст. 114 Конституции РФ). Для обеспечения деятельности Правительства образован аппарат Правительства Российской Федерации²,

¹ См.: Указ Президента РФ от 06.11.2004 N 1417 "О Совете при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека" // СЗ РФ. 2004. № 46 (ч. II). Ст. 4511, с изменениями от 10 февраля 2009 г. // СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 813.

² См.: ФКЗ от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ "О Правительстве Российской Федерации" с изм. и доп. от 31.12.1997 г., 19.06. 2004 г., 03.11.2004 г., 01.06.2005 г., 30.01.2007 г., 02.03.2007 г., 25.12.2008 г., 30.12. 2008 г., 29.01.2010 г. // СЗ РФ. 1997. № 51. Ст. 5712; 1998 г. № 1. Ст. 1; 2004 г. № 25. Ст. 2478; 2004 г. № 45. Ст. 4376; 2005 г. № 23. Ст. 2197; 2007 г. № 6. Ст. 680; 2007 г. № 10. Ст. 1147; 2008 г. № 52 (ч.1). Ст. 6206; 2009 г. № 1. Ст. 3; 2010 г. № 5. Ст. 458; О регламенте Правительства РФ и положении об Аппарате Правительства РФ: утв. постановлением Правительства РФ № 260 от 01.07.2004 г. // СЗ РФ. 2004. № 23. Ст. 2313, в ред. постановлений Правительства РФ от 27.05.2006 г. № 322, от 07.07.2006 г. № 418, от 31.07.2007 г. № 492, от 28.03.2008 г. № 221, от 19.05.2008 г. № 376, от 26.11.2008 г. № 888, от 10.03.2009 г. № 202, от 17.03. 2009 г. № 242, от 30.04. 2009 г. № 389, от 02.09.2009 г. № 713, от 30.11.2009 г. № 967, 968, от 24.12.2009 г. № 1086, от 20.02. 2010 г. № 72// СЗ РФ. 2006. № 23. Ст. 2514; СЗ РФ. 2006. № 29. Ст. 3251; СЗ РФ. 2007. № 32. Ст. 4150; СЗ РФ. 2008. № 14. Ст. 1413; СЗ РФ. 2008. № 21. Ст. 2459; СЗ РФ. 2008. № 49. Ст. 5833; СЗ РФ. 2009. № 11. Ст. 1302; СЗ РФ. 2009. № 12. Ст. 1443; СЗ РФ. 2009. № 19. Ст. 2346; СЗ РФ. 2009. № 36. Ст. 4358; СЗ РФ. 2009. № 49 (2 ч.). Ст. 5970; СЗ РФ. 2009. № 49 (2ч.) Ст. 5971; СЗ РФ. 2009. № 52 (2ч.). Ст. 6609; СЗ РФ. 2010. № 9. Ст. 964., с изм., внесенными Постановлением Конституционного Суда РФ от 29.11.2006 N 9-П, решением Верховного Суда РФ от 15.02.2007 N ГКПИ06-1355.

основными функциями которого являются рассмотрение обращений граждан и организаций, адресованных в Правительство, направление этих обращений в соответствующие государственные органы и органы местного самоуправления для рассмотрения и принятия мер, организация приема граждан членами Правительства, а также проведение информационно-аналитической работы с указанными обращениями и др. Кроме того, защита прав и свобод возложена на федеральные правоохранительные органы исполнительной власти.

Правосудие – вид государственной деятельности и наиболее универсальная форма защиты субъективных прав. Осуществление правосудия только судом – основная гарантия законности, защиты прав, отражающая сущность демократического правового государства.

В целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав человека, а также охраняемых законом интересов общества и государства прокуратура Российской Федерации, как единая федеральная централизованная система органов, осуществляет различные функции, установленные федеральными законами. Полномочия, организация и порядок деятельности прокуратуры Российской Федерации определяются Федеральным законом от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»¹.

Новым является введенный федеральным конституционным законом институт Уполномоченного по права человека в Российской Федерации, который

¹ См.: Российская газета, 18.02.1992. № 39, с изм. и доп. от 17 ноября 1995 г., от 10 февраля, 19 ноября 1999 г., 2 января, 27 декабря 2000 г., 29, 30 декабря 2001 г., 28 июня, 25 июля, 5 октября 2002 г., 30 июня 2003 г., 22 августа 2004 г., 15 июля 2005 г., 4 ноября 2005 г., 2 марта 2007 г., 5 июня 2007 г., 24 июля 2007 г., 25 декабря 2008 г., 17 июля 2009, 28 ноября 2009 г. // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472; 1999. № 7. Ст. 878; 1999. № 47. Ст. 5620; 2000. № 2. Ст. 140; 2001. № 1 (ч.1). Ст. 2; № 53 (ч.1). Ст. 5018, 5030; 2002. № 26. Ст. 2523; № 30. Ст. 3029; № 40. Ст. 3853; 2003. № 27 (ч.1). Ст. 2700; 2004. № 35. Ст. 3607; 2005. № 29. Ст. 2906; 2005. № 45. Ст. 4586; 2007. № 10. Ст. 1151; 2007. № 24. Ст. 2830; 2007. № 31. Ст. 4011; 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6235; 2009. № 29. Ст. 3608; 2009. № 48. Ст. 5753, с изм. внесенными Постановлениями КС РФ от 18 февраля 2000 г., 17 июля 2002 г., 18 июля 2003 г. // СЗ РФ. 2000. № 9. Ст. 1066; 2002. № 31. Ст. 3160; 2003. № 30. Ст. 3101.

призван дополнить существующие средства защиты прав человека и гражданина. Должность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации учреждена в соответствии с Конституцией Российской Федерации в целях обеспечения гарантий государственной защиты прав человека, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами¹. Аналогичные институты появились в ряде субъектов Российской Федерации².

Таким образом, государственная защита осуществляется компетентными органами, должностными лицами и государственными служащими и включает в себя не только защиту субъективных прав от нарушений и преступных посягательств, но и охрану материальных, политических и иных условий их обеспечения. Так, ст. 7 Конституции РФ определяет государственные гарантии социальной защиты населения, связанной с обеспечением соответствующих возможностей (социальных прав человека и гражданина) в социальной структуре общества, необходимых для достойной жизни и свободного физического, умственного, нравственного совершенствования личности.

П.П. Глущенко и В.Я. Кикоть в своем исследовании речь ведут о социально-правовой защите, подчеркивая ее нормативно-правовой характер, «ибо социальная помощь немыслима без ее узаконения, уложения в определенные рамки закона, в то время как правовая помощь всегда направлена на достиже-

¹ См.: ФКЗ от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ "Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации" // СЗ РФ. 1997. № 9. Ст. 1011., с изм. и доп. от 16 октября 2006 г., 10 июня 2008 г. // СЗ РФ. 2006. № 43. Ст. 4411; 2008. № 24. Ст. 2788.

² См.: Закон Свердловской области "Об Уполномоченном по правам человека Свердловской области": принят Областной Думой Законодательного Собрания Свердловской области 16 мая 1996 года // Обл. газ. 1996. 21 июня; Закон Красноярского края от 21 октября 1997 года № 15-585 "Об Уполномоченном по правам человека в Красноярском крае"; Закон Ханты-Мансийского автономного округа "Об Уполномоченном по правам человека в Ханты-Мансийском автономном округе": принят Думой Ханты-мансийского автономного округа 30 июня 1999 г. и другие // Становление и развитие института Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и ее субъектах: Сборник документов. М., 2000. С. 640-649, 661-668, 682-693 и др.

ние, решение социальных целей и задач»¹. Следует, однако, отметить, что природа и назначение законодательно установленных положений социальной защиты уже изначально определяются самой сущностью права как нормативной системы. Поэтому при такой постановке вопроса имеет смысл говорить не о социально-правовой защите, а генетически определить правовой характер института социальной защиты, в котором основные элементы содержания, выделенного авторами правового явления, будут отражать гарантии социального обслуживания для всех членов общества.

Вызывает возражение позиция некоторых авторов, определяющих социальную защиту как комплексную систему мер, применяемых для обеспечения свободной и надлежащей реализации субъективных прав, включая судебную защиту, законодательные, экономические, организационно-технические и другие средства и мероприятия, а также самозащиту гражданами их прав². Нет особой необходимости говорить о том, что правовые формы защиты социальной политики, конечно, должны строиться с учетом ее социального предназначения, однако анализ нормативно-законодательной базы функционирования таких юридических механизмов формально упорядочивает их в самостоятельную единую систему. Отсутствие четко определенных правовых процедур защиты прав и свобод человека и гражданина ведет к беззаконию и произволу, противоречит сущностной идее правового государства.

Таким образом, защита (охрана) прав и свобод человека и гражданина взаимосвязана и взаимозависима с деятельностью властных структур и возможна в практическом воплощении идей правового и социального государства, развивающих и дополняющих друг друга.

¹ Глушенко П.П., Кикоть В.Я. Теория и практика социально-правовой защиты конституционных прав, свобод и интересов граждан в Российской Федерации. М., 2002. С. 18.

² См.: Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Д. Юридическая энциклопедия. М., 1997. С. 526.

Следует иметь в виду, что явления «правовая защита человека» и «защита прав личности» находятся между собой в отношении субординации, то есть объем второго целиком включается в объем первого. «Правовая защита человека» создает необходимую социально-правовую направленность поведения людей, формируя их волю и действие на реальное использование правовых средств защиты своих прав. «Защита прав» – это одна из юридических форм государственного управления, обеспечивающая реальную правовую защиту человека. Их общей чертой является наличие юридических механизмов, находящихся в распоряжении как государства, но используемых им для позитивного воздействия и регулирования социальной сферы, так и человека, гарантирующих ему реальное, фактическое исполнение обязанности государства защищать права человека.

Так, по мнению Е.А. Лукашевой, система юридических процедур, в рамках которых должна осуществляться охрана прав граждан, представляет собой, в частности: судебную защиту прав и свобод (ч.1 ст. 46 Конституция РФ); право обжалования в суд решений и действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц (ч.2 ст. 46 Конституция РФ); право обращения в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты (ч.3 ст. 46 Конституция РФ); право на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48 Конституция РФ); право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностными лицами (ст. 53 Конституция РФ)¹.

¹ См.: Лукашева Е.А. Эффективность юридических механизмов защиты прав человека: политические, экономические, социально-психологические аспекты // Конституция РФ и совершенствование механизмов защиты прав человека / Отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 1994. С. 6-7.

Механизм практического осуществления любых юридических процедур, связанных с защитой (охраной) прав личности, невозможен без притязаний индивида к государству. Иными словами, основанные на нормах объективного права и действующие правовые способы и механизмы, в то же самое время являются конкретными юридическими возможностями человека. Они служат средством правовой защиты его интересов.

Подобные переплетающиеся юридические конструкции, связанные с юридической деятельностью самого государства и поведением управомоченного субъекта (человека), представляют собой реальные правовые отношения, в которых обязанности государства защищать права и свободы человека и гражданина соответствует право (возможность) личности требовать защиты от посягательств на свои права. Последнее присуще «с момента возникновения, а не появляется лишь в момент нарушения или оспаривания права как некий факультативный его элемент»¹ и является безусловным требованием, структурным элементом всякого субъективного права. Но этот элемент существует именно как гарантированная возможность прибегнуть к силе государственного аппарата. А вот фактическая, действительная правовая форма его выражения является субъективным правом человека на защиту своих прав. Однако свойство качества «гарантированная возможность» каждого субъективного права не следует отождествлять с номинативным его значением в понятии субъективного права на правовую защиту – «гарантированная личности законом возможность пользоваться социальным благом»², то есть использовать систему правовых механизмов и процедур для защиты прав.

В механизме правового регулирования субъективное право человека и гражданина на правовую защиту реализует свое действие в фактическом пове-

¹ Чечот Д.М. Указ. соч. С. 26.

² Куцова Э.Ф. Право на защиту и интересы в советском уголовном процессе // Правоведение. 1983. № 2. С. 88-89.

дении участников (государство и человек) регулируемого отношения. В юридической литературе широкое признание получило определение субъективного права как обеспеченной законом возможности определенного поведения лица в целях обладания социальным благом¹. Право на правовую защиту состоит, прежде всего, в возможности человека действовать, в свободе его поведения (в рамках данного права), то есть самостоятельно определять какие правовые средства, заложенные в содержании права, обеспечат позитивный доступ личности к использованию материальных и духовных благ, предоставляемых и обеспеченных иными правами человека, что само по себе является уже социальным благом.

Для правильного понимания природы защитных юридических конструкций укажем, что они, с одной стороны, предстают перед нами как государственно-правовые средства обеспечения прав, правовые формы и способы защиты прав, с другой стороны, являются правом человека и гражданина на правовую защиту. Именно в таком контексте можно выделить субъективное и объективное значение правовой реальности для трактовки права на правовую защиту. Субъективное предполагает саму возможность лица, в то время как объективный аспект определяет ее реализацию. Таким образом, содержание права на правовую защиту выражает соответственно относительную независимость правовых средств защиты в механизме государственного управления и зависимость их от воли и сознания человека. Такое право рассчитано как на активную поддержку со стороны государства, так и на активную позицию личности в отстаивании своих прав и законных интересов.

¹ Об этом подробнее см.: Патюлин В.А. Субъективные права граждан: основные черты, стадии, гарантии реализации // Советское государство и право. 1971. № 6. С. 25; Фарбер И.Е. Права человека, гражданина и лица в социалистическом обществе // Правоведение. 1967. № 1. С. 41; Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2001. С. 525 (глава "Правовые отношения", автор – Н.И. Матузов).

Конституция Российской Федерации устанавливает пределы и характер государственной защиты прав и свобод человека и гражданина, которая реально обеспечивает социальные возможности определенного поведения личности, направленные на защиту своих прав и свобод. Закрепленные в Конституции нормативные возможности являются конституционными правами личности. Правовые предписания, содержащиеся в отраслевом законодательстве, имеют производное значение либо конкретизируют конституционные. Следует отметить, что только скоординированная система правовых механизмов и процедур дает возможность личности наиболее оптимально осуществить защиту своих прав и свобод. Исключить систему или ограничить ее действие путем выделения за пределы такой системы возможностей человека в качестве самостоятельных обособленных явлений или правомочий иных субъективных прав – значит обречь на неудачу эффективность действия защиты, предполагающей учет и взаимодополняемость составляющих ее элементов. Таким образом, социальные возможности человека по защите своих прав определяют содержание сложного субъективного конституционного права человека и гражданина на правовую защиту, составляя ряд его правомочий.

В литературе делались попытки расширить содержание субъективных прав за счет включения в их состав конкретных видов правомочий права на правовую защиту. Так, например, И. Е. Фарбер правомочиями права на неприкосновенность личности рассматривает право гражданина на защиту в суде и право гражданина на правовую защиту со стороны органов государства и органов общественных организаций¹. К вопросу уяснения нормативного содержания субъективных прав, речь идет непосредственно о включении в него отдельных правомочий права на правовую защиту, следует пояснить несколько моментов. Во-первых, каждое субъективное право характеризуется только ему

¹ См.: Фарбер И.Е. Конституционное право на неприкосновенность личности советских граждан // Правоведение. 1973. № 3. С. 16-17.

присущим целевым моментом. Цель каждого права отличается конкретностью, привязанностью к определенным отношениям, возникающим между государством и человеком и тем самым характеризует, с одной стороны, наличие в его составе взаимосвязанных критериев (правомочий, входящих в субъективное право), с другой стороны, сам конкретный результат – удовлетворение определенных потребностей личности. Выбор правомочий адекватных цели – главное в достижении необходимого результата права. Защита права – непосредственная цель субъективного права на правовую защиту. Если предположить, что она будет присутствовать в каком-либо другом праве и будет превалировать над целевым моментом права, то тогда следует признать необоснованность социального результата последнего и, наоборот. Во-вторых, такая конструкция усложнит сам процесс защиты, поскольку личность обязана будет прибегать, в первую очередь, к тем средствам правовой защиты, которые определены в содержании права, а они могут быть не всегда эффективны и достаточны. И, в-третьих, в основном элементе юридического содержания правовой защиты человека явление защиты предусмотрено и сформулировано как единое императивное правило поведения (обязанность государства защищать права и свободы личности), которое оказывает определенное регулирующее воздействие на все общественные отношения – обеспечение реализации системы прав человека. А объективированная форма такой обязанности – конституционное право на правовую защиту, будучи, по своему характеру, самостоятельным правовым явлением в системе иных правовых возможностей личности, складывающихся в обществе, является одной из важнейших юридических гарантий всех и каждого права, которыми на основании действующего законодательства обладает личность.

Юридическая связь между государством и личностью опосредует существование правовых отношений взаимообусловленных субъективными правами и юридическими обязанностями того и другого субъектов права. В юридиче-

ской литературе нет единого мнения по вопросу о правовой сущности и структуре правоотношений, одним из элементов юридического содержания которых выступают конституционно провозглашенные основные права человека и субъективным характером последних. По этому вопросу сложились противоположные точки зрения.

Одни авторы (В.А. Кучинский, А.В. Мицкевич и др.¹) проводят различие между конституционными правами, определяющими весь правовой статус гражданина, и его субъективными правами, возникновение которых связывается с соответствующими юридическими фактами, а реализация происходит в конкретных отношениях между людьми. А.В. Мицкевич считает, что каждый субъект права в силу самого действия закона, то есть независимо от участия в тех или иных правоотношениях, обладает определенным комплексом прав и обязанностей (конституционных). Но поскольку эти права и обязанности лежат вне правоотношения, а составляют лишь содержание правосубъектности или правового статуса лица, то их нельзя отнести к числу субъективных прав граждан². По мнению В.А. Кучинского, признание конституционных прав и обязанностей субъективными противоречит принципу равенства правового статуса гражданина. Поскольку последний «содержит в себе возможности, равные для всех членов общества. Возникающие же на основе правового статуса в зависимости от конкретных обстоятельств субъективные права и обязанности граждан чрезвычайно разнообразны. В этом разнообразии и заключается основная служебная роль субъективных прав»³.

Несколько иные предметные основания различия конституционных и субъективных прав – по вопросу содержания прав и процесса их защиты –

¹ Об этом подробнее см.: Мицкевич А.В. Субъекты советского права. М., 1962. С.12-13; Кучинский В.А. Правовой статус и субъективные права граждан // Правоведение. 1965. № 4. С. 43-55; Чечот Д.М. Указ. соч. С. 16-17.

² См.: Мицкевич А.В. Там же. С. 12; Общая теория права. М., 1966. С. 284.

³ Кучинский В.А. Там же. С.46.

приводят в своей работе В.М. Ведяхин, Т.Б. Шубина¹. Они пишут: «Известно, что реализация прав и свобод осуществляется через общие правоотношения, а реализация конкретных субъективных прав – через конкретные относительные правоотношения. В том же случае, когда права и свободы нарушаются, возникают конкретные правоотношения, которые носят восстановительный характер. В этом случае правоотношения, возникающие в результате нарушения прав и свобод, по своему характеру ничем не отличаются от правоотношений, возникающих в результате нарушения чьих-либо конкретных субъективных прав... права и свободы касаются только граждан, носителями же субъективных прав являются как физические, так и юридические лица»². С такой позицией трудно согласиться. В частности потому, что В.М. Ведяхин и Т.Б. Шубина, определяя право как «субъективное», связывают его, с одной стороны, с одним из видов правоотношений (конкретных), реализацией права, с другой, с принадлежностью его к субъекту права (юридическому лицу). Реальная принадлежность прав субъекту правоотношений, а не их реализация, определяет субъективный характер прав. Принцип непосредственного действия прав человека³, закрепленный в ст.18 Конституции РФ, в первую очередь означает, что такие права принадлежат человеку, и он может защищать их в случае нарушения. «Права и свободы человека и гражданина «обеспечиваются правосудием»... А это означает, что конституционные права и свободы не есть «просто» элемент правоспособности, это субъективные права и свободы и подлежат судебной защите, как и права и свободы, предусмотренные отраслевым законода-

¹ Ведяхин В.М., Шубина Т.Б. Указ. соч. С. 77.

² Там же. С. 78.

³ О необходимости непосредственного применения ст. 46 (части 1 и 2) Конституции РФ говорится в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 24 апреля 2002 г. № 114-О "По жалобе граждан Вахонина Александра Ивановича и Смердова Сергея Дмитриевича на нарушение их конституционных прав частью третьей статьи 220.2 УПК РСФСР" // СЗ РФ. 2002. № 29. Ст. 3006. П. 2.

тельством... Суд, как и другие органы государственной власти и их должностные лица, обязан защищать права человека и гражданина независимо от того, конкретизированы нормы Конституции в отраслевом законодательстве или нет, если такая конкретизация не диктуется самой Конституцией»¹.

Существует группа авторов, которые, признавая за конституционными правами их субъективный характер, допускают возможность их существования вне правоотношений (Л.С. Явич, М.С. Строгович, Д.И. Генкин и др.). Субъективный характер этих прав, по мнению Л.Д. Воеводина, «определяется двумя моментами: 1) они носят личный характер – принадлежат не только всем гражданам СССР, но и каждому гражданину в отдельности... 2) они имеют немало общего со свойствами субъективных прав и обязанностей в конкретном правоотношении»². Осуществление конституционных прав граждан в конкретных правоотношениях Л.Д. Воевдин связывает с возникновением новых субъективных прав граждан, которые конкретизируют содержание соответствующих конституционных прав. «Формой реализации основных прав и обязанностей могут быть как конкретные правоотношения, так и отношения, не урегулированные нормами права»³.

Другие ученые исходят из того, что признают за конституционными правами их субъективный характер, отмечая при этом, что «конституционные права существуют в рамках правоотношений, только особых, общерегулятивных, возникающих из действия норм конституции и носящих основополагающий (первичный) характер»⁴.

¹ Эбзеев Б., Радченко В. Прямое действие Конституции РФ и конкретизация ее норм // Российская юстиция. 1994. № 7. С. 8.

² Воевдин Л.Д. Теоретические вопросы правового положения личности // Советское государство и право. 1963. № 2. С. 15.

³ Воевдин Л.Д. Юридический статус личности в России: Учебное пособие. М., 1997. С. 158. См. также: Он же. Теоретические вопросы ... С. 16.

⁴ Матузов Н.И. Личность... С. 153.

С точки зрения советского законодательства мнения правоведов о возможности осуществления основных (конституционных) прав в конкретных правоотношениях, между управомоченным и обязанным лицом, противостоящими друг другу или вне правоотношений могли иметь в какой-то мере право на существование. Конституция Российской Федерации, в отличие от предыдущих, закрепляет положение о прямом ее действии (ч. 1 ст. 15). Она является основой всего законодательства России, неотъемлемой частью действующего права. В ст. 18 Конституции говорится: «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием». Их осуществление гарантировано созданием соответствующих механизмов и процедур. Так, в ряде постановлений Пленума Верховного Суда были даны разъяснения, основанные на приоритете конституционных норм. Верховный Суд ориентировал суды при разрешении гражданских и уголовных дел применять непосредственно Конституцию РФ как акт прямого действия¹. Закрепление определенных прав и свобод в Конституции РФ означает действительное осуществление их человеком.

Реализация любого субъективного права происходит через правоотношение. Это положение, в сущности, одинаково представляется в различных позициях рассмотрения субъективного права как элемента правоотношения. Гарантирование и реализация конституционных прав личности осуществляются в общерегулятивных, или просто общих правоотношениях. Однако не все право-

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 8 от 31 октября 1995 года "О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия" // Бюллетень ВС РФ. 1996. № 1. С. 3-6; См. также: Лебедев В.М. О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия // Бюллетень ВС РФ. 1996. № 2. С. 1-5; Алексеева Л.Б., Жуйков В.М., Лукашук И.И. Международные нормы о правах человека и применение их судами Российской Федерации: Практическое пособие. М., 1996. С. 54-69, 89-133.

веды видят в вопросе выделения общерегулятивных правоотношений убедительность и практическую полезность. «Какой смысл, – пишет В.К. Бабаев, – в конструировании правоотношений, где субъекты не определены, не связаны между собой четкими взаимными правами и обязанностями?»¹. При такой постановке вопроса можно сделать вывод, что конституционные права принадлежат всем или абстрактной личности, но не каждой конкретной. Признание такой позиции объективно ведет к отрицанию и умалению конституционных прав и свобод. Общерегулятивные отношения возникают на основе норм Конституции, иных основополагающих нормативно-правовых актов и являются исходными для отраслевых правоотношений.

Обязанность государства защищать права и свободы человека и гражданина, будучи элементом общих правоотношений, не исчерпывается в пределах осуществления какого-либо одного конституционного права. Могут быть выделены аспекты: гарантирования реализации субъективных прав; рассмотрения правоохранительных отношений²; обеспечения действительной защиты прав. При решении вопроса о ее роли в практическом осуществлении субъективных прав человека и гражданина необходимо комплексно учитывать их содержание, формы реализации, объективные условия, то есть факторы правового и неправового характера.

Применительно к данному исследованию все это позволяет сделать вывод о том, что обязанность государства защищать права и свободы человека и гражданина выступает для субъективного конституционного права на правовую защиту как опосредующий (гарантирующий существование) и как непосредственный (в структуре общерегулятивных правоотношений) элемент его действительности.

¹ Теория государства и права: Учебник / Под ред. В.К. Бабаева. М., 1999. С.416 (глава "Правовые отношения"); см. также: Гревцов Ю.И. Проблемы теории правового отношения. Л., 1981. С. 67, 69-70.

² См.: Алексеев С.С. Указ. соч. С.125.

В то же самое время сама норма об обязанности государства защищать права человека в силу прямого действия Конституции является непосредственно действующей. Если та или иная норма не будет содержать в аппарате реализации необходимых «опосредующих звеньев», она не сможет выполнить своего функционального назначения. Иначе говоря, непосредственное претворение в жизнь конституционной нормы – об обязанности государства защищать права и свободы человека и гражданина – требует самостоятельных правовых образований. Таким сложным по строению и объемным по содержанию правовым явлением и является конституционное право человека и гражданина на правовую защиту своих прав, реализуемое путем создания соответствующих юридических механизмов, необходимых для правомерного осуществления и защиты иных субъективных прав.

Вместе с тем необходимо дополнить такую модель должного и возможного поведения указанием на то, что содержание непосредственно конституционного права на правовую защиту может быть определено мерой как возможного, так и должного поведения индивида. Такие юридические установки проявляют себя в публичных и частных началах уголовного преследования. По большей части преступлений производство осуществляется в публичном порядке, когда процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения, имеющая своим назначением публичные интересы государства и общества – назначение виновным справедливого наказания и частные интересы – защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, осуществляет уголовное преследование виновных независимо от волеизъявления лиц, пострадавших от преступления. В то же самое время потерпевший, например, не вправе давать заведомо ложные показания или отказаться от дачи показаний, уклоняться от явки по вызову дознавателя, следователя, прокурора и в суд. В такой правовой конструкции личность не только может, но и обязана осуществлять защиту своих прав и законных интересов. Таким образом, право

на правовую защиту прав, сформулированное в виде должного поведения лица по отношению к публичной власти или должной деятельности определенных государственных органов в виде результата (меры по установлению события преступления, изобличению лица и лиц, виновных в совершении преступления и др.), непосредственно обращено как к личности, так и государственным органам, регламентируя обязанность последних осуществлять защиту интересов общества, государства, и лиц, пострадавших от преступления и связанную с этим реализацию возможностей по защите прав и законных интересов лиц, выступающих в различных процессуальных качествах.

Осуществление обязанностей (государства и личности) является одновременно реализацией права человека и гражданина на защиту своих прав. Поскольку право и обязанность все же лежат во взаимно пересекающихся правовых плоскостях, постольку существуют различные юридические инструментари, при помощи которых обеспечивается их перекрещивание. Так, обязательность государственного уголовного преследования по определенным категориям дел, закрепленная в ст. 21 УПК РФ, определение его субъектов обеспечивает непосредственно осуществление самого уголовного преследования и право определенной категории субъектов (потерпевшего, гражданского истца, их представителей) на участие в такой процессуальной деятельности. Имеющее место переплетение прав с обязанностями обуславливают нормальное функционирование демократического общества, соответствующее соотношение общественного и государственного интересов – обеспечение законности, осуществление и защита прав личности.

В плане теоретической трактовки конституционного права на правовую защиту необходимо отметить, что, исходя из общих посылок, такое право является одной из форм осуществления обязанности государства защищать права и свободы человека и гражданина. Однако, несмотря на то, что оба эти явления сочетаются единым государственно-волевым содержанием, правами, обязанно-

стями человека и государства, имеют формальную нормативную определенность, все это предполагает и наличие качественных их особенностей, определяющих самостоятельность данных явлений в правовой действительности. Если обязанность – это воздействие на определенные общественные отношения, то право – реальное их осуществление; обязанность – основа юридического содержания правовой защиты человека, право – юридическое средство защиты каждого; обязанность – объективная категория, соответствующая общественному и государственному развитию, право – то, по чему можно судить об этом развитии. Такой ряд принципиальных отличий можно продолжить, но в данном случае не они представляют интерес, а их цель – уяснить, что конституционное право человека и гражданина на правовую защиту есть самостоятельное правовое явление, имеющее свою форму, содержание и юридическое значение.

С учетом вышеизложенного, можно выделить три уровня, отражающих различные аспекты конституционного права человека и гражданина на правовую защиту: нормативно-регулятивный, организационно-содержательный и социально-коммуникационный.

Нормативно-регулятивному уровню присущи следующие характеристики права на правовую защиту: во-первых, определение его как «вида и меры поведения» личности, установленных нормативно и гарантированных государством. В законодательстве, с одной стороны, закреплён тот круг дозволенных действий, который человек вправе предпринять для защиты своих материальных и культурных потребностей, с другой стороны, определены структуры, процедуры, иные условия и средства, которые обеспечивают реализацию права на правовую защиту. Во-вторых, право проявляет свои возможности через весь присущий ему механизм действия, а его результат находит свое отражение как в правовой действительности (акты применения права), так и в социальной сфере (получение материальных благ, удовлетворение культурных потребностей). В-третьих, право воздействует (гарантия) и непосредственно регулирует качест-

венные стороны правовой деятельности личности – осуществление и защиту прав и свобод – ее поведение.

Организационно-содержательный уровень, во-первых, характеризует юридическое содержание права на правовую защиту. Его состав образуют определенные правовые возможности личности и их цель – оптимальная и действенная защита прав и свобод человека и гражданина. Во-вторых, определяет критерии правовых связей между элементами содержания права и их механизмами действия, в частности ими могут выступать принципы права и правового государства, особенности отдельных видов государственно-правовых норм и др.

Социально-коммуникационный уровень позволяет сделать вывод о том, что, с одной стороны, право – явление, определяемое идеей правовой государственности, принципом правовой защиты человека и нормативной конструкцией обязанности защищать права и свободы человека и гражданина, с другой стороны, значение права проявляется в упорядочивании социальной жизни общества и государства.

В рамках рассмотрения вопроса – социально-правовая характеристика конституционного права человека и гражданина на правовую защиту – следует пояснить момент относительно использования в его формулировке круга лиц, обладающих этим правом. Конкретизируя правовую возможность личности путем определения в понятии права его субъектов – человек и гражданин – автор акцентирует внимание на социально-юридической сущности рассматриваемого правового явления. Можно выделить следующие аспекты такого подхода. Во-первых, право на правовую защиту закрепляется за каждым человеком. Однако человек, не являющийся гражданином государства, не обладает определенной совокупностью прав, принадлежащих человеку как гражданину. А права человека как гражданина также обеспечиваются и защищаются государством в силу правовой связи государства со своим подданным. Во-вторых, юридическую

конструкцию «человек и гражданин» законодательно фиксирует положение – обязанность государства защищать права и свободы человека и гражданина, которая, выступает как непосредственный и опосредующий элемент действительности рассматриваемого права. В-третьих, социальную природу права на правовую защиту отражают элементы «социальной сферы» – условия существования граждан государства и человека, которые по своему гарантированию различны (например, назначение социальных пособий, участие в ведении государственных дел и др.). Однако, поскольку цель данного права – защита прав и свобод вне зависимости от того содержанием какого статуса личности (человека или гражданина) они являются, постольку автор оставляет за собой право для простоты изложения материала в вопросах формулировки и анализа рассматриваемого правового явления использовать в работе различные понятия субъектов: «человек», «гражданин», «человек и гражданин», взяв за основу положение о том, что конституционное право на правовую защиту принадлежит каждому, кто находится на территории государства.

Подводя итог, можно отметить: 1) принцип правовой защиты человека, как исходный аспект исследования, определяет социальную сущность конституционного права на правовую защиту и задает общие параметры его содержания; 2) конституционное право на правовую защиту есть самостоятельное средство, выраженное во взаимно соотносимых плоскостях социального (социальная сфера) и правового (обязанность государства защищать права личности) аспектов, раскрывающее юридическое содержание принципа, дающее его оценку.

1.2. Содержание конституционного права на правовую защиту

Особое значение в исследовании теоретических аспектов содержания конституционного права на правовую защиту отводится уяснению юридических критериев конструирования его понятия. Поскольку данное правовое явление рассматривается с позиций правовой науки, так как находит нормативное закрепление в законодательстве, то обязательными требованиями, на основании которых производится его оценка, являются не только «...научный такт и строгий учет сложившихся в науке традиций относительно терминологии...»¹, но и устойчивость, точная правовая определенность и эффективность. Субстанциональный анализ законодательной и научной обобщенной формы выражения права на правовую защиту путем выявления и практического измерения ее существенных особенностей позволит раскрыть и охарактеризовать правовую регламентацию, содержание и юридическое значение рассматриваемого правового явления.

В юридической литературе понятие «право на правовую защиту» нашло свое отражение в ряде научных исследований. Оно трактуется по-разному и часто приводит к неодинаковым заключениям о его содержании. Так, по мнению О.О. Миронова и В.П. Парфенова, данное право есть «...широкое субъективное конституционное право, включающее в себя ряд правомочий: право на судебную защиту и возмещение причиненного вреда; право на жалобу и на административную защиту; право граждан на юридическую помощь; право обвиняемого на защиту»². А. В. Стремоухов рассматривает его в качестве права на защиту права в структуре подсистемы правовой защиты человека³, определяя его как предусмотренную «...Конституцией РФ и другими законами возмож-

¹ Витрук Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М., 1979. С.19.

² Миронов О.О., Парфенов В.П. Указ. соч. С.15.

³ См.: Стремоухов А.В. Указ. соч. С. 261.

ность для человека использовать для защиты своего права собственные разрешенные законом принудительные действия или обратиться в компетентные государственные либо международные органы (организации) с требованием принудить обязанное лицо к правомерному обязательному поведению»¹.

Понятие право на правовую защиту формулируется в международных актах. В частности, в ч.3 ст. 2. Международного пакта о гражданских и политических правах (1966 г.) говорится: «Каждое участвующее в настоящем Пакте государство обязуется: а) обеспечить любому лицу, права и свободы которого, признаваемые в Пакте, нарушены, эффективное средство правовой защиты, даже если это нарушение было совершено лицами, действующими в официальном качестве; б) обеспечить, чтобы право на правовую защиту устанавливалось компетентными судебными, административными или законодательными властями или любым другим компетентным органом, предусмотренным правовой системой государства и развивать возможности судебной защиты; с) обеспечить применение компетентными властями средств правовой защиты, когда они предоставляются»². В Конвенции о защите прав человека и основных свобод закреплено право на эффективное средство правовой защиты (ст. 13).

Проблему внешней формы выражения (понятийный аппарат) и ее соотношение с внутренним содержанием конституционного права на правовую защиту представляется необходимым уяснить с учетом изложенных юридических конструкций и теоретических позиций.

¹ См.: Стремоухов А.В. Там же. С. 264.

² См.: Ведомости ВС СССР. 1976. № 17 (1831). Ст. 291.

1.2.1. Юридическая регламентация конституционного права на правовую защиту в международной нормативной системе и возможности России по его соблюдению

Обязанность каждого государства уважать и соблюдать права человека вытекает непосредственно из принципа уважения прав человека – одного из основных принципов современного международного права.

В соответствии с ч. 1 ст. 17 Конституции РФ: «В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией». Конституция РФ (ч. 4 ст. 15) объявляет общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации частью ее правовой системы. «Внедрение в правовую систему Российской Федерации международных договоров РФ и признанных международно-правовых норм в качестве непосредственного регулятора отношений, охватываемых внутригосударственной юрисдикцией, предопределяет актуальность и практическую ценность механизма согласованной реализации прав и свобод человека, зафиксированных не только в Конституции РФ и федеральных законах, но и в международно-правовых актах»¹.

Россия как член международного сообщества признает Международные пакты об экономических, социальных и культурных правах, о гражданских и политических правах, международные документы в рамках общеевропейского процесса и др. «Закрепление, определение содержания, обеспечение и защита прав и свобод имеют для индивида равное значение и адекватную ценность как в случаях внутригосударственного нормативного предписания (в Конституции

¹ Игнатенко Г.В. Международно признанные права и свободы как компоненты правового статуса личности // Правоведение. 2001. № 1. С.87.

и федеральных законах), так и в ситуациях межгосударственных согласованных решений (в договорах и иных источниках международного права)»¹.

Право на правовую защиту зафиксировано в международных юридических документах. Таким образом, оно носит универсальный и неотъемлемый характер для человека. Оно признается за каждым человеком с момента его рождения и не связано непосредственно с принадлежностью к гражданству государства.

Вопрос о непосредственном действии международных прав человека в правовой системе России имеет юридическое значение и последствия. Во-первых, «регулирование прав и свобод человека на международном правовом уровне порождает права и обязанности прежде всего у государства»². Каждое государство должно не только признать международный перечень прав и свобод человека в своем национальном законодательстве, но и создать необходимые гарантии их реализации. Признавая международные нормы по правам человека, Россия закрепляет их в своем главном законе – Конституции Российской Федерации, которая, с одной стороны, придает им высшую юридическую силу, создает условия, при которых каждый может пользоваться своими правами и оберегает их всеми имеющимися правовыми средствами, с другой стороны, показывает фактически существующую степень их воплощения и обеспечения, источники которой весьма специфичны: характеристика Российской Федерации в качестве правового государства, демократические идеи и др.

Во-вторых, международная система обеспечения обязательств по правам человека формулирует главные черты «содержания каждого из этих прав (каждой из этих свобод), которые должны получить воплощение в соответствующих

¹ Игнатенко Г.В. Там же. С. 94; См. также: Он же. Международные стандарты прав и свобод как самостоятельный правовой регулятор // Личность и государство на рубеже веков: Сборник научных статей / Под ред. В.В. Невинского. Барнаул, 2000. С. 3-7.

² Тиунов О.И. Международное гуманитарное право: Учебник для вузов. М., 2000. С. 208; См. также: Черниченко С.В. Теория международного права: В 2-х т. М., 1999. Том 2: Старые и новые теоретические проблемы. С. 383-384.

конституционных и иных нормативных положений»¹. При этом общие критерии к уяснению каждого права не обособляются относительно двух правовых систем: международной и внутригосударственной, а находятся в диалектическом единстве с их особенностями.

В плане позитивного права в международной системе содержательный аспект конституционного права на правовую защиту раскрывается благодаря процедурам прохождения сообщений, жалоб, поступающих от лиц в компетентные международные органы и содержащих информацию о нарушении прав и свобод обратившегося. Право каждого на обращение за защитой в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека обусловлено в ч. 3 ст. 46 Конституции РФ. В настоящее время базисные пределы данного права на международном уровне устанавливаются в пределах двух систем защиты прав человека.

Первая – система конвенционных органов, которая действует в рамках Организации Объединенных Наций (ООН) и включает в себя: Комитет по правам человека, Комитет по ликвидации расовой дискриминации, Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин и Комитет против пыток². Договорные органы ООН принимают индивидуальные сообщения при условии, если соответствующее государство-участник ратифицировало соответствующий международный документ. В настоящее время Российская Федерация, осуществляя права и выполняя обязательства, вытекающие из Международного Пакта о гражданских и политических правах 1966 г.³ и Факультативного прото-

¹ Международное право: Учебник для вузов / Отв. ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. М., 2000. С. 358 (автор главы – Г.В. Игнатенко).

² См. об этом подробнее: Азаров А., Ройтнер В., Хюфнер К. Защита прав человека. Международные и российские механизмы. М., 2000. С. 54-57, 74-75, 80-81, 87-89; Бекназар-Юзбашев Т.Б. Права человека и международное право. М., 1996. С. 73-78; Бюргенталь Т. Международные права человека: Краткий обзор / Пер. с англ. Алматы, 1999. С. 58-60, 70-75, 77-84, 86-89, 91-92.

³ См. также: Международные акты о правах человека: Сборник документов. М., 1999. С. 53-68.

кола к нему¹, Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1969 г.², Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1987 г.³, признает компетенцию Комитета по правам человека, Комитета по ликвидации расовой дискриминации и Комитета против пыток. Комитеты включают в свой ежегодный доклад о своей работе отчеты о сообщениях, поступающих от отдельных лиц или группы лиц, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения государством каких-либо прав, изложенных в соответствующих Конвенциях. Однако следует отметить, что решения, которые выносят данные конвенционные органы, находят свое разрешение в обобщенной абстрактной форме, «...многие нормы по правам человека сформулированы в общих выражениях и не имеют конкретных правовых границ»⁴. Такой подход затрудняет полно и четко воспроизвести применительно к правам человека их действительное содержание, выработать общие критерии, касающиеся защиты прав человека. Так, например, в одном из своих решений по делу Гридин против Российской Федерации Комитет по правам человека, установив нарушение ст.14, пп. 2 и 3 (b) Пакта, определил следующее: «В соответствии со статьей 2, пункта 3 (a) Пакта, государство-участник обязано предоставить г-ну Грину эффективное средство защиты, определенное компенсацией и его немедленным освобождением»⁵. В качестве дополнительной информации следует отметить, что до настоящего времени Российская Федерация не предприняла никаких ша-

¹ См.: там же. С. 69-72.

² См.: там же. С. 138-148.

³ См.: Ведомости ВС СССР. 1987. № 45. Ст. 747.

⁴ Права человека: Учебник для вузов / Отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 2002. С. 508.

⁵ См.: Сообщение № 770/1997. Гридин против Российской Федерации / Mr. Dimitry L. Gridin (Represented by Mr. A. Manov of the Centre for Assistance to the International Protection) v. Russian Federation, Communication No. 770, U.N. Doc. CCPR/C/69/D/770/1997 (18 July 2000) // www.umn.edu/humanrts/russian/index.html

гов по восстановлению нарушенных прав Гридина¹. «Несмотря на то, что рассмотрение процедуры в Комиссии по правам человека политизированы и во многих случаях не приводят к положительным результатам, Комиссия играет определенную роль в обеспечении уважения и соблюдения прав человека в странах – членах ООН»².

Вторая – европейская система защиты прав человека. Федеральным законом от 30 марта 1998 года «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней»³ Российская Федерация ратифицировала Европейскую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года с изменениями, внесенными Протоколами к ней (Конвенция). В соответствии с ней Российская Федерация признает юрисдикцию Европейского суда по правам человека по вопросам рассмотрения и разрешения жалоб от подлежащих юрисдикции Российской Федерации любых физических лиц, неправительственных организаций или групп частных лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения Россией прав, признанных в Конвенции. Европейский Суд работает на основе норм прецедентного права, создаваемых им же самим при рассмотрении конкретных жалоб. Благодаря прецедентному праву, основанному на презумпции конкретизации нормы через обязательные судебные решения по конкретным делам, которые характеризуются емким и расширительным толкованием прав человека и основных свобод, можно определить, что на данный момент решения Европейского Суда по правам человека (Суд), устанавливающие при помощи толкования, в чем состоят права и свободы, признаваемые Европейской Конвенцией, являются одним из главных модификаторов уяснения действительного смысла и содержания прав че-

¹ См. также: Альтернативный доклад НПО по соблюдению Российской Федерацией Международного Пакта о гражданских и политических правах. 2003. Ст. 3 // www.un.org.

² Даниленко Г.М. Международная защита прав человека. Вводный курс: Учеб. пособие. М., 2000. С. 118.

³ См.: СЗ РФ. 1998. № 14. Ст. 1514.

ловека. Юридические решения, выносимые Судом, имеют обязательную силу лишь для государства-ответчика по делу. Однако при разборе конкретных дел Суд следует телеологическому толкованию прав человека и основных свобод, признаваемых Европейской Конвенцией, устанавливая их целевую и ценностную ориентацию, в соответствии с задачами, которые, по его мнению, те или иные права могут и должны решать в современном демократическом обществе¹. В своих решениях Суд дает толкование многим понятиям и нормам, вырабатывая общие установки необходимые для применения Конвенции, и тем самым создает важные исходные позиции для всей последующей судебной практики. Поэтому значимость решений Суда выходит за национальные пределы, воздействуя на право и судебную практику и других государств – участников Конвенции.

Юридическая регламентация «права на правовую защиту» в международной нормативной системе трактуется как «право на эффективное средство правовой защиты» (ст. 13 Конвенции). Согласно ст. 13 Конвенции: «Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве»².

Различие терминологических оборотов – «право на эффективное средство правовой защиты» и «право на правовую защиту» – не нарушает определенного согласованного тождества содержательной стороны данных правовых явлений. С такой точки зрения интерес представляет не столько анализ различных терминологических оборотов, сколько их значимость, параметры оценки результатов действия в сфере регулируемых отношений. Наличие единого целевого мо-

¹ См.: Энтин М.Л. Международные гарантии прав человека. Практика Совета Европы. М., 1992. С. 11.

² СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

мента – защита прав и основных свобод, проявляющего себя в социальной сфере, в которой определяются потребности человека по удовлетворению своих личных, гражданских интересов, отстаивание их от посягательств со стороны третьих лиц и государства, позволяет рассматривать явления «право на правовую защиту» и «право на эффективное средство правовой защиты» как однокатегорические правовые категории. Отличие этих двух правил поведения можно проводить на пути воздействия социальной цели на регулируемые отношения. Здесь необходимо вести речь о юридических целях двух правовых систем: международной и внутригосударственной. Это отличие состоит в том, что авторитет международной нормы гармонизирует развитие национального законодательства, судебной и административной практики в сфере защиты прав и свобод человека, вырабатывая их транснациональное понимание. В то время как внутригосударственное правило поведения непосредственно реализует международное предписание через соответствующие права и обязанности человека, формально выражая их в системе российского законодательства и его практическом осуществлении с учетом особенностей, присущих российской правовой действительности. Кроме того, особый механизм защиты прав и свобод, созданный на уровне международной системы права, действует по принципу обратной связи между Европейским судом, с одной стороны, и внутригосударственной системой защиты с другой, и наоборот¹. При рассмотрении данного положения необходимо учитывать, что взаимодополняющие качества сфер международного и внутригосударственного права имеют свои особенные правовые состояния, которые проявляются в каждой из них. Однако, несмотря на различие юридических целей и особенностей международной и внутригосударствен-

¹ См. подробнее: Рекомендация № R (2000) 2 по пересмотру дел и возобновлению производства по делу на внутригосударственном уровне в связи с решениями Европейского суда по правам человека: принята Комитетом Министров Совета Европы 19.01.2000 г. на 694 заседании представителей Министров // Журнал российского права. 2000. № 9. С. 61-62; Карташкин В.А. Права человека в международном и внутригосударственном праве. М., 1995. С. 19-35.

ной систем в сфере защиты прав и свобод человека, они подчиняют свое действие единой социальной цели – защите прав и свобод личности.

Институционную основу «права на эффективное средство правовой защиты» конституируют термины, нашедшие закрепление в ст. 13 Конвенции. За каждым из них скрывается вполне определенный смысл, который позволяет выразить не только содержательную сторону права, но и требования, которые должны воспринять законодательство Российской Федерации по его обеспечению и реализации и юридическая теория по вопросу уяснения содержания конституционного права на правовую защиту.

«Суд отмечает, что статья 13 гарантирует на национальном уровне эффективные правовые средства для осуществления прав и свобод, предусматриваемых Конвенцией...»¹ Хотелось бы сделать отступление и заострить внимание на том, что сравнительный анализ текстов Конституции Российской Федерации и Конвенции устанавливает, что все основные нормы Конвенции, относительно обеспечения каждому прав и свобод, определенных в разделе I международного документа, по своей сути равнозначны нормами Конституции Российской Федерации.

Обстоятельство, при возникновении которого за индивидом признается право на эффективное средство правовой защиты перед национальными властями, связано с понятием «нарушения» прав и свобод, признанных в Конвенции. Европейский Суд дал широкое толкование данному условию, по сравнению, например, с тем, как его определяет Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со ст. 28 Международного Пакта о гражданских и политических правах. Последний связывает такое обстоятельство с наличием официально установленного нарушения права, признаваемого Международным Пактом о гражданских и политических правах. Так, в решении Комитета по

¹ Чахал (Chahal) против Соединенного Королевства – 15.11.96 // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. М., 2000. Т. 2. С. 278. П. 145.

правам человека по делу Екатерина Ланцова против Российской Федерации было признано нарушение ст. 6 п. 1 и ст. 10 п. 1 Пакта, в связи с чем Комитет, во-первых, принял решение, что «...г-жа Ланцова имеет право по статье 2 пункта 3 (а) Пакта на эффективное средство правовой защиты...»¹ Во-вторых, определил содержание этого права применительно к рассмотренному делу, обязав Российскую Федерацию принять эффективные меры для того, чтобы обеспечить надлежащую компенсацию, «...гарантировать то, чтобы подобные нарушения не повторялись в будущем, особенно посредством принятия немедленных мер для обеспечения соответствия условий содержания обязательствам государства-участника по статьям 6 и 10 Пакта...»² и др. По мнению Европейского суда, только «...наличие официально установленного нарушения Конвенции не может являться предпосылкой для применения ст. 13»³. Суд определяет, что каждый, кто полагает, что его права и свободы, гарантированные Конвенцией, были нарушены, должен иметь средство правовой защиты перед национальными властями. Таким образом, мнение лица о том, что оно понесло ущерб в связи с действиями (решениями), нарушающими Конвенцию, Суд трактует в качестве обстоятельства возникновения права на правовую защиту перед национальным государственным органом⁴. Конвенция и ее институты созданы с целью защиты отдельных лиц, поэтому природа нарушения должна

¹ Сообщение № 763/1997. Ланцова против Российской Федерации / Доклады Комитета по правам человека / Генеральная Ассамблея: Офиц. Отчеты. Семьдесят четвёртая сессия // 74th sess. New York, 18 Mar. – 5 Apr. 2002: A/57/40. Vol. I. GAOR. 57th sess. Suppl. No. 40 // www.umn.edu/humanrts/russian/index.html

² Там же.

³ Класс (Klass) и другие против Федеративной Республики Германии – 06.09.78 // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. М., 2000. Т.1. С. 180. П. 64.

⁴ См.: Класс (Klass) и другие против Федеративной Республики Германии // Европейский Суд... Там же.

быть связана только с причинением какого-либо вреда (ущерба) конкретному лицу¹.

Далее следует указать на несколько моментов в пояснение к тому, как трактуется Европейским Судом терминологический оборот «эффективное средство правовой защиты в государственном органе». На основании ст. 13 Конвенции лицо может использовать внутреннее средство правовой защиты, характеристика которого складывается из нескольких составляющих элементов: возможность подать в государственный орган жалобу, если имеет место нарушение права, даже в том случае, если «такое нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве»; полномочия государственного органа по вопросу рассмотрения жалобы на нарушение положений Конвенции, позволяющие добиться соблюдения прав и свобод, предусмотренных Конвенцией; восстановление нарушенного права, возможность исполнения решения, вынесенного компетентным органом². Средство правовой защиты, в соответствии со ст. 13, должно быть «эффективным» и на практике, и по закону, в том, в частности, плане, что его использованию не должны безосновательно препятствовать действие или, наоборот, бездействие властей государства-ответчика³.

¹ См.: Маркс (Marckx) против Бельгии – 13.06.79 // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. М., 2000. Т. 1. С. 233. П. 27; Экле (Eckle) против Федеративной Республики Германии – 15.07.82 // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. М., 2000. Т. 1. С. 386. П. 66.

² См.: Класс и другие против Федеративной Республики Германии // Европейский Суд... С. 181. П. 67; Серинг (Soering) против Соединенного Королевства – 07.07.89 // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. М., 2000. Т. 1. С. 653. П. 120.

³ См.: Аксой (Aksoy) против Турции – 18.12.96 // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. М., 2000. Т. 2. С. 353. П. 95; Курт (Kurt) против Турции – 25.05.98 // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. М., 2000. Т. 2. С. 523. П. 139; Сыркин против Российской Федерации. Решение Европейского Суда по правам человека от 25.11.99, по вопросу приемлемости жалобы № 44125/98 // Журнал российского права. 2001. № 1. С. 107-108.

В том, что касается определения того, представляет ли государственный орган эффективное средство правовой защиты, прецедентное право Совета Европы содержит следующие уточнения и разъяснения.

Согласно устоявшейся практике Европейского Суда весомое место в защите прав и свобод человека Суд возлагает на национальный судебный орган, отвечающий ряду требований, которые фигурируют в тексте ст. 6 п. 1 Конвенции: независимость по отношению как к исполнительной власти, так и к сторонам в процессе, гарантии судебной процедуры и др.¹ При разборе конкретных дел о нарушении ст. 6 п. 1 Суд считает излишним определять соблюдены или нет условия ст. 13 Конвенции, поскольку ст. ст. 6 п.1 и 13 дополняют друг друга, при этом требования последней статьи менее жесткие и полностью поглощаются требованиями первой². Вышеизложенное приводит к выводу, что право на справедливое судебное разбирательство является одним из характеризующих явлений права, гарантированного ст. 13 Конвенции. Однако в настоящем случае следует прояснить следующий момент, а именно то, что ст. 6 п. 1 гарантирует право, связанное с «гражданскими правами и обязанностями», понятие которых не является тождественным по отношению к терминологическому обороту «права и свободы признанные в настоящей Конвенции», закрепленному в ст. 13, хотя и происходит некоторое их взаимное наложение. В своих решениях по делу Леа Конта, Вана Левена и Деа Мейера от 23 июня 1981 года³, Кенинга от 28 июля 1978 года⁴ и Рингензейна от 16 июля 1971 года¹ Суд вы-

¹ См.: Ле Конт (Le Compte), Ван Левен (Van Leuven) и Де Мейер (De Meyere) против Бельгии – 23.06.81// Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. М., 2000. Т. I С. 346. П. 55.

² См.: Эйри (Airey) против Ирландии – 09.10.79 // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. М., 2000. Т. I. С. 278. П. 35; Решение по делу Силвер и другие против Соединенного Королевства – 25.03.83. Серия А. Т. 61. С. 41. П. 110.

³ См.: Ле Конт (Le Compte), Ван Левен (Van Leuven) и Де Мейер (De Meyere) против Бельгии // Европейский Суд... С. 342-343. П. 44.

⁴ См.: Кенинг (Konig) против Федеративной Республики Германии – 28.06.78 // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. М., 2000. Т. I. С. 151-152. П. 90.

явил некоторые значения формулы «гражданско-правовые права и обязанности»:

1) она охватывает любую процедуру, результат которой является определяющим в отношении прав и обязанностей частного характера, даже если речь идет о споре между частным лицом и органом государственной власти;

2) решающим для квалификации спора как спора о гражданских правах, является сам характер права, а именно, какое материальное содержание вложено в него национальным законодательством и какие последствия оно связывает с ним.

Так, например, что касается «права на свободу» (статья 5 Конвенции), то его гражданско-правовой характер в системе прецедентного права Суда является в определенной мере спорным². В целом, как явствует из упомянутых и некоторых других решений, позиция Европейского Суда по вопросу толкования понятия «государственный орган» сводится к положению о том, что государственный орган не обязательно во всех случаях должен быть судебным органом в строгом смысле слова³.

Обстоятельство, определяющее является ли данное средство эффективным, охватывается совокупностью следующих необходимых требований:

1) полномочия и процессуальные гарантии, которыми обладает государственный орган;

2) возможность возбудить, рассмотреть дело в таком органе должна быть оставлена на усмотрение человека, а не относится к дискреционным полномочиям органов государственной власти;

¹ См.: Рингейзен против Австрии – 16.07.71. Серия А. Т. 13. С. 39. П. 94.

² См.: Голдер (Golder) против Соединенного Королевства – 21.02.75. // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. М., 2000. Т. 1. С. 43. П. 33.

³ См.: Класс и другие против Федеративной Республики Германии // Европейский Суд... Там же; Сыркин против Российской Федерации. Указ. соч.

3) необходимо, чтобы данное средство защиты было способно привести к восстановлению нарушенного права¹. В третьем пункте речь идет о критерии правового разрешения жалобы, который требует от компетентного органа не только вынесения решения по существу дела, но и его действительное исполнение. Рассмотрим применительно к Российской Федерации, какие государственные органы являются эффективными средствами правовой защиты прав человека и основных свобод, признанных в Конвенции.

Эффективными средствами правовой защиты, содержащими вышеуказанную совокупность необходимых требований, на данный момент являются суды Российской Федерации первой инстанции, действующие в соответствии с правилами подведомственности и подсудности, а также апелляционная и кассационная инстанции, позволяющие обжаловать судебные решения, не вступившие в законную силу (производство в суде второй инстанции). Апелляционное производство обусловлено практической реализацией положений закона «О мировых судьях в Российской Федерации», в котором получили юридическое закрепление вопросы организации и функционирования в России мировой юстиции. Судебная власть в России осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства (ч. 2 ст. 118 Конституции РФ). Суды, осуществляя свою деятельность, базируются на общих принципах правосудия: самостоятельность судов и независимость судей, равенство всех перед законом и судом, гласность в деятельности

¹ См.: Класс и другие против Федеративной Республики Германии. Там же; Тумилевич против Российской Федерации. Решение от 22.06.99, по вопросу приемлемости жалобы № 47033/99 // Журнал российского права. 2000. № 9. С. 58-61; Аксой (Aksoy) против Турции // Европейский Суд... Там же; Бурдов (Burdor) против России - 07.05.02. Жалоба № 59498/00. Постановление Суда по существу дела и в отношении справедливой компенсации // Журнал российского права. 2002. № 11. С. 125. П. 34; Шестаков против Российской Федерации - 18.06.02. Окончательное решение по вопросу приемлемости жалобы № 487557/99 // Журнал российского права. 2002. № 11. С. 131. П. 1; Рябых против Российской Федерации - 21.02.02. Решение по вопросу приемлемости жалобы № 52864/99 // Журнал российского права. 2003. № 5. С. 140. П. 1.

судов и другие, нашедших свое закрепление в Конституции РФ (глава 7) и Федеральном конституционном законе от 31 декабря 1996 года «О судебной системе Российской Федерации»¹. Однако, в зависимости от характера рассматриваемых дел, каждое судопроизводство приобретает свои особенности, которые определяются отраслевым законодательством. Так, уголовное судопроизводство регулируется Уголовно-процессуальным кодексом РФ, введенным в действие с 1 июля 2002 года, за исключением положений, для которых федеральным законодательством установлены иные сроки и порядок введения в действие, гражданское судопроизводство – Гражданским процессуальным кодексом РФ (вступил в действие с 1 февраля 2003 года), административное судопроизводство – Кодексом об административных правонарушениях (введен в действие с 1 июля 2002 года), арбитражное – Арбитражным процессуальным кодексом (вступил в действие с 1 сентября 2002 года). Арбитражное судопроизводство как самостоятельная форма, посредством которой осуществляется судебная власть в РФ, не нашла своего непосредственного отражения в Конституции. Однако, поскольку есть правосудие в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, которое осуществляется арбитражными судами, и есть регламентирующий их деятельность закон, то вполне разумно вести речь о наличии арбитражного судопроизводства.

Вопрос об эффективности производства по пересмотру вступивших в законную силу судебных актов на данный момент является дискуссионным. С точки зрения практики и права Европейского Суда интерес представляет решение по делу Тумилович против Российской Федерации². Так, заявитель работала в АООТ «САТУРН» в Краснодарском крае. Из-за финансовых затрудне-

¹ См.: СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1, с изм. и доп. от 15 декабря 2001 г., 4 июля 2003 г., 5 апреля 2005 г., 9 ноября 2009 г., 27 декабря 2009 г.// СЗ РФ. 2001. № 51. Ст. 4825; 2003. № 27 (ч.1). Ст. 2698; 2005. № 15. Ст. 1274; 2009. № 45. Ст. 5265; 2009. № 52 (ч.1). Ст. 6402.

²Тумилович против Российской Федерации. Решение от 22.06.99, по вопросу приемлемости жалобы № 47033/99...

ний компании Тумилович в период с 12 октября 1993 года по 1 ноября 1995 года находилась в неоплачиваемом отпуске. По собственному желанию заявитель решила продлить отпуск до декабря 1996 года. В 1996 году, находясь в отпуске, Тумилович обратилась в суд с требованиями о компенсации ущерба, который она понесла в связи с вынужденным отпуском, и восстановлении на прежнем месте работы. 13 декабря 1996 года суд отказал в рассмотрении иска заявителя против компании, указав, что заявитель не выполнила процедурные требования гражданского судопроизводства. 11 февраля 1997 года тот же суд после слушания в открытом заседании отклонил исправленное исковое заявление. Тумилович обжаловала данное решение в кассационном порядке. Решение оставлено без изменения. Заявитель обращалась с жалобами о принесении протеста в порядке надзора и пересмотре ее дела (общее количество таких жалоб – шесть) в прокуратуру Краснодарского края, Краснодарский краевой суд, Генеральную прокуратуру Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, но все жалобы в порядке надзора были отклонены по причине необоснованности. Не смотря на то, что жалоба Тумилович в Европейский Суд по права человека была признана неприемлемой (не подпадает под компетенцию *ratione temporis* и *ratione personae* Суда), как следствие несовместима с положениями Конвенции по смыслу п. 3 ст. 35 Конвенции и отклонена в соответствии с п. 4 ст. 35 Конвенции, данное решение является принципиальным для Российской Федерации. Поскольку Суд исходит из того, что действие Конвенции распространяется на факты, имевшие место после вступления в силу Конвенции (для России – 05.05.98.), постольку в своем решении он остановился на рассмотрении двух жалоб Тумилович о пересмотре дела в порядке надзора, которые были отклонены заместителем Председателя Верховного Суда Российской Федерации (14.10.98.) и заместителем Генерального Прокурора Российской Федерации (15.02.99.), имеющими право принесения протестов в порядке надзора. В своем решении Европейский Суд признал указанные жалобы заявителя

о пересмотре дела в порядке надзора неэффективными средствами судебной защиты в контексте Европейской Конвенции, поскольку такие жалобы представляют собой чрезвычайные средства судебной защиты, использование которых зависит от дискреционных полномочий определенных государственных органов. В соответствии со ст. 319 ГПК РСФСР вступившие в законную силу решения, определения и постановления судов могут быть пересмотрены в порядке судебного надзора по протестам должностных лиц, перечисленных в ст. 320 ГПК РСФСР.

Таким образом, решением от 22 июня 1999 года по делу Тумилович против Российской Федерации Европейский суд установил, что надзорная инстанция не является эффективным средством правовой защиты, так как ее использование или неиспользование относится к дискреционным полномочиям органов государственной власти. В этом контексте имеет смысл указать и на формулировку ст. 371 УПК РСФСР. В соответствии со ст. 371 УПК РСФСР приносить протест могли только лица, указанные в законе, а именно: Генеральный Прокурор РФ и его заместители, прокуроры субъектов РФ, Председатель Верховного Суда РФ и его заместители, Председатели судов субъектов РФ. Кроме того, российская судебная практика также рассматривает производство в надзорной инстанции в качестве дополнительного правового средства, не являющегося обязательным. Конституционный Суд РФ в одном из своих решений указал: «...Возбуждение пересмотра приговора зависит не от воли осужденного, а от усмотрения соответствующего должностного лица, и не является обязательным»¹.

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 июля 1998 года № 21-П "По делу о проверке конституционности части пятой статьи 325 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.В. Шаглия" // СЗ РФ. 1998. № 28. Ст. 3394. П. 2

Однако с 1 января 2003 года была введена в действие глава 48 УПК РФ «Производство в надзорной инстанции». В соответствии со ст. 402 данной главы право обжалования вступивших в законную силу приговора, определения, постановления суда теперь имеют осужденный, оправданный, их защитники или законные представители, потерпевший, его представитель, а также прокурор. Теперь порядок принесения надзорной жалобы не зависит непосредственно от дискреционных полномочий государственных органов. Но в то же самое время, в соответствии со ст. 46 УПК РФ, судья, изучив надзорную жалобу, выносит одно из следующих постановлений: об отказе в удовлетворении надзорной жалобы или о возбуждении надзорного производства и передачи надзорной жалобы на рассмотрение суда надзорной инстанции. Причем правом не согласиться с решением судьи об отказе в удовлетворении надзорной жалобы, следствием чего является отмена судьей решения об отказе в удовлетворении надзорной жалобы и вынесения постановления о возбуждении надзорного производства и передачи надзорной жалобы на рассмотрение суда надзорной инстанции, обладают только Председатель Верховного Суда Российской Федерации и его заместители, председатели судов субъектов Российской Федерации (ч. 4 ст. 406 УПК РФ). Поскольку заявитель не имеет право обжаловать решение судьи об отказе в удовлетворении надзорной жалобы, то реальная возможность заявителя принести жалобу в суд надзорной инстанции несоизмеримо сопоставляется с особым характером обстоятельства о возбуждении надзорного производства, которое полностью зависит теперь от судьи.

В соответствии с ч.1 ст. 376 ГПК РФ предоставляется право лицам, участвующим в деле, и другим лицам, если их права и законные интересы нарушены судебными постановлениями, обжаловать вступившие в законную силу судебные постановления, за исключением судебных постановлений Президиума Верховного Суда Российской Федерации. Однако общие выводы о надзорном производстве, в частности по вопросу о передаче дела для рассмотрения по су-

шеству в суд надзорной инстанции, конечно, с учетом особенностей осуществления правосудия по гражданским делам, являются аналогичными вышеизложенным. По результатам рассмотрения надзорной жалобы судья выносит определение либо об истребовании дела, если имеются сомнения в законности судебного постановления, либо об отказе в истребовании дела, если изложенные в жалобе доводы в соответствии с федеральным законом не могут повлечь за собой возможность отмены судебного постановления (ч. 2 ст. 381 ГПК РФ). Таким образом, можно сказать, что при решении вопроса об истребовании дела в соответствии с поданной надзорной жалобой присутствует субъективный фактор, поскольку это решение исходит от судьи, рассматривающего соответствующую жалобу или представление. Характерная особенность рассмотрения дел, истребованных в суд надзорной инстанции, в том, что истребование дела еще не означает, что оно будет рассмотрено по существу надзорной инстанцией. По результатам рассмотрения такого дела судья выносит определение либо об отказе в передаче дела для рассмотрения по существу в суд надзорной инстанции, либо о передаче дела для рассмотрения надзорной жалобы по существу в суд надзорной инстанции (ч. 2 ст. 382 ГПК РФ). Не согласиться с определением судьи об отказе в истребовании дела или об отказе в передаче дела для рассмотрения по существу в суд надзорной инстанции вправе Председатель Верховного Суда Российской Федерации, его заместитель, председатели судов субъектов Российской Федерации и председатель окружного (флотского) военного суда. В этих случаях председатель соответствующего суда или заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации выносит свое определение либо об истребовании дела, либо о передаче дела для рассмотрения по существу в суд надзорной инстанции (ч. 6 ст. 381, ч. 2 ст. 383 ГПК РФ).

Таким образом, сейчас от усмотрения государственных органов зависит не возможность принесения надзорной жалобы, а ее рассмотрение судом над-

зорной инстанции. При чем последнее обстоятельство является определяющим для критерия правового разрешения жалобы по существу.

Существенные особенности производства по пересмотру судебных актов, вступивших в законную силу, присутствуют в арбитражном судопроизводстве.

В деятельности арбитражных судов право обжаловать решение арбитражного суда первой инстанции, принятое при рассмотрении дела по существу и вступившее в законную силу (за исключением решений Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации), и полностью или в части постановление арбитражного суда апелляционной инстанции, в которой обжалуются решения арбитражного суда первой инстанции, не вступившие в законную силу, возможно в порядке кассационного производства, а право оспорить такие судебные акты в порядке надзора. Лица, участвующие в деле, и иные лица, в случаях, предусмотренных законодательством о судопроизводстве в арбитражных судах, вправе оспорить в порядке надзора судебный акт, если полагают, что этим актом существенно нарушены их права и законные интересы в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности в результате нарушения или неправильного применения арбитражным судом, принявшим оспариваемый судебный акт, норм материального права или норм процессуального права (ч. 2 ст. 292 АПК РФ). При производстве в порядке надзора под понятием «судебный акт» следует понимать: решение, принятое арбитражным судом первой инстанции при рассмотрении дела по существу; постановления, принимаемые арбитражными судами апелляционной и кассационной инстанций по результатам рассмотрения апелляционных и кассационных жалоб; а также определения, принимаемые в ходе осуществления судопроизводства. Вопрос о принятии кассационной жалобы к производству арбитражного суда кассационной инстанции, о принятии заявления о пересмотре судебного акта в порядке надзора решается единолично соответствующим судьей. Арбитражный процессуальный кодекс не наделяет судью возможностью вынести определение об отказе в

удовлетворении кассационной жалобы, надзорного заявления или об отказе в передаче дела для рассмотрения по существу в арбитражном суде кассационной инстанции или в порядке надзора. Кассационная жалоба, надзорное заявление поданные с соблюдением требований, предъявляемых к их форме и содержанию, принимаются к производству арбитражного суда соответствующей инстанции, арбитражный суд выносит определение, которым возбуждается производство по кассационной жалобе или соответственно надзорное производство. Кроме того, определение о возвращении кассационной жалобы, если она подана с нарушением требований, не препятствует повторному обращению с ней в арбитражный суд в общем порядке после устранения обстоятельств, послуживших основанием для ее возвращения, а также оно может быть обжаловано в арбитражный суд кассационной инстанции, вынесший такое определение. Жалоба на такое определение рассматривается в ином судебном составе. Таким образом, в рамках арбитражного судопроизводства, в случае соблюдения требований, предъявляемых к форме и содержанию кассационной жалобы, заявления о пересмотре в порядке надзора судебного акта, от полномочий государственного органа не зависит ни принесение жалобы, заявления лицом в арбитражный суд кассационной инстанции, в порядке надзора, ни возбуждение производства по ним, кроме того, кассационная жалоба может быть обжалована и опротестована самим заявителем.

Отпало или нет основание, по которому пересмотр вступивших в законную силу судебных актов был признан неэффективным средством правовой защиты, является ли данное правовое средство эффективным как юридически, так и практически, определяет ли оно какие-либо новые требования регламентации прав в международной нормативной системе покажет практика Европейского Суда, который в своих решениях признает право обжалования вступивших в законную силу приговора, определения, постановления, решения суда либо важным проявлением критерия эффективности данного правового средств-

ва, либо «чисто правовым основанием», которое не имеет существенного значения при определении является ли надзорный порядок рассмотрения жалоб, заявлений эффективным средством правовой защиты¹. Несмотря на то, что правовой акт государства не может быть непосредственным источником международного права, он может влиять на становление и развитие в международном праве «...новых принципов и норм, и расширение сферы действия, и совершенствование и углубление их содержания»².

Европейский Суд признает в качестве эффективного средства правовой защиты не только судебные, но и административные правовые механизмы. Российскую административную систему защиты прав человека в самом общем виде можно представить следующим образом: 1) административно-правовая судебная защита прав и свобод человека от незаконных действий и решений органов государственного управления, должностных лиц и государственных служащих³; 2) порядок производства по делам об административных правонарушениях; 3) деятельность иных компетентных органов, уполномоченных и обязанных принимать и рассматривать жалобы граждан, реализующих предоставленное им ст. 33 Конституции РФ право.

«Разрешение правового спора в рамках осуществления правосудия, то есть административная юстиция – это судебная власть»⁴. В настоящее время в соответствии с Законом РФ от 27 апреля 1993 года «Об обжаловании в суд дей-

¹ См.: По вопросу о применении статьи 35 Конвенции. Вопрос об исчерпании внутригосударственных средств правовой защиты (Словакия). *Andrasik and others – Slovakia*. Решение от 22 октября 2002 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2003. № 3. С. 39.

² Карташкин В.А. Указ. соч. С. 21.

³ См.: Бельский К.С. К вопросу о предмете административного права // Государство и право. 1997. № 11. С. 20-21; Старилов Ю.Н. Административное право: сущность, проблемы реформирования и новая система // Правоведение. 2000. № 5. С. 19.

⁴ Старилов Ю.Н. О новом понимании административной юстиции // Правоведение. 2002. № 2. С. 103.

ствий и решений, нарушающих права и свободы граждан»¹ жалобы граждан рассматриваются общими судами по правилам гражданского судопроизводства. Вместе с тем дела об административных правонарушениях, предусмотренных соответствующими статьями Кодекса об административных правонарушениях рассматриваются судьями гарнизонных военных, районных, арбитражных судов и мировыми судьями (ст.ст. 22.1, 23.1 КоАП РФ).

В рамках административной системы защиты прав при определении того, представляет ли она «эффективное средство правовой защиты», интерес вызывает рассмотрение вопросов относительно компетенции и деятельности органов и должностных лиц, указанных в главе 23 КоАП РФ, которые уполномочены рассматривать дела об административных правонарушениях и административный порядок рассмотрения жалоб.

На первый взгляд органы, уполномоченные рассматривать дела об административных правонарушениях, и производство по делам об административных правонарушениях соответствуют характеру «эффективного средства правовой защиты перед государственным органом», поскольку предоставляют заинтересованному лицу гарантии, соответствующие судебной процедуре разрешения дела по существу. Например, в соответствии с ч. 1 ст. 25.5 КоАП РФ: «Для оказания юридической помощи лицу, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, может участвовать защитник, а для оказания юридической помощи потерпевшему – представитель». Однако для того, чтобы определить, являются ли такие органы и должностные лица «эффективным средством правовой защиты», требования о том, обеспечивает ли административное разбирательство достаточные процессуальные гарантии, является явно недостаточно. Решения, принимаемые Европей-

¹ См.: Ведомости РФ. 1993. № 19. Ст. 685., с изм. и доп. от 14 декабря 1995 г., 9 февраля 2009 г.// СЗ РФ. 1995. № 51. Ст. 4970; 2009. № 7. Ст. 772.

ским Судом, относительно нарушения права на справедливое судебное разбирательство, предусмотренного п. 1 ст. 6 Конвенции, при рассмотрении сущности обращений заявителей о том, является ли тот или иной государственный орган компетентным судебным органом, взятые в контексте иных решений относительно вопросов рассмотрения ст. 13 Конвенции, дают основания полагать, что требования, которые характерны, для того чтобы придать государственному органу характер «суда» в смысле п. 1 ст. 6 Конвенции, являются определяющими и при рассмотрении вопроса о том, является ли государственный орган в смысле ст. 13 «эффективным средством правовой защиты». Такое общее правило толкования соединяет воедино ряд требований, связанных с формированием и функционированием самих государственных структур. Из них наиболее важными являются: независимость по отношению как к исполнительной власти, так и к сторонам в процессе, продолжительность службы членов органа в этом качестве, существование гарантий от давления на них и др.¹

Таким образом, необходимо установить, являются ли административные органы, уполномоченные рассматривать дела об административных правонарушениях с организационной точки зрения «эффективным средством правовой защиты». Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях наделяет такие административные органы «судебной функцией» и предусматривает процедуру, которая позволяет представшим перед ним лицам использовать свои средства защиты. Кроме того, порядок формирования административных органов и назначение на соответствующие должности компетентных лиц совершенно не означает, что можно подвергнуть сомнению требование

¹ См.: Ле Конт (Le Compte), Ван Левен (Van Leuven) и Де Мейер (De Meyere) против Бельгии // Европейский Суд... С. 346. П. 55; Кэмпбелл (Campbell) и Фелл (Fell) против Соединенного Королевства – 28.06.84 // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. М., 2000. Т. I. С. 448. П. 78.

их независимости¹. Однако не лишены значения данные о внутренней организации соответствующих органов, которые могут оказать отрицательное влияние на их объективную «беспристрастность». Несмотря на то, что разрешение данной категории дел осуществляется в соответствии с законом, юридическая природа самих органов и функции должностных лиц вызывают сомнения в их «организационной беспристрастности». Соответствующие органы и должностные лица являются элементами иерархической структуры государственного управления и регулирования, «...в которой активно используются такие правовые механизмы и методы, как предписания, указания, контроль, надзор, управление, властное волеизъявление, подчиненность, верность долгу службы...»². Все это не предполагает определенной самостоятельности для объективной и беспристрастной защиты прав и законных интересов человека. Данные органы и должностные лица в организации своей работы руководствуются не только Конституцией и федеральными законами, но и иными нормативно-правовыми актами, в частности указами Президента РФ, постановлениями Правительства РФ, законами субъектов РФ, ведомственными приказами и др. «Приоритет инструкций свидетельствует о господстве ведомственных начал в управлении, об отсутствии твердых законодательных его основ. Гипертрофированное значение ведомственного приказа – питательная почва для падения престижа закона, юридическая ширма своеволия ведомств»³. Нередко акты, издаваемые министерствами и ведомствами во исполнение законов, фактически превалируют перед собственно законами, благодаря чему «...управленческий аппарат в состоянии эффективно нейтрализовать отдельные попытки повернуть социаль-

¹ См.: Кэмпбелл (Campbell) и Фелл (Fell) против Соединенного Королевства // Европейский Суд... П. 79.

² Старилов Ю.Н. Административное право: сущность, проблемы реформирования и новая система. С.9.

³ Концепция развития российского законодательства в целях обеспечения единого правового пространства в России // Журнал российского права. 2002. № 6. С. 23.

ную и юридическую практику к правам и интересам человека»¹. Кроме того, иерархическая структура системы управления влечет за собой в некоторых органах различие в зависимости от званий. В российской действительности это обстоятельство осложняется тем, что в организации работы органов и должностных лиц присутствует «принцип давления сверху», основанный на системе «начальник-подчиненный» и не являющийся законодательным или нормативным. При таком административно-командном управлении у участников производства по делам об административных правонарушениях обоснованно могут возникнуть доводы о том, что деятельность органов и должностных лиц, уполномоченных рассматривать дела, может зависеть от дискреционных полномочий (подчинение руководству), действия по правилу «так принято», а не по букве закона и др. Такая ситуация подрывает доверие, которым должен обладать «эффективный государственный орган» и в этом отношении не отвечает общему основному признаку организационной беспристрастности². Кроме того, не лишен убедительности и довод о том, что одно из определяющих требований, которое должно обеспечивать «эффективность» государственного органа – продолжительность службы членов органа в этом качестве – в отношении административных органов и должностных лиц законодательно сведено к нулю. Предназначение этого обстоятельства при рассмотрении системы органов судебной власти в Российской Федерации можно расценить как наличие определенных требований, предъявляемых к судьям и кандидатам на судейские должности. Перечень требований к судьям судов Российской Федерации определен в Конституции РФ (ст. 119) и законе РФ от 26 июня 1992 года «О статусе судей в

¹ Круглый стол – Конституция Российской Федерации и совершенствование юридических механизмов защиты прав человека // Государство и право. 1994. № 10. С. 20.

² См.: Белилос (Belilos) против Швейцарии – 29.04.88 // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. М., 2000. Т. 1. С. 577. П. 67.

Российской Федерации» (ст. 3-5)¹ и соответствует принципам, сформулированным в международном документе «Основные принципы независимости судебных органов» (1985 г.)². Применительно присутствия этой гарантии в анализируемой административной системе защиты прав человека необходимо отметить, что некоторые требования к кадрам, в частности, наличие высшего юридического или иного профессионального образования, стаж работы имеют место, однако, даже указанные условия, не всегда являются обязательными, действительными и законодательно установленными.

Органы и лица, уполномоченные рассматривать дела об административных правонарушениях и сама процедура их разрешения, несомненно, обнаруживают некоторые черты «эффективного государственного органа», такие как: полномочия, процессуальные гарантии, принятие решения, но этого недостаточно, чтобы придать им характер «государственного органа» в смысле ст. 13 Конвенции.

Что касается оценки «эффективности государственного органа», который уполномочен и обязан принимать и рассматривать жалобы граждан, речь идет о реализации человеком права, предусмотренного ст. 33 Конституции РФ, то необходимо указать, что на сегодняшний момент отсутствуют четкие и законодательно закрепленные процедуры рассмотрения жалоб. Такие административно-правовые отношения изначально построены на началах неравенства, человек не

¹Ведомости РФ. 1992. № 30. Ст. 1792, с изм. и доп. от 14 апр. 1993 г. // Ведомости РФ. 1993. № 17. Ст. 606; 24 декабря 1993 г. // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. № 52. Ст. 5086; 21 июня 1995 г., 17 июля 1999 г., 20 июня 2000 г., 15 декабря 2001 г., 22 августа 2004 г., 5 апреля 2005 г., 2 марта, 24 июля 2007 г., 25 декабря 2008 г., 7 мая, 2 июня, 28 июня, 17 июля, 27 сентября, 9,9 и 28 ноября 2009 г. // СЗ РФ. 1995. № 26. Ст. 2399; 1999. № 29. Ст. 3690; 2000. № 26. Ст. 2736; 2001. № 51. Ст. 4834; 2004. № 35. Ст. 3607; 2005. № 15. Ст. 1278; 2007. № 10. Ст. 1151; 2007. № 31. Ст. 4011; 2008. № 52 (ч.1). Ст. 6229; 2009. № 19. Ст. 2273; 2009. № 23. Ст. 2755; 2009. № 26. Ст. 3124; 2009. № 29. Ст. 3594; 2009. № 39. Ст. 4533; 2009. № 45. Ст. 5264; 2009. № 45. Ст. 5266; 2009. № 48. Ст. 5746, с изм., внесенными Постановлением ВС РФ от 14.апреля 1993 г.// Рос. газ. 27.04.1993 г. N 80., Постановлением Конституционного Суда РФ от 31 января 2008 г.// СЗ РФ. 2008. N 6. Ст. 540.

² См.: Международные акты о правах человека. Сборник документов. С. 168-170.

наделен определенным комплексом прав, обязанностей и гарантиями реализации права на жалобу. «Дело в том, что нормативно-правовая база, регулирующая отношения, связанные с обращениями граждан, несколько запаздывает и принимается не в плане превентивности, а в плане констатации факта»¹.

В своих решениях Суд отмечает, что «...ст. 13 Конвенции гарантирует наличие на национальном уровне средств защиты, позволяющих добиться соблюдения прав и свобод, предусмотренных Конвенцией, независимо от того, как они могли бы обеспечиваться внутренним правом»². Тем не менее средства защиты должны быть «эффективными» и на практике, и по закону. Изложенные выше административные механизмы, присущие российской действительности, не подменяют и не умаляют судебной процедуры защиты прав человека. Человек, полагая, что соответствующими административными решениями (действиями соответствующих органов) нарушены его права, может отстаивать их в компетентном суде. Таким образом, предварительное вмешательство административных органов, не во всем отвечающих необходимым требованиям «эффективного государственного органа», не входит в противоречие с требованиями Европейской Конвенции и является оправданным средством, которое помогает решать некоторые внутренние проблемы государства. Государство имеет некоторую свободу усмотрения относительно того, каким образом оно обеспечивает выполнение своих обязательств в вопросе защиты прав человека³. Поэтому возможность компетентного органа власти оперативно рассмотреть жалобу, устранить нарушение не только создает определенные гарантии во взаимоотношениях аппарата управления с человеком, но и способствует усилению механизма защиты прав личности в рамках национальной системы.

¹ Широбоков С.А. Конституционное право человека и гражданина на обращение: Учебное пособие. Пермь, 2002. С. 36.

² Кайя (Kaaya) против Турции – 19.02.98 // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. М., 2000. Т. 2. С. 487. П.106.

³ См.: Чахал (Chahal) против Соединенного Королевства // Европейский Суд... Там же.

На основании анализа решений Суда в рамках международной защиты прав человека следует отметить, что в Российской Федерации обращения в органы прокуратуры, процедуры рассмотрения жалоб и обращений Уполномоченным по правам человека РФ, Уполномоченным по правам человека определенного субъекта РФ, Конституционным Судом РФ, Комиссией по правам человека при Президенте РФ действенными (эффективными) средствами правовой защиты не являются. Это положение следует уточнить несколькими моментами: «неэффективными» признаются те средства правовой защиты, которые затрагивают вопросы права, факта или закона как такового. Уполномоченный по правам человека РФ и Комиссия по правам человека при Президенте РФ не обладают властными полномочиями для непосредственного разрешения жалоб, а имеют возможность только воздействовать на механизм защиты прав и свобод человека через соответствующие органы государственной власти, за которыми закрепляется право рассмотрения жалобы по существу. Так, Комиссия, рассматривая обращения лиц, содержащих информацию о фактах систематических нарушений их прав и свобод, принимает рекомендации и заключения, которые направляются соответствующему органу государственной власти, в компетенцию которого входит решение этого вопроса (п. 4, 9 Положения о Комиссии по правам человека при Президенте РФ). Компетенция Уполномоченного по результатам рассмотрения жалобы, в которых он усматривает нарушение прав и свобод человека, закрепляется в ст. 27 и 29 Федерального конституционного закона «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации». В частности Уполномоченный, усмотрев в решениях или действиях (бездействии) определенных органов нарушение прав и свобод человека, обязан направить компетентному органу свое заключение, содержащее рекомендации относительно возможных и необходимых мер восстановления указанных прав и свобод. Он вправе: обратиться в суд с заявлением в защиту прав и свобод, нарушенных решениями или действиями (бездействием) государственного орга-

на, органа местного самоуправления или должностного лица, может лично или через своего представителя участвовать в процессе в установленных законом формах и др. Таким образом, ни Уполномоченный, ни Комиссия не обладают основным свойством «эффективного государственного органа», каким его наделяет Европейский суд – возможностью восстановить нарушенное право.

Относительно компетенции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу рассмотрения жалоб, поступающих от физических лиц, следует отметить, что заявитель может обратиться в Конституционный Суд с жалобой на неконституционность закона, примененного или подлежащего применению в конкретном деле.

Согласно ст. 97 ФКЗ от 21 июля 1994 года «О Конституционном Суде Российской Федерации»¹ жалоба на нарушение законом конституционных прав и свобод допустима, если обжалуемый закон, во-первых, затрагивает конституционные права и свободы граждан и, во-вторых, применен или подлежит применению в конкретном деле, рассмотрение которого в суде завершено либо начато в суде или ином органе, применяющем закон.

«По смыслу названного Закона, для признания жалобы допустимой не имеет значения, каково содержание решений, принятых по данному делу судами общей юрисдикции, и рассмотрено ли оно всеми судебными инстанциями. Конституционный Суд Российской Федерации не проверяет судебные решения. Гражданин вправе обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации лишь в том случае, если он полагает, что имеет место неопределенность в во-

¹ См.: СЗ РФ от 25 июля 1994 г. № 13. ст. 1447, с изм. и доп. от 8 февраля, 15 декабря 2001 г., 7 июня 2004 г., 5 апреля 2005 г., 5 февраля 2007 г., 2 июня 2009 г.// СЗ РФ. 2001. № 7. Ст. 607; 2001. № 51. Ст. 4824; 2004. № 24. Ст. 2334; 2005. № 15. Ст. 1273; 2007. № 7. Ст. 829; 2009. № 23. Ст. 2754.

просе, соответствует ли Конституции Российской Федерации затрагивающий его права закон»¹.

Не существует «гражданского права», «права или свободы, признанных в Конвенции», чтобы позволить оспаривать законы государства-участника перед ним самим². Таким образом, ст. 13 Конвенции не гарантирует человеку возможность жалобы, позволяющей оспаривать нормы права Российской Федерации перед государственной властью³.

В целях полноты анализа вопроса о том, что Конституционный Суд РФ не считается действенным средством правовой защиты, учитывая вышеизложенное, необходимо также отметить, что и результат судебного разбирательства не является определяющим для восстановления нарушенного, по мнению заявителя, права. Статья 100 Федерального конституционного закона РФ «О Конституционном Суде Российской Федерации» предусматривает, что, в случае, если закон, примененный в конкретном деле, будет признан несоответствующим Конституции Российской Федерации, данное дело во всяком случае подлежит пересмотру компетентным органом в обычном порядке. Таким образом, право на обращение в Конституционный Суд РФ в сфере позитивных требований, как способ разрешения вопроса о том, нарушается ли конституционное право или свобода законом, примененным или подлежащим применению в конкретном деле, является прерогативой национальных властей.

¹ Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 25 апреля 1995 г. № 3-П "По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 54 Жилищного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л.Н. Ситаловой" // СЗ РФ. 1995. № 18. Ст. 1708.

² См.: Касасо Кока (Casado Coca) против Испании – 24.02.94 // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. М., 2000. Т. I. С. 835. П. 43; Лопес Остра (Lopez Ostra) против Испании – 09.12.94 // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. М., 2000. Т. 2. С. 74. П. 55.

³ См.: Пауэлл (Powell) и Рейнер (Rauner) против Соединенного Королевства – 21.02.90 // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. М., 2000. Т. I. С. 663. П. 36; Мюррей (Murray) против Соединенного Королевства – 28.10.94 // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. М., 2000. Т. 2. С. 46. П. 102.

В этом аспекте значение имеет формулировка ст. 1 Конвенции: «Высокие Договаривающиеся Стороны обеспечивают каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в разделе I настоящей Конвенции». Основная идея ее в том, что «...государства обеспечивают индивидам определенные в Конвенции права и свободы. Способы такого обеспечения, начиная с метода закрепления того или иного права, остаются в компетенции государства»¹. Институт Уполномоченного по правам человека является одним из средств обеспечения конституционных гарантий прав человека в условиях формирования в России гражданского общества и становления правового государства. «Все многообразие полномочий Конституционного Суда Российской Федерации, установленных статьей 125 Конституции Российской Федерации, и практическая деятельность его позволяют увидеть в нем действительного «стража» буквы и духа Конституции России, высокопрофессиональный государственный орган, вносящий значительный вклад в защиту прав и свобод человека и гражданина и в развитие российской государственности»².

Кроме того, характер права, предусмотренного ст. 13 Конвенции, обуславливает специфику средств защиты, которые призваны обеспечивать надлежащее функционирование системы «эффективное средство правовой защиты в государственном органе»³. В этом случае речь идет о государственных органах, призванных обеспечить, с учетом практических реальностей, ее требования. Такими государственными органами могут выступать служба судебных приставов, прокуратура и др. В частности, трудности по исполнению судебных ак-

¹ Игнатенко Г.В. Международно признанные права и свободы как компоненты правового статуса личности. С. 96.

² Невинский В.В. Конституционный Суд Российской Федерации и правотворчество в России // ВКС РФ. 1997. № 3, С.72. См. также: Он же. Межрегиональный научно-практический семинар "Достоинство человека: от философско-правовой идеи к конституционному принципу современного государства" (к 50-летию Всеобщей декларации прав человека) // Государство и право. 1999. № 10. С. 121.

³ См.: Кайя (Кауа) против Турции // Европейский Суд... С. 488. П. 107.

тов, отказ от проведения действенного расследования по сути заявления или его ненадлежащее осуществление могут свести на нет требование по восстановлению нарушенного права. «...Защита нарушенных прав не может быть признана действенной, если судебный акт или акт иного уполномоченного органа своевременно не исполняется. Следовательно, законодатель... вправе урегулировать исполнительное производство в соответствующем федеральном законе. Таким законом является Федеральный закон от 21 июля 1997 года «Об исполнительном производстве»...»¹ Так, по делам о взыскании различных денежных сумм (заработная плата, страховые накопления и др.), человеку, защитив свои права в суде, необходимо добиться и исполнения состоявшегося решения суда, которое обеспечивается службой судебных приставов исполнителей².

Практика Европейского Суда в связи с толкованием и применением ст. 13 Конвенции относительно фрагментарна. Отдельные ее положения можно уяснить только через многочисленные пояснения Суда, связанные с другими рассматриваемыми вопросами. В качестве еще одного комментария хотелось бы дополнить содержание данного права еще одной гарантией. Так, обеспечивая право на эффективное средство правовой защиты, ст. 13 Конвенции оставляет государству свободу выбора в использовании средств для достижения цели – защита прав и свобод человека. Возможность оказания юридической помощи является одним из таких средств, которое Суд рассматривает как доста-

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 июля 2001 г. № 13-П "По делу о проверке конституционности положений подпункта 7 пункта 1 статьи 7, пункта 1 статьи 77 и пункта 1 статьи 81 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в связи с запросами Арбитражного суда Воронежской области, Арбитражного Суда Саратовской области и жалобой открытого акционерного общества «Разрез "Изынский"» // СЗ РФ. 2001. № 32. Ст. 3412. П. 2

² См. ФЗ от 21 июля 1997 года № 118 – ФЗ "О судебных приставах" // СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3591, с изм. и доп. от 7 ноября 2000 г., 29 июня 2004 г., 22 августа 2004 г., 3 марта 2007 г., 22 и 23 июля 2008 г., 25 декабря 2008 г., 19 июля 2009 г., 25 ноября 2009 г. // СЗ РФ. 2000. № 46. Ст. 4537; 2004. № 27. Ст. 2711; 2004. № 35. Ст. 3607; 2007. № 10. Ст. 1156; 2008. № 30 (ч.1). ст. 3588; 2008. № 30 (ч.2). Ст. 3616; 2008. № 52 (ч.1). Ст. 6235; 2009. № 29. Ст. 3631; 2009. № 48. Ст. 5717.

точную процессуальную гарантию в целях ст. 13 Конвенции, обеспечивающую «право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе»¹. Конституция РФ (ст. 48) гарантирует каждому право на получение квалифицированной юридической помощи, которая, в случаях, предусмотренных законом, должна оказываться бесплатно. Вместе с тем социальная незащищенность человека в России, низкое качество юридической помощи, оказываемое в судебном производстве адвокатами дают основания говорить о том, что Россия на данный момент не обеспечивает человеку в надлежащей мере соблюдение данной процессуальной гарантии².

В соответствии со ст. 34 Конвенции: «Суд может принимать жалобы от любого физического лица, любой неправительственной организации или любой группы частных лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающих Сторон их прав, признанных в настоящей Конвенции или в Протоколах к ней...». С учетом такой формулировки статьи право Суда принимать жалобы может быть установлено исходя из содержания тех обязанностей, осуществлению которых право должно способствовать. Во-первых, это юридическая обязанность государства – Российской Федерации – никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению данного права. Ее содержание раскрывается как на уровне нормотворческой деятельности государства, так и в рамках обеспечения действительной реализации положений, закрепленных в законодательстве. Статья 46 (ч. 3) Конституции РФ определяет: «Каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все внутригосударственные средства правовой защиты».

¹ См.: Эйри (Airey) против Ирландии // Европейский Суд... С. 275- 276. П. 26.

² См.: Горшкова С.А. Европейские нормы по правам человека и усилия России по их соблюдению // Журнал российского права. 2001. № 11. С. 72.

Таким образом, государство, осуществляя свою обязанность, придает ей юридическую силу для субъекта (человека) внутригосударственного права, наделяя его определенной правовой возможностью. При этом содержание субъективного права на обращение в межгосударственные органы по правам человека рассматривается не только как мера возможного, но и должного поведения субъектов. Последняя определяется как обязанность соответствующего субъекта исчерпать внутренние средства правовой защиты. Содержание этой обязанности согласовано с нормами международного права. В ст. 35 Конвенции закреплено: «Суд может принять дело к рассмотрению только после того, как были исчерпаны все внутренние средства правовой защиты, как это предусмотрено общепризнанными нормами международного права...». Кроме того, суд определяет, что «правило об исчерпании всех внутригосударственных средств правовой защиты, о котором идет речь в статье 26 Конвенции (с учетом включения в текст Конвенции норм Протокола 11 ныне ст. 35. – С.Г.), обязывает всех лиц, желающих возбудить дело против государства в международных судебных и арбитражных органах, использовать прежде всего средства правовой защиты, предоставленные национальной правовой системой. Государства освобождаются от ответственности перед международным органом за свои действия, пока они не получают возможности рассмотреть соответствующие дела в рамках собственной правовой системы. Это положение основывается на предположении, изложенном в статье 13 Конвенции (с которой оно тесно связано), что всегда существует эффективное средство национальной правовой защиты в отношении предполагаемого нарушения независимо от того, являются ли положения Конвенции составной частью национального права или нет. Таким образом, важный аспект этого принципа состоит в том, что система правовой защиты, действующая в рамках Конвенции, является субсидиарной по отноше-

нию к национальным системам защиты прав человека»¹. Обязанность государства обеспечить действительную реализацию права на обращение в межгосударственные органы основывается на презумпции, сформулированной в ст. 13 Конвенции.

Таким образом, право на эффективное средство правовой защиты, с одной стороны, во взаимосвязи с обязанностью – исчерпать внутригосударственные средства правовой защиты – выступает как «дополнительное правовое средство» при реализации национального права на обращение в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, закрепленное в ч. 3 ст. 46 Конституции РФ, с другой стороны, следует констатировать, что требование его осуществления и свобода усмотрения государствами-участниками Конвенции «...относительно того, каким образом они обеспечивают выполнение (осуществление регламентированного ст. 13 Конвенции права – С.Г.) своих обязательств»² являются «равнозначными» при определении действительного содержания конституционного права на правовую защиту³.

Из сказанного можно сделать следующие выводы:

1) ст. 13 Конвенции, вырабатывая требования эффективного средства правовой защиты, участвует в формировании действительного содержания конституционного права на правовую защиту. Правовые предписания, установленные практикой Европейского Суда и регламентирующие право на эффективное средство правовой защиты, облекаются в четкие обязательства, законодательная и практическая реализация которых в Российской Федерации соответствует положениям, нашедшим закрепление в Конституции РФ: каждому гарантирует

¹ Акдивар (Akdivar) и другие против Турции – 16.09.96 // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. М., 2000. Т.2. С. 221. П. 65; См. также: Аксой (Aksoy) против Турции // Европейский Суд... С. 343. П. 51.

² Чахал (Chahal) против Соединенного Королевства // Европейский Суд... Там же.

³ Подробно о способах, формах согласования норм внутригосударственного права и международного права см.: Игнатенко Г.В. Взаимодействие внутригосударственного и международного права: учеб. пособие. Свердловск, 1981. С. 27.

ся судебная защита его прав и свобод (ч. 1 ст. 46); решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд (ч. 2 ст. 46);

2) требования ст. 13, реализуемые во внутригосударственной сфере, касаются также и международно-правовой системы защиты прав человека – возможность Европейского Суда принимать дело к рассмотрению после того, как были исчерпаны все внутренние средства правовой защиты. Следовательно, эффективность осуществления международного и внутригосударственного механизмов защиты достигается только тогда, когда есть внутренняя согласованность положений, определяющих действительное содержание и осуществление «права на эффективное средство правовой защиты».

1.2.2. Конституционное право на правовую защиту в российской нормативной системе

Полученные в исследовании положения относительно анализа «права на эффективное средство правовой защиты» выступают общим знаменателем в вопросе выработки и уяснения содержания и юридической характеристики конституционного права на правовую защиту, причем требования ст. 13 Конвенции обеспечиваются совокупностью средств, предусматриваемых российским правом. Однако ст. 13 Конвенции не единственный детерминант формирования данного права. Его правовое состояние образуют также «качества», выводимые как из законодательства государства, так и из теоретических положений юридической науки.

Понятие «право на правовую защиту» как единый термин прямо в конституционных положениях не закреплено. Оно образуется путем фиксации в его составе нескольких вариантов поведения, сформулированных в различных

конституционных нормах. Содержание права на правовую защиту образует ряд соответствующих фактических возможностей, облеченных в форму юридических построений субъективных прав человека.

Право человека на правовую защиту следует рассматривать как возможность каждого:

- 1) на судебную защиту (ч. 1 ст. 46 Конституции РФ);
- 2) на обжалование в суд решения и действия (или бездействия) органа государственной власти, органа местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц (ч. 2 ст. 46 Конституции РФ);
- 3) на обращение в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все внутригосударственные средства правовой защиты (ч. 3 ст. 46 Конституции РФ).

Данные правовые возможности определяют справедливый баланс между требованиями интересов человека и необходимыми мерами поведения государственных органов в вопросе защиты прав личности. При переходе их возможного состояния в действительное, другими словами, при реализации данных возможностей, с одной стороны, обеспечивается надлежащая защита и правомерное осуществление различных прав человека, с другой стороны, они являются одним из критериев, определяющих наивысшую степень защиты прав и свобод человека в системах международного и внутригосударственного права. Реализация (существующая практика действия) и результативность данных правовых возможностей, исходя из общей социальной цели правовой защиты прав и свобод человека, служат теоретической основой для конструирования состава права на правовую защиту и уяснения критерия его эффективности. Таким образом, вышеперечисленные возможности выступают составными (основными) элементами конституционного права на правовую защиту.

Исходя из правовой регламентации права на правовую защиту, основанной на принципах определяющих понятие правового государства, а также из

взаимосвязи данного права со ст. ст. 1, 2, 15 (ч. 4), 17 (ч.1), 18, 45 (ч.1) Конституции РФ, нормативно закрепленные правовые возможности человека, такие как: получение квалифицированной юридической помощи (ч.1 ст. 48 Конституции РФ); возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц (ст. 53 Конституции РФ); право человека самостоятельно защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 45 Конституции РФ); право гражданина обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 33 Конституции РФ); право обвиняемого, осужденного на защиту; обеспечение потерпевшим доступ к правосудию, компенсацию причиненного ущерба и охрана их прав законом являются неотъемлемыми элементами конституционного права на правовую защиту, также образующими его содержание.

Включение в содержание права на правовую защиту данных возможностей (правомочий) основывается, во-первых, на соотносительной значимости их существенных свойств и особенностей относительно функционирования составных элементов права на правовую защиту, во-вторых, на критерии «полноты» регламентации конституционного права на правовую защиту с точки зрения предоставляемых человеку возможностей, обеспечивающих правомерную реализацию и защиту его прав.

По вопросу свойств и особенностей относительно функционирования составных элементов права на правовую защиту укажем, что права, определяющие возможности обвиняемого, осужденного на защиту, обеспечивающие потерпевшим доступ к правосудию, компенсацию причиненного ущерба и охрану их прав законом, находятся с основными правомочиями права на правовую защиту в обще-родовых отношениях, то есть составляют особенный случай их действия. Так, право обвиняемого на защиту подразумевает под собой право

лица на судебную защиту. Первое (родовое средство) будет по объему полностью входить в другое (исходное или общее). При этом исходное средство выступает мерой для родового, в то время как последнее расширяет исходное за счет своего дополнительного содержания. Таким образом, практическая значимость этих правомочий в том, что они не сколько обеспечивают полную регламентацию права на правовую защиту, сколько через свое конкретное содержание расширяют содержание определенного основного правомочия данного права. В области правового регулирования к таким отношениям можно применить определение конкретизации правовых предписаний, поэтому эти правомочия в содержании конституционного права на правовую защиту обозначаются в качестве конкретизирующих элементов.

По отношению к полной регламентации конституционного права на правовую защиту в российской нормативной системе и достижению его социальной цели отметим, что право на юридическую помощь, возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц, право человека самостоятельно защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, право гражданина обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления проявляют себя в содержании данного конституционного права в качестве дополнительных (акцессорных) его элементов. Придание этим правомочиям качества дополнительных правовых средств основывается на следующих положениях.

Во-первых, акцессорный характер права на юридическую помощь определяется двумя моментами. В основе первого находятся вышеизложенные положения о согласованности национальной регламентации права на правовую защиту с международным его определением. В этом контексте право на юридическую помощь выполняет служебную роль, обеспечивая человеку реальный

доступ к правосудию и его надлежащее осуществление. Оно рассматривается в качестве процессуального средства, которое могло бы предотвратить нарушение Конвенции¹. В рамках второго момента уяснение акцессорного характера правомочия (право на юридическую помощь) права на правовую защиту определяется теоретическими разработками вопроса о юридическом механизме реализации прав личности. Понятия «защита прав» и «реализация прав» имеют свое содержание, хотя и включены в единый процесс осуществления прав человека². Реализация конституционного права на правовую защиту, а, следовательно, и действие его составляющих элементов, не может поглотить собой процесс материализации иных прав личности и те юридические средства, которые его обеспечивают. Право на юридическую помощь является юридическим средством реализации и элементом правовой защиты прав человека. В качестве подвида данного права, как средства реализации, в юридической литературе выделяют право на разъяснение содержания правовых норм, право на получение юридической информации, право на получение юридического образования³. Поэтому придание ему в содержании конституционного права на правовую защиту признака «акцессорности» не только юридически возможно, но и правильно с научных позиций теории права.

Во-вторых, акцессорный характер права каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти и их должностных лиц, проявляется в том, что оно выступает в качестве дробной части, частной предпосылки гарантирования системы правовой защиты человека. Эта возможность характеризует конституционное право на правовую защиту непосредственно через содержание обязанно-

¹ См.: Эйри (Airey) против Ирландии // Европейский Суд... С. 274-277. П. 24, 26; Акдивар (Akdivar) и другие против Турции // Европейский Суд... С. 221-222. П. 66.

² См.: Васильев А.М. Правовые категории: Методологические разработки системы категорий теории права. М., 1976. С. 173-175; Стремоухов А.В. Указ соч. С. 22.

³ См.: Мельниченко Р.Г. Конституционное право на юридическую помощь: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Волгоград, 2001. С. 14, 16-17.

сти государства защищать права и свободы человека, осуществляемой посредством законодательно установленных действий обязанного субъекта (органа государственной власти, должностного лица), который должен поступить так, а не иначе. В содержании самой юридической обязанности присутствует безусловное требование ее соблюдения. Нарушение обязанности выступает основанием реализации данного правомочия. Однако в таком случае оно будет выступать лишь в виде права требования возмещения государством вреда, то есть исполнения обязанной стороной необходимого поведения, но не в виде каких-то иных возможностей лица совершать юридически значимые активные действия, не связанные с требованием исполнения (соблюдения) юридической обязанности. Таким образом, право требования заинтересованного лица является обязанностью государства. Рассматриваемая возможность человека как самостоятельное правовое средство проявляет себя в структуре любого субъективного права, отношениях между личностью и государством, приобретая качественные признаки отношений защиты прав за счет направленности результата ее реализации. Последний признак как следствие содержания данного права определяет и его регулирующую роль, имеющую отношение к реализации конституционного права на правовую защиту в качестве элемента охраны, которая заключается в позитивном воздействии на другие нормативные положения, закрепляющие компетенцию обязанного субъекта действовать надлежащим образом, исключая возникновение деликта. Поэтому право каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти и их должностных лиц, выступает в качестве гарантирующего правового средства, которое призвано, с одной стороны, добиться реализации необходимого поведения по средствам осуществления иных правомочий права на правовую защиту, с другой стороны, обеспечивать исполнение (соблюдение) конституционного права на правовую защиту.

В-третьих, конституционное право на правовую защиту как комплексная категория представляет собой относительно «замкнутое», нормативно-конкретное правовое явление. Этот признак придает данному праву состояния упорядоченности, согласованности и целостности. Право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, расширяет возможности активных, самостоятельных, инициативных действий человека в отстаивании своих прав, причем их объем законодательно не определен. Человек может обратиться в средства массовой информации, неправительственные правозащитные организации, общественные объединения, иным образом привлечь общественность к волнующей проблеме, связанной с вопросом защиты его прав. Однако действия человека не должны нарушать закон, посягать на права и свободы других лиц, противоречить нормальной жизнедеятельности общества. Для такого правомочия характерен общедозволительный тип регулирования – «дозволено все, кроме прямо запрещенного законом». Пределы действия комплексной категории права на правовую защиту менее гибкие, что и способствует повышению ее эффективности. Несмотря на то, что возможность правовой защиты, будучи неразрывно связана с развивающейся социальной действительностью, исключает наличие внешних жестких границ, ее внутренне качественная мера строится на конкретных правомочиях законодательно определенного поведения лица, реализация которых обеспечивается определенными условиями и средствами. Сказанное означает, что для реализации состава права на правовую защиту действителен разрешительный тип регулирования – «запрещено все, кроме прямо разрешенного». Таким образом, подчиненная роль акцессорного элемента – право защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, – в системе конституционного права на правовую защиту обусловлена общим предметом правового регулирования отношений, связанных с защитой прав личности.

Применительно к определению акцессорной роли правомочия человека направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления, закрепляющего право на жалобу (ст. 33 Конституции РФ) необходимо пояснить следующее.

Право на жалобу с учетом особенностей его реализации в содержании конституционного права на правовую защиту вынесено «за скобки» его основных элементов. Составные элементы права на защиту являются оптимальными и эффективными как по правовым последствиям, так и по уровню закрепления в системе законодательства. Тогда как правомочие – право на жалобу – в сопоставлении с судебным механизмом защиты служит эффективным средством охраны прав человека. Эффективность данного правомочия определяется по степени оценки его действенности и, в конечном счете, сводится к его реализации в качестве организационно-правовой гарантии охраны, которая может способствовать защите прав человека.

Таким образом, жалоба непосредственно является не только средством защиты прав человека, нарушенных действиями (бездействием) властных структур, но и информацией о существующих недостатках в их работе, способствует устранению недостатков, улучшению работы государственного аппарата, укреплению режима законности¹.

Конституционное закрепление служит правовой основой практического осуществления права на жалобу, ее правила конкретизируются и дополняются подзаконными актами нормативного характера. Нормативно-правовым актом, регулирующим правоотношения, связанные с реализацией гражданином РФ права на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления, а также устанавливающим порядок рассмотрения обращений граждан государственными органами, органами местного самоуправления и должност-

¹ См.: Хаманева Н.Ю. Защита прав граждан в сфере исполнительной власти. М., 1997. С. 13.

ными лицами, является ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»¹.

Универсальной конституционной гарантией защиты прав в правовом демократическом государстве признается реальное правосудие. Административная процедура жалобы идет по пути использования элементов судебной формы защиты, а именно, закрепляет возможность каждого гражданина обжаловать в суд неправомерные решения, действия (бездействие) государственных органов, органов местного самоуправления, учреждений, предприятий и их объединений, общественных объединений или должностных лиц, государственных служащих, нарушающих права человека. Кроме того, существует юридически установленная вариантность лица обратиться с жалобой на действия (решения), нарушающие его права и свободы, либо непосредственно в суд, либо к вышестоящему в порядке подчиненности компетентному органу, а если человеку в удовлетворении жалобы отказано или гражданин не получил ответа в течение месяца со дня ее подачи, то он опять же вправе обратиться с жалобой в суд (ст. 4 Федерального закона от 27 апреля 1993 года «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан»). Это ставит суд над административными органами, так как обязать соответствующий орган удовлетворить требование гражданина, отменить применяемые к нему меры ответственности либо иным путем восстановить нарушенное субъективное право можно лишь в судебном порядке. Суд не рассматривает жалобы на действия (решения), которые отнесены законодательством к исключительной компетенции Конституционного Суда Российской Федерации и в отношении которых законодательством предусмотрен иной порядок судебного обжалования. Так, например, специальный порядок обжалования закреплен в Законе Российской Федерации от 2 июля 1992 года «О психиатрической помощи и гарантиях прав

¹ См.: СЗ РФ. 2006. № 19. Ст. 2006.

граждан при ее оказании». Согласно ст. 47 данного закона, обжалованию подлежат действия медицинских работников, иных специалистов, оказывающих психиатрическую помощь, которые ущемляют права и законные интересы граждан. По смыслу этой статьи диагноз психического заболевания не является предметом рассмотрения в судебном заседании. Однако, в том случае, когда на основании установленного комиссией врачей-психиатров заключения по поводу диагноза предпринимаются какие-либо действия, ограничивающие права и свободы лиц, страдающих психическим расстройством, суд, рассматривая жалобу по поводу этих действий, исследует и вопрос диагноза.

Таким образом, основным средством защиты прав человека является судебная система Российской Федерации. «Этому способствует общедоступность судов, всесторонность и профессионализм в оценке ситуации, государственно-властный (обязывающий от имени государства) характер решений суда, общепризнанные демократические принципы осуществления правосудия»¹. Объективный критерий выделения его в качестве основного средства следует искать в назначении и юридической природе деятельности судов. Если защита прав административными органами является лишь частью их социального управления, то деятельность суда, независимого механизма структуры государственной власти, в целом направлена на осуществление юрисдикционной деятельности. Кроме того, право на судебную защиту согласно Конституции Российской Федерации не может быть ограничено. Допустимые ограничения конституционных прав в соответствии со ст. 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации могут быть введены законодателем только в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Право на судеб-

¹ Невинский В.В. Юридическая конструкция правового положения человека и гражданина в Российской Федерации / Личность и государство на рубеже веков: Сборник научных статей / Под. ред. В.В. Невинского. Барнаул, 2000. С. 32.

ную защиту ни в каком случае не может вступить в противоречие с данными целями и, следовательно, не подлежит ограничению. Именно поэтому право на судебную защиту отнесено согласно ст. 56 (ч. 3) Конституции Российской Федерации к таким правам и свободам, которые не могут быть ограничены ни при каких обстоятельствах¹.

Использованные в законах термины «судебная система», «судебная власть», «правосудие» уже предполагают определенную организацию элементов, внутренне согласованных и работающих в едином механизме юридической правовой формы, оказывающей определенное воздействие на социальные отношения. Эти понятия в законе – не только критерии направленности воли законодателя, но и средства практического моделирования оптимального варианта построения судебной защиты прав человека.

Таким образом, право на судебную защиту, на обжалование в суд решений и действий (или бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц рассматриваются как усиленные элементы, выступающие гарантией функционирования процесса защиты прав человека.

С учетом сказанного отметим, что рассматриваемая юридическая регламентация содержания права на правовую защиту ни в коей мере не умаляет действие права жалобы служить средством защиты (охраны) прав личности. Защита прав и свобод человека – обязанность государства, всех без исключения структур государственного механизма. Человеку при этом предоставляется выбор судебных и несудебных форм защиты. Административно-правовой порядок разрешения жалоб прост, удобен и эффективен при рассмотрении несложных дел. Следует подчеркнуть, что законы, подзаконные акты призваны развивать,

¹ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 3 мая 1995 года № 4-П "По делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Аветяна" // СЗ РФ. 1995. № 19. Ст. 1764. П. 4.

конкретизировать конституционные положения, так как реализация последних в ряде случаев осуществляется через систему опосредующих правовых механизмов. В этом смысле необходимая модернизация нормативной базы права на жалобу, являющейся показателем эффективности государственно-правовых норм, повысит и качество защиты прав человека в целом.

Таким образом, при анализе административной и судебной защиты устойчивая и эффективная однородность их совместного действия, как элементов единого механизма правовой защиты, обусловлена особенностью проявления их в качестве предусмотренных законом средств, непосредственно обеспечивающих нормальный процесс реализации личностью своих прав. Однако в процессе непосредственной реализации конституционного права на правовую защиту они функционируют только как два близких по фактическому назначению элемента. Судебная защита и иные нормативные составы, закрепленные в ст. 46 Конституции РФ, являются основными, а административный присоединяется к ним в качестве дополнительного средства. При этом правовые результаты, на которые рассчитан административный механизм защиты, присоединяются к основным вариантам поведения. Кроме того, по принципу обратной связи, основной элемент может воздействовать, обеспечивать надлежащее осуществление и дополнительного элемента конституционного права на правовую защиту.

Единство рассмотренных дополнительных правомочий применительно к вопросу о рассмотрении их как элементов конституционного права на правовую защиту подкрепляется тем, что его содержание формируется и находит свое реальное воплощение как в обязанности демократического правового государства защищать права и свободы человека и гражданина, так и правовом положении личности в целом. Исключить акцессорные элементы из состава конституционного права на правовую защиту – значит нарушить его содержание, полноту регулирования правозащитных отношений. Каждое из правомочий

чий представляет собой относительно самостоятельное правовое явление, вместе с тем его свойства, юридическая природа может быть правильно понята лишь с учетом уяснения его места в общей системе права на правовую защиту, в механизме его реализации. Все элементы состава в полном или ограниченном целью правовой защиты объемах связаны друг с другом достаточно надежной связью.

Таким образом, содержание права на правовую защиту проявляется в единстве всех составляющих его элементов: *основных* – право на судебную защиту, право на обжалование в суд решений и действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц, право на обращение в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все внутригосударственные средства правовой защиты; *дополнительных (акцессорных)* – право на получение квалифицированной юридической помощи, право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц, право человека самостоятельно защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, право гражданина обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления; *конкретизирующих* – право обвиняемого, осужденного на защиту; обеспечение потерпевшим доступ к правосудию, компенсацию причиненного ущерба и охрана их прав законом.

При этом необходимо отметить, что элементами состава не являются произвольно взятые юридические конструкции. Основание их выделения в состав права на правовую защиту определяется тремя факторами. Во-первых, общей целью правовых предписаний – предоставить человеку возможность использовать определенные юридические механизмы, процедуры, правила поведения для охраны (защиты) и восстановления своих прав. Причем критерий

правовой защищенности человека оценивается оптимально. Во-вторых, действием самих правовых возможностей. Показатель эффективности правового средства, закрепленный в международных нормах, в российском законодательстве проявляет себя, с одной стороны, в наличии внешних связей между определенными юридическими возможностями. Так, гражданин вправе обратиться с жалобой на действия (решения), нарушающие его права и свободы, либо непосредственно в суд, либо к вышестоящему в порядке подчиненности государственному органу, органу местного самоуправления, учреждению, предприятию или объединению, общественному объединению, должностному лицу или государственному служащему; если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты каждый вправе обратиться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека. С другой стороны, в необходимой и возможной взаимосвязи правовых возможностей друг с другом в процессах их непосредственной реализации. Так, ст. 51 УПК РФ закрепляет случаи обязательного участия защитника в уголовном судопроизводстве, осуществляющего в установленном законом порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающим им юридическую помощь при производстве по уголовному делу. В-третьих, теоретическими положениями, относящимися к государственно-правовой действительности. Существует мнение, что научные исследования только вскрывают закономерности определенных правовых процессов, а не создают их. Но это – одна из многих граней научной деятельности. Теоретическая разработка понятий, теорий, категорий юридической науки, имеющая своим источником законы, жизненную объективность, правовую действительность способна дополнить, изменить, переосмыслить на базе ранее познанных и в настоящий момент закрепленных положений не только теоретические позиции, взгляды, но и юридические конструкции и явления.

Таким образом, содержание права на правовую защиту организуется различными связями при реализации составляющих его элементов и наличием це-

левого момента, эффективность которого зависит от действия и результата конкретной возможности (правомочия права на правовую защиту)¹.

Такой подход к содержанию права на правовую защиту подчеркивает положение о том, что функциональная, дополнительная и конкретизирующая роль выделенных в содержании субъективного права основных, акцессорных и конкретизирующих юридических возможностей ни в коей мере не отменяет и не умаляет их самостоятельного значения как правовых явлений – субъективных конституционных прав, которые являются элементами системы прав, закрепленной в Конституции РФ и образующей правовой статус человека.

Особенностью содержания Конституции РФ, ее юридической силой и местом в системе законодательства определяется юридическая природа конституционных прав. В соответствии с Конституцией РФ основные (конституционные) права и свободы, закрепленные в ней, имеют прямое, непосредственное действие. Поэтому для защиты прав и свобод не обязательно издание государством дополнительных законов и иных актов. Человек может защищать их, руководствуясь Конституцией, ссылаясь на нее. В то же время признание в Конституции РФ прав и свобод непосредственно действующими не исключает того, что их содержание, механизмы реализации разрабатываются в актах текущего законодательства соответствующих различным отраслям права.

Так, уяснение правомочия на получение юридической квалифицированной помощи протекает в увязке с текущим законодательством – Федеральным законом от 31 мая 2002 года «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»²; в уголовном процессе право пользоваться услугами за-

¹ См. также: Постановление Конституционного Суда РФ от 28 октября 1996 года № 18-П "По делу о проверке конституционности статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина О.В. Сушкова" // СЗ РФ. 1996. № 45. Ст. 5203. П. 2.

² СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102, с изм. и доп. от 28 октября 2003 г., 22 августа и 20 декабря 2004 г., 24 июля и 3 декабря 2007 г., 23 июля 2008 г. // СЗ РФ. 2003. № 44. Ст. 4262; 2004. № 35. Ст. 3607; 2004. № 52 (часть 1). Ст. 5267; 2007. № 31. Ст. 4011; 2007. № 50. Ст. 6233; 2008. № 30 (ч.2). Ст. 3616.

щитника принадлежит подозреваемому, обвиняемому (ч. 1 ст. 49 УПК РФ), свидетелю в соответствии с ч. 5 ст. 189 УПК РФ и др.; в административном процессе для оказания юридической помощи лицу, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, может участвовать защитник, а для оказания юридической помощи потерпевшему – представитель (ст. 25.5 КоАП РФ); предусмотрено оказание юридической помощи лицам, осужденным к лишению свободы, они могут пользоваться услугами адвокатов, а также иных лиц, имеющих право на оказание такой помощи (п. 8 ст. 12 УИК РФ) и др. Право обжаловать в суд решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц должно толковаться в увязке с Федеральным законом от 27 апреля 1993 года «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан»; ст. 125 УПК РФ закрепляет право обжаловать в суд по месту производства предварительного расследования определенные действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя и прокурора и судебный порядок их рассмотрения и др.

В юридической науке правоведы по-разному оценивают связь конституционных положений с актами текущего законодательства¹. Однако критерии необходимой конкретизации или последующего развития конституционных положений имеют одно основное начало, а именно, что конституционные права и свободы человека являются непосредственно действующими.

Следует отметить еще одну особенность, связанную с исследованием конституционного права на правовую защиту. Конституционные нормы, определяющие данное право, являются относительно самостоятельными по своему содержанию и последствиям. Поэтому в общей форме и с принципиальных об-

¹ См.: Конституционный статус личности СССР. М., 1980. С. 76; Белкин А.А. К соотношению Конституции и государственно-правовых актов (производное нормотворчество) // Правоведение. 1985. № 5. С. 9-10.

щетеоретических позиций можно вести речь о конституционном институте правовой защиты, который определяется совокупностью конституционных норм, закрепляющих определенные правовые возможности человека и гражданина. Объективная обусловленность его выделения определяется несколькими моментами. Первый характеризуется тем, что такие нормы регулируют специфические отношения, связанные с возможностью человека и гражданина защищать права и свободы. Второй – его основу составляют определенные нормы, которые нашли закрепление в Конституции РФ, а также нормы текущего законодательства, конкретизирующие их.

Нормы, устанавливающие право на правовую защиту нашли свое закрепление не только в Конституции РФ, но и в отраслевом федеральном законодательстве, законодательстве субъектов РФ. Такие нормы, начало которым положено Конституцией, имеют определенное место, процесс действия в системообразующих связях различных отраслей права. При этом такая связь подкрепляется не только внешней отраслевой взаимосвязью, но и еще связью их внутренним содержанием, которое формируется на базе конституционного института правовой защиты. Отраслевые правила поведения, конкретизирующие и определяющие конституционные нормы права на правовую защиту, в рамках своей отрасли права образуют соответствующие институты правовой защиты (уголовно-правовая защита, гражданско-правовая защита прав и свобод человека и гражданина и др.). Таким образом, нормы, устанавливающие конституционное право на правовую защиту, служат основой формирования отраслевых институтов правовой защиты прав и свобод человека и гражданина.

Итак, конституционный институт правовой защиты устанавливает исходные начала, определяющие положения защиты прав и свобод человека и гражданина в различных отраслях российского права.

Следует отметить, что нормы, устанавливающие права (правомочия) конституционного права на правовую защиту также могут оформляться в соответ-

ствующие институты. Другими словами, оформленный правовой институт представляет собой совокупность конституционной и отраслевых правовых норм, устанавливающих определенное конституционное право, в частности, право на юридическую помощь, на обжалование, на защиту от обвинения и т.д. В пределах отрасли права могут проявлять себя несколько таких институтов. С учетом этого, а также особенностей регулируемых ими отношений в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина, в пределах конституционного института правовой защиты можно вести речь о системе правовых институтов, обусловленных спецификой реализации цели правовой защиты в рамках конституционной отрасли права.

Таким образом, конституционный институт правовой защиты представляет собой совокупность правил поведения, закрепленных в Конституции РФ и иных нормативно-правовых актах и обладающих соответственно различной юридической силой, призванных регулировать отношения, связанные с защитой прав личности, устанавливается конституционным правом человека и гражданина на правовую защиту и служит правовой основой формирования институтов защиты различных отраслей права и системы институтов правовой защиты, обусловленных спецификой реализации цели правовой защиты в рамках конституционной отрасли права.

Итак, 1) общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ являются составной частью правовой системы Российского государства. Исходя из этого, правовая система должна анализироваться и оцениваться с учетом взаимозависимости и совместимости юридических средств национального и международного права. «... Речь идет о значении норм МП (международного права – С.Г.) в структуре правовой системы... и в воздействии на ее компоненты... Нормы МП воздействуют на все компоненты правовой системы

– на совокупность правовых норм Российской Федерации... на правоотношения, правовую деятельность в целом, правосознание, правовую идеологию»¹.

«Модель» конституционного права на правовую защиту выработана с учетом системной взаимозависимости норм международного и внутригосударственного права. При этом международные положения формулируют основные черты его содержания. Однако такая модель определяется не только положением о включении принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации в ее правовую систему, но и ч. 1 ст. 17 Конституции РФ.

2) Право каждого обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты, выступает компонентом, который, с одной стороны, в пределах возможности человека защищать свои права и свободы характеризует внутрисистемную связь международных и национальных правовых средств в единой юридической модели – конституционное право на правовую защиту, а с другой стороны, позволяет правильно определить направления корректировки и совершенствования национальных механизмов защиты прав и свобод человека и гражданина (административная юрисдикция, возможность каждого получить квалифицированную юридическую помощь и др.).

3) На сегодняшний день в оценке соотношения международно-правовых и национальных механизмов защиты прав и свобод человека наиболее универсальной является судебная форма защиты. Она, выступая комплексной правовой категорией, раскрывается в двух проявлениях, не однородных по степени воздействия на общественные отношения, но характеризующихся целевым единством: как вид государственной деятельности, осуществляемой специаль-

¹ Марочкин С.Ю. Нормы и источники международного права в правовой системе Российской Федерации // Правоведение. 1997. № 3. С. 126.

ными органами, и как право каждого на судебную защиту его прав и свобод (ч. 1 ст. 46 Конституции РФ).

4) Выработанная «модель» конституционного права на правовую защиту в контексте национальной правовой системы учитывает законодательные и теоретические положения, относящиеся к ее государственно-правовой действительности.

5) Право на защиту образует конституционный институт правовой защиты, состоящий из совокупности международных, конституционных и отраслевых норм, которая служит правовой основой формирования институтов защиты различных отраслей права и системы институтов, обусловленных спецификой реализации цели правовой защиты в рамках конституционной отрасли права.

1.3. Право на правовую защиту в системе конституционных прав личности

Социальная и правовая действительность выступает объективным основанием рассмотрения прав и свобод личности не в простой совокупности, а в единой комплексной системе, определяющей сферы индивидуальной свободы, политической активности, достойной жизни и развития личности. Любое субъективное право действует не изолированно, а взаимно дополняя друг друга в единой системе. «Познание системы прав личности, – по словам Н.В. Витрука, – позволяет глубже и полнее раскрыть содержание этих прав, установить их связь друг с другом и более правильно проанализировать их роль и значение в жизни общества в целом и каждого его члена в отдельности. Система прав личности раскрывается через классификации прав, построенных на объективно существующих критериях»¹.

¹ Права личности в социалистическом обществе. М., 1981. С. 86.

Вопрос о классификации прав и свобод человека на соответствующие группы и виды имеет теоретическое и практическое значение. Первое предопределяет второе и связано с установлением таких правовых оснований, как форма, содержание и пределы классификационного критерия. Практическое значение вопроса раскрывается в рамках систематизации, распределении нормативного материала с учетом действительной реализации прав личности.

Определяя «права человека» как систему, необходимо анализировать ее элементы, связи между ними и целостность, то есть различать в ней в качестве структурного канона системную триаду – элементность, связность и целостность¹.

Использование системного подхода в вопросе исследования прав и свобод личности при анализе права на правовую защиту дает возможность более полно уяснить его юридическую характеристику, позволяет практически оценить назначение и функции данного права, видеть и учитывать как общие черты, так и частные качества рассматриваемого явления, выражающие его специфику среди других прав и определить место конституционного права на правовую защиту в системе прав личности.

Следует отметить, что в юридической литературе систематизация конституционных прав и свобод личности строится на различных классификационных основаниях. Определим место конституционного права на правовую защиту в развернутой системе классификации прав и свобод человека и гражданина как зафиксированных в Конституции РФ основных прав и свобод личности, опосредующих различные сферы ее свободы и жизнедеятельности. Это классическое классификационное основание наиболее адекватно отражает правовое положение человека в реальной действительности, в отдельных областях государственно-правового воздействия и заставляет оценить степень эффективности

¹ См.: Баранцев Р.Г. Системная структура классификации / Классификация в современной науке: Сборник научных трудов. Новосибирск, 1989. С. 73-77.

обеспечения интересов человека в правовом государстве. Кроме того, в различных вариантах классификаций конституционных прав и свобод такой показатель присутствует либо как существенный признак деления понятий, либо в качестве результата познания комплексного юридического статуса человека и гражданина, действия государственно-правовых норм.

Будучи включенными в единую систему прав и свобод конституционные права и свободы занимают в ней определенное место за счет конституционного обоснования текущего законодательства. Кроме того, Конституция РФ, ссылаясь на общепризнанные принципы и нормы международного права, создает очень важный механизм для интерпретации некоторых теоретических конституционных положений в новом качестве.

Ряд ученых по этому классификационному основанию подразделяет все права и свободы на личные, политические, социальные, экономические, культурные (духовные), отождествляя видообразующие категории личных и гражданских (частных) прав человека¹. Другие условно систематизируют их на три большие группы: личные права и свободы; гражданские и политические права и свободы; экономические, социальные и культурные права и свободы. В основе определения «гражданские права и свободы человека» они выделяют критерий взаимоотношений гражданина и государства, нацеленный на активное включение человека в жизнь страны, управление ее делами².

Права человека согласно Международным пактам 1966 года³ подразделяются на гражданские, политические, экономические, социальные и культурные. Так, Пакт о гражданских и политических правах человека к гражданским

¹ См.: Конституционное право Российской Федерации. Екатеринбург, 1995. С. 142; Невинский В.В. Указ. соч. С. 22.

² См.: Конституция Российской Федерации. Комментарий / Под общ. ред. Б.Н. Топорнина, Ю.М. Батурина, Р.Г. Орехова. М., 1994. С. 19-21.

³ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах // Международные акты о правах человека: Сборник документов. М., 1999. С. 44-52; Международный пакт о гражданских и политических правах // Международные акты о правах человека...

правам относит: право на жизнь, «никто не может быть произвольно лишен жизни» (ст.6); право на свободу от рабства и содержания в подневольном состоянии, право на гуманное обращение в случае лишения свободы, предотвращение пыток или жестоких, бесчеловечных унижающих достоинство обращений и наказаний (ст. 7, 8); право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 9) и др.

Конвенция о защите прав человека и основных свобод закрепляет право каждого в случае спора о его гражданских правах и обязанностях на справедливое судебное разбирательство (ст. 6). «Понятие «гражданские права и обязанности» не может толковаться исключительно в свете внутреннего законодательства государства-ответчика... Будет ли право рассматриваться как гражданское в смысле Конвенции, зависит не от его юридической квалификации во внутреннем законодательстве, а от того, какое материальное содержание вложено в него этим законодательством и какие последствия оно связывает с ним. Осуществляя свою контрольную функцию, Суд должен принимать в расчет задачи и цели как Конвенции, так и правовых систем государств-участников»¹.

Юридическая характеристика, содержание, назначения прав и свобод человека с научных позиций должны рассматриваться в тесном взаимодействии с нормативно-правовыми аспектами внутригосударственного и международного права. Это положение имеет важное значение в вопросе идейной однородности и согласованности классификационных исследований. К выработке теоретических формулировок необходим более взвешенный подход, поскольку они служат основанием разработки практических установок, определяют эффективность их действия. Система понятий должна возникать не путем нахождения наилучшей комбинации выдвинутых некогда наукой понятий и их традиционного толкования, а на основе анализа современного уровня развития научных и

¹ Кенинг (Konig) против Федеративной Республики Германии – 28.06.78 // Европейский Суд... С.151. П. 88, 89.

практических положений, результатов юридического и социального функционирования, толкования правовых норм¹.

Исходя из идеи согласованного и совместного применения внутригосударственного и международного права следует, что содержание понятия «гражданские права и свободы» совпадает частично со всеми категориями прав человека относительно рассматриваемого выше классификационного основания, в частности с личными, политическими, социальными и культурными.

В юридической литературе по вопросу о месте группы прав, направленных на защиту иных прав и свобод человека, в системе личных, политических, социальных и культурных прав нет единого мнения.

Право граждан обжаловать в установленном законом порядке в суд действия должностных лиц, государственных и общественных органов, совершенных с нарушением закона, с превышением полномочий, ущемляющие права граждан; право граждан на возмещение ущерба, причиненного им незаконными действиями указанных организаций и лиц; право граждан на судебную защиту от посягательств на честь и достоинство, жизнь и здоровье, на личную свободу и имущество Н.П. Фарберов включил в число личных прав и свобод граждан². Н.В. Витрук относит эти права к политической группе прав, указывая, что их реализация имеет целью защиту общественных интересов, благ личности, ее прав и законных интересов³.

Некоторые ученые права личности, связанные с защитой ее основных благ, с одной стороны, рассматривают в качестве самостоятельного правового явления, имеющего определенное назначение, которое не входит в единый системный комплекс социальных, экономических, политических, личных и куль-

¹ См.: Колпин П.В. Диалектика как логика и теория познания: Опыт логико-гносиологического исследования. М., 1973. С 104-105.

² См.: Фарберов Н.П. Конституционные основы организации Советского общенародного государства. М., 1982. С. 201.

³ См: Витрук Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М., 1984. С. 184.

турных прав, с другой стороны, они определяют место некоторых из таких возможностей в группе либо личных, либо политических прав человека. Так, В.Е. Гулиев и Ф.М. Рудинский выделяют особую группу прав – общих юридических гарантий, которые обеспечивают реальность всех остальных прав и свобод. В эту группу они включили право на судебную защиту от посягательств на честь и достоинство, жизнь и здоровье, на личную свободу и имущество; право жалобы; право на возмещение ущерба причиненного незаконными действиями государственных и общественных организаций, должностных лиц. Право обвиняемого на защиту было отнесено ими к числу личных прав, обеспечение которых гарантирует личную безопасность и индивидуальную свободу гражданина¹.

В. Масленников дал более развернутую систему классификации конституционных прав и свобод граждан соответственно кругу интересов и потребностей личности, удовлетворению которых они содействуют, выделив в группе личных прав граждан особую группу конституционных процессуальных прав граждан, к которым отнес право на судебную защиту от посягательств на честь и достоинство, жизнь и здоровье, на личную свободу и имущество, и обжалование действий должностных лиц, государственных и общественных органов. Однако, несмотря на это, он пояснил, что эти права представляют процессуальные формы защиты конституционных прав и свобод, причем не только личных, но и экономических, культурных и политических². Очень важен выбор основания классификации, так как разные основания дают различные классификации одних и тех же явлений, способствуя выявлению особенностей каждой группы и каждого вида. Поэтому методологическим пороком всей его концепции в изложенной классификации является то, что В. Масленников принял за основу

¹ См.: Гулиев В.Е., Рудинский Ф.М. Демократия и достоинство личности. М., 1983. С. 143, 160-161.

² См.: Масленников В. А. Конституционные права и обязанности граждан СССР. М., 1979. С. 109-110.

деления два критерия: области жизни, в которых граждане действуют и в которых складываются их соответствующие права и систематизацию прав и свобод подобно нормам материального и процессуального права. Отсутствие четкого основания в данной классификации привело к тому, что выделенные им процессуальные права в своей совокупности являются определяемыми для личных, политических, социально-экономических и социально-культурных прав и свобод граждан, кроме того, эти процессуальные права теряют свой правовой режим в системе личных прав и свобод граждан, образуя их характерную черту, а не самостоятельные правовые явления, характеризующие взаимоотношения личности и государства. В конечном счете, В. Масленников фактически сводит процессуальные права только к определению степени гарантированности иных конституционных прав и свобод граждан, то есть в своих основных чертах воспроизводит их в качестве юридических гарантий.

Исследуя права и свободы личности, связанные с защитой ее прав, в классификационной системе следует особо остановиться на предложениях, сделанных К.Б. Толкачевым и А.Г. Хабибулиным¹. Стремясь преодолеть споры относительно содержания той или иной группы прав и свобод личности, они вводят категорию «пограничных» прав человека.

Используя критерий общих законов функционирования целостных систем и поддерживая классификацию деления прав и свобод личности на социально-экономические, политические и личные, К.Б. Толкачев и А.Г. Хабибулин рассматривают конституционные права и свободы в едином комплексе, структурные подразделения которого не разграничены между собой, а реально связаны. Причем такая связь определяется ими в качестве существенного признака, опосредующего различные сферы свободы личности, и обуславливает наличие

¹ См.: Толкачев К.Б., Хабибулин А.Г. Личные конституционные права и свободы граждан СССР: система, характеристика, особенности реализации: Учебное пособие. Уфа, 1990. С. 7-13.

прав и свобод, соединяющих между собой группы политических, социально-экономических и личных прав и свобод человека. Именно эти соединяющие права и свободы они и рассматривают как «пограничные», не выделяя их в отдельную систему. Указанные права и свободы характеризуются наличием свойств, присущих двум и более системам конституционных прав и свобод личности. В частности к таким «пограничным» правам они относят право обвиняемого на защиту.

Исследование системных признаков этого права позволяет, по их мнению, рассматривать право на защиту обвиняемого в качестве самостоятельного элемента систем личных и политических конституционных прав и свобод граждан. Во-первых, указанное право, как отмечают К.Б. Толкачев и А.Г. Хабибулин, соотносится с правом неприкосновенности личности как частное с целым, то есть направлено на ограждение личности от незаконного осуждения к уголовным наказаниям, связанным с самыми значительными ограничениями личной свободы, возможностью органов следствия и правосудия выявить всю систему смягчающих и отягчающих обстоятельств, сопутствующих совершению преступления и определить справедливое наказание. Во-вторых, это право, по их мнению, выступает в качестве средства, направленного на эффективное решение важной государственной задачи – отправления правосудия по уголовным делам, что, как они считают, может рассматриваться как определенная форма участия граждан в управлении государственными делами.

В указанной классификации заслуживает поддержку идея сложной взаимосвязанности и взаимозависимости прав личности, что дает возможность качественно познать их содержание. К.Б. Толкачев и А.Г. Хабибулин определяют «пограничные» права и свободы, в частности право обвиняемого на защиту, в качестве производного явления, юридические свойства и реализация которого проявляются с учетом специфики определенных видов конституционных прав и свобод. Однако следует поднять вопрос о критерии «реальности» не только

выделенной ими системной связи, но и тех элементов, которые ее образуют. Право обвиняемого на защиту основано на презумпции невиновности и ряде других положений, сформулированных в Конституции РФ. Данное право, оказывающее действенное влияние на фактический состав иных конституционных прав, путем выявления в их нормативном содержании некоторых качественных признаков, не теряет своего самостоятельного юридического характера.

Так, развитие конституционных положений права обвиняемого на защиту, имея одинаковую правозащитную направленность, приводит к однозначным выводам, что позволяет выразить специфические признаки данного права.

Конституционное обоснование права обвиняемого на защиту достигается за счет уголовно-процессуального законодательства. Уголовно - процессуальные права обвиняемого придают особенности комплексу прав, присущих конституционному статусу личности.

Рассмотрение правомочий права на правовую защиту как элементов некоторых личных, политических, социальных, экономических, культурных прав человека есть, с одной стороны, конкретизация последних, с другой стороны, это одно из оснований взаимосвязи таких прав с группой прав, направленных на их защиту. Однако в данном случае конкретизация выступает не как вид производного нормотворчества («...по уменьшению объема понятий юридической нормы на основе расширения их содержания, результаты которой фиксируются в определенных правовых актах»¹), а как юридико-технический прием, характеризующий специальные положения, ограничивающие определенные права и свободы человека. Так, право личной свободы человека как часть конституционного права на неприкосновенность личности никем не может быть ограничено до тех пор, пока не доказано совершение лицом преступления. Только суд при наличии определенных доказательств и с соблюдением процес-

¹ См.: Рабинович П.М., Шмелева Г.Г. Конкретизация правовых норм (общетеоретические проблемы) // Правоведение. 1985. № 6. С. 32.

суальных форм может признать человека виновным в совершении преступления (ч.1 ст. 49 Конституции РФ). Между временем привлечения лица в качестве обвиняемого по уголовному делу и временем, когда обвинительный приговор вступит в законную силу, существует определенный разрыв. С момента вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, за исключением определенных случаев, к участию в уголовном деле допускается защитник. В ходе расследования компетентные органы в интересах нравственности, защиты прав человека прибегают к одной из мер пресечения как заключение под стражу, которое ограничивает правомочие на личную свободу. Однако такое ограничение не означает, что право на неприкосновенность личности перестало существовать для этого человека, так как его уже в таком качестве можно нарушить применительно и к обвиняемому и подозреваемому.

Для более глубокого и всестороннего раскрытия прав и свобод личности в классификационном ряду, для правильного определения их значения в жизни человека и государства имеет аспект взаимного переплетения, многообразия их связей. Подлинный классификационный признак раскрывается через систему единства прав и свобод личности и определяет формы взаимодействия содержания тех или иных прав и свобод. Поэтому основной методологической предпосылкой для установления классификации конституционных прав и свобод личности и является признание обязательности единого классификационного признака системы – единства и внутренней дифференциации. Однако вопрос относительно образования и состава той или иной группы основных прав и свобод личности с учетом выбранного классификационного критерия стоит не в плоскости спора их взаимной связи, а в социальном и юридическом их содержании, то есть в наличии соответствующей области общественных отношений, требующей соответствующего адекватного юридического отражения.

Поэтому спорными являются мнения тех авторов, которые взаимосвязь государства и личности в области защиты прав человека относят только к поли-

тико-юридическим отношениям или отношениям в сфере личной свободы человека. Объектами права на защиту выступают разнообразные блага, закрепленные в социальной, экономической, политической, культурной и личной жизни. Иными словами, конституционное право на правовую защиту взаимосвязано со всеми правами личности.

Развитие элементов конституционного права на правовую защиту на уровне текущего законодательства автоматически содействует выработке его конституционного содержания, и наоборот.

Определяющее значение возможностей, формирующихся в сфере защиты прав, обуславливает их особое место, которое они занимают в системе конституционных прав и свобод человека и гражданина. Группа таких прав по отношению к совокупности остальных прав личности обладает относительной самостоятельностью.

Во-первых, свобода человека и гражданина, находящая свое выражение в личной, политической, экономической, социальной, духовной сферах, действует в государстве в рамках презумпции правового характера, неотъемлемым элементом которой являются юридические механизмы, определяющие их позитивное действие. Группа прав, направленных на защиту иных прав и свобод человека, – одно из условий обеспечения единства государства и личности.

Во-вторых, такая группа прав очерчивает возможности человека, позволяющие восстанавливать и защищать свои права, обеспечивая тем самым самореализацию его интересов. Юридическое признание этой свободы во взаимоотношениях личности и государства дает объективные основания для самостоятельного выделения отношений в сфере защиты прав личности, которые детерминируют не только объем определенных прав человека и гражданина, но и систему гарантий относительно иных социально-правовых установок.

В-третьих, самостоятельность группы прав личности, направленных на защиту иных прав и свобод человека относительно личных, экономических, по-

литических, социальных и культурных возможностей, определяется также тем, что она содержит в себе специфические внутрисистемные связи между составляющими эту группу прав элементами. Так, компетентные государственные органы в целях защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, избывая виновных в совершении преступлений, наделены соответствующими властными полномочиями, применение которых может серьезно затрагивать права человека, поставленного в положение обвиняемого. Чтобы оградить от неправомерного ограничения личностную свободу данного человека обвиняемый наделяется реальным правом на защиту, которое должно соотноситься с указанными властными полномочиями, то есть совокупностью прав, предоставленных для защиты от обвинения. Другой пример, конституционное право человека на оказание ему квалифицированной юридической помощи регламентируется текущим законодательством, в частности, правом обвиняемого пользоваться помощью защитника, закрепленным в п. 8 ч. 4 ст. 47 УПК РФ; правами, предоставленных защитнику с момента допуска к участию в уголовном деле (ч. 1 ст. 53 УПК РФ), и другими, которые развивают содержание права человека на правовую защиту в сфере уголовного судопроизводства. Однако подобная постановка вопроса означает то, что права, предоставленные защитнику, находятся за пределами содержания права обвиняемого на защиту, поскольку один субъект (обвиняемый) не может реально осуществлять права другого. Между тем некоторые правоведы считают, что права защитника охватываются содержанием права обвиняемого на защиту¹. Разделяя их позицию, укажем, что в рамках отрасли уголовно-процессуального права субъективное право обвиняемого на защиту включает возможность не только иметь защитника, но и использовать для своей защиты права, которыми

¹ См. подробнее: Ульянова Л. Обеспечение обвиняемому права на защиту – конституционный принцип советского уголовного процесса // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 11 «Право». 1979. № 6. С. 58; Рудинский Ф.М. Личные права и свободы граждан СССР // Конституционный статус личности в СССР. М., 1980. С. 183.

он наделен. Вид и мера возможного поведения обвиняемого и его защитника характеризуют конституционное право обвиняемого на защиту, которое однозначно не формулируется в Конституции РФ. Эти и иные положения, в частности при предъявлении обвинения следователь обязан разъяснить обвиняемому его права (ст. 172 УПК РФ), образуют в отрасли уголовно-процессуального права самостоятельный комплекс взаимосвязанных положений, определяющих относительно самостоятельную совокупность отношений, связанных с защитой прав личности.

Такой подход к группе прав личности, направленных на защиту иных прав и свобод человека в системе конституционных прав и свобод, опосредующих различные сферы жизнедеятельности индивида, то есть сведение ее не к элементу какой-либо иной группы или к правовому явлению, находящемуся за пределами такой систематизации, а к ее самостоятельному виду, требует введения новой группы прав – правозащитные права личности. Такая необходимость обуславливается следующим: во-первых, в анализируемой систематизации прав и свобод личности возникает новое правовое явление, которое вызывает изменение соотношений между различными видами прав и свобод личности, причем не только в структуре их общей системы (личные, политические, экономические, социальные, культурные и правозащитные права и свободы человека), но и в содержательной стороне каждого из этих видов; во-вторых, такой подход обогащает юридическую характеристику прав, образующих правозащитную группу, поскольку дает возможность познать особенности их содержания через связи между иными конституционными правами и свободами личности.

Таким образом, постановка вопроса о выделении прав личности, связанных с защитой ее правового статуса, в самостоятельную группу предполагает следующее: правильный выбор правовых предписаний, в которых находит свое выражение группа правозащитных прав личности; отражение степени ее реали-

зации в объективной действительности и в механизме обеспечения осуществления иных прав и свобод человека и гражданина.

Юридической основой системы правозащитных возможностей человека является широкое субъективное конституционное право личности, содержание которого включает в себя ряд основных, акцессорных и конкретизирующих элементов (правомочий): право на судебную защиту, право обжаловать в суд решения и действия (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц, право на обращение в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека и гражданина, право на получение квалифицированной юридической помощи, право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти и их должностных лиц, право на индивидуальное и коллективное обращение в государственные органы или органы местного самоуправления с требованием о восстановлении права или законного интереса, нарушенного действиями юридических или физических лиц, право защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, право обвиняемого, осужденного на защиту; обеспечение потерпевшим доступ к правосудию, компенсацию причиненного ущерба и охрана их прав законом.

Разделение многоэлементного вида прав на самостоятельные субъективные составы позволяет совершенствовать их содержание, внутренние связи друг с другом и правовые последствия. Главный принцип построения структуры и содержания правозащитной группы – простота. Поэтому для правозащитной группы прав характерна относительная самостоятельность всех ее элементов, то есть отсутствие критерия совокупности правомочий и качества производных отношений.

Таким образом, право на правовую защиту определяет собой группу основных правозащитных прав личности, проявляя себя в ее системе в различных качествах: комплексное субъективное право и правовая основа системы.

Для совершенствования предложенной общей систематизации в юридической литературе предпринимаются попытки классифицировать основные права и обязанности как единое целое. Так, А.И. Лепешкин в одной из своих работ классифицирует их на группы: социально-экономические права советских граждан и их обязанности; политические права и демократические свободы советских граждан; равноправие граждан СССР и их общественный долг; личные права и свободы граждан, их обязанность по защите социалистического отечества¹. А.В. Мицкевич, не разделяя самостоятельно основные права и обязанности граждан, делит все права и обязанности на три группы: политические, социально-экономические и личные². Отсутствие критерия единства прав, свобод и обязанностей утрачивает правильное представление о мере той свободы, которая закреплена в них³, но единство прав и обязанностей не должно быть положено в основу их классификации.

Конечно, возможно говорить о единой классификации основных прав, свобод и обязанностей личности, не включая в ее структуру иные отраслевые обязанности человека. Это обусловлено, прежде всего, правовыми особенностями и формой закрепления конституционных обязанностей личности. Однако число конституционных обязанностей не настолько велико, что необходимость осветить их назначение и содержание путем подразделения является целесообразной. Кроме того, более правильно будет раскрывать юридическое содержание конституционных обязанностей через их соотношение с конституционны-

¹ Об этом подробнее см.: Лепешкин А.И. Правовое положение советских граждан. М., 1966. С. 21-55.

² См.: Мицкевич А.В. Субъекты советского права. М., 1962. С. 51.

³ Об этом подробнее см.: Воеводин Л.Д. Конституционные права и обязанности советских граждан. М., 1972. С. 237-238; Он же. Юридический статус личности в России: Учебное пособие. М., 1997. С.141-147.

ми правами и свободами в различных формах, а также посредством установок достижения их единства. Так, Л.Д. Воеводин совершенно точно определил, что единство прав и обязанностей достигается путем сочетания различных по содержанию прав и обязанностей; посредством согласования прав и свобод человека и гражданина с его обязанностями; нарушение прав и свобод, неисполнение человеком своих обязанностей влияют на все остальные конституционные права и свободы и т.д. Однако это не помешало ему тут же доказывать, что необходимо, чтобы единство прав, свобод и обязанностей не только декларировалось, предшествовало анализу прав, свобод и обязанностей, но и было положено в основу их классификации. Не вдаваясь в детали этой несколько двойственной позиции, важно понять, что права, свободы и обязанности составляют основы правового статуса личности в Российской Федерации и представляют собой самостоятельный внутренне единый конституционно-правовой институт, связи между составляющими элементами которого проходят по разным направлениям. Поэтому анализ конституционного права на правовую защиту позволяет полностью оценивать возможности, которые создаются конституционными формулировками, закрепляющими различные обязанности личности. Так, в ч.2 ст. 15 Конституции РФ в главе об основах конституционного строя зафиксирована обязанность соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы. Согласно ст. 17 (ч. 3) Конституции Российской Федерации осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. Этим требованием определяются границы использования гражданами своих прав, на что указано и в ст. 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации, устанавливающей возможность ограничения прав и свобод законодателем, в том числе для защиты прав и законных интересов других лиц¹. С мо-

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 16 января 1996 года № 1-П "По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 560 Гражданского Кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина А.Б. Наумова" // СЗ РФ. 1996. № 4. Ст. 408.

мента допуска к участию в уголовном деле защитник вправе собирать путем получения предметов, документов, опроса лиц с их согласия, другом порядке и представлять доказательства, необходимые для оказания юридической помощи (п. 2 ч. 1 ст. 53 УПК РФ), адвокат вправе собирать сведения, необходимые для оказания юридической помощи (п. 1 ч. 3 ст. 6 «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), в то же время адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами (п. 1 ч. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Таким образом, права в единстве с его обязанностями, вытекающими из полномочий адвоката, и дают действительно полное представление о существующем правомочии лица оказывать юридическую помощь доверителю. Кроме того, в составе правозащитных прав значение юридического факта, отвечающего материальному требованию, приобретает процессуальное обстоятельство незаконного возложения на лицо какой-либо обязанности. Поскольку вопросы о юридическом содержании обязанностей, об их сочетании с правами не входят в предмет исследования, отметим лишь, что правозащитные права личности приобретают более качественное юридическое отражение, правовой состав, действуя как непосредственно, но в то же время, в необходимых случаях раскрываясь через конституционные обязанности, предусмотренные Конституцией РФ, и соответствующие права и обязанности текущего законодательства.

Развитие правозащитных прав человека происходит как путем обогащения содержания существующих конституционных прав личности посредством юридических возможностей монопольно относящихся к определенному правовому явлению, так и путем дальнейшего расширения круга прав личности, отражающего общую тенденцию увеличения границ свободы личности в правовом государстве (отраслевое законодательство).

К сожалению, с технико-юридической точки зрения некоторые структурные особенности правозащитной группы прав, имеющих функциональное объединение, находят отражение в обобщающих терминах конституционных положений. Так, в ст. 33 Конституции РФ употреблен термин «обращение», одним из элементов которого является жалоба в компетентные государственные органы либо органы местного самоуправления с требованием о восстановлении права или законного интереса, нарушаемого решениями и действиями (или бездействием) органа или должностного лица, юридического или физического лица. Речь идет об одном из средств защиты прав, свобод и законных интересов человека, осуществляемой в административном порядке. Приведенная выше практика применения Европейской Конвенции как механизма защиты прав и как нормативного акта, составляющего часть российской правовой системы, судебный порядок обжалования в суд действий и решений, нарушающих права и свободы человека и гражданина, изменяют традиционные юридические трактовки права человека на жалобу. Рассмотрение данного права как вида обращений человека, обедняет его содержание, лишает системной определенности, которая свойственна ему тогда, когда оно рассматривается в качестве самостоятельного акцессорного элемента конституционного права на правовую защиту, поскольку возникают вопросы о соподчинении различных правозащитных положений, сомнения, имеют ли указанные обстоятельства одинаковое значение, исключает ли одно из них другое и т.д. Поэтому целесообразно, чтобы все структурные элементы конституционного права на правовую защиту были выделены в особые законодательные составы, что позволит совершенствовать их структуру, внесет стройность в законодательные акты и обеспечит удобство в пользовании нормативным материалом.

В законодательных актах нередко существуют близкие по смыслу и содержанию элементы, имеющие общее наименование, но употребляемые в разных значениях. Так, в ч. 1 ст. 23 Конституции РФ предусмотрено право челове-

ка на защиту своей чести и своего доброго имени. Однако, несмотря на тесную смысловую связь основного (номинативного) используемого в работе исходного значения категории «защита», в указанном конституционном положении оно приобретает новое значение, хотя и возникшее в результате сходства выполняемых им функций. Юридическая конструкция права человека на защиту своей чести и доброго имени определяется несколькими критериями. Честь и доброе имя находят свое непосредственное внешнее проявление в нравственных отношениях. Так, достоинство признается за человеком независимо от того, что он о себе думает, имеет ли всеобщее признание и уважение. Однако существуют и такие грани этих понятий, которые немыслимы без правовых отношений. Честь и доброе имя могут стать реальностью как в субъективном (самооценка), так и объективном (оценка окружающих) смыслах лишь при определенных социальных условиях существующих в государстве. Значение защиты в анализируемом контексте порождает определенные юридические отношения между личностью и государством, тем самым представляя собой в общем плане способ определения вида и меры их поведения. Поэтому при раскрытии сущности права человека на защиту своей чести и доброго имени необходимо говорить о нем как о конституционном праве, проявляющем себя в сферах индивидуальной свободы и жизни человека. Это право относится к числу личных прав и свобод человека и гражданина. Однако право на судебную защиту от посягательств или возможность реального их пресечения, направленные на эти или другие нематериальные блага, представляет собой закрепленное текущим законодательством правомочие права личности на судебную защиту и относится к группе правозащитных прав человека и гражданина. Его реализация предполагает гражданско-процессуальную, уголовно-процессуальную и иные формы защиты.

Изменившиеся условия политической, социальной и правовой систем государства, регламентация прав человека не только национальным, но и между-

народным правом вызвали к жизни и новые интерпретации внутригосударственных положений относительно концепций прав и свобод личности. В сохранении баланса между индивидуальной свободой отдельного человека и государством определенное место занимает защита прав человека. Качественный характер, юридическая форма закрепления конституционного права на правовую защиту проявляются как в строении системы классификаций основных прав и свобод личности, так и в вопросе адекватного истолкования некоторых конституционных положений о правах человека. Так, Б. Эбзеев и В. Радченко, рассматривая вопрос прямого действия Конституции и конкретизации ее норм, указали на ст. 18 Конституции, выделив одним из обстоятельств, раскрывающих ее сущность – правосудие в качестве главной гарантии прав и свобод человека и гражданина, обозначив при этом, что конституционные права и свободы подлежат судебной защите, как права и свободы, предусмотренные отраслевым законодательством¹.

Таким образом, система основных прав и свобод личности, в которой человек является высшей ценностью, целью социально-государственных преобразований, принимает следующее деление: личные, политические, экономические, социальные, культурные и правозащитные права и свободы человека и гражданина.

Правозащитная группа прав характеризуется двумя критериями правового управления.

Первый заключен в рамках юридической свободы, смысл которой ограждать человека от любого внешнего произвола, то есть обеспечить интересы личности как за счет свободы выбора человеком вариантов правомерного поведения при реализации им своих прав, так и путем обеспечивающей деятельности государственных институтов.

¹ См.: Эбзеев Б., Радченко В. Указ. соч. С. 7-8.

Второй представляется в том, что всю систему правозащитных прав человека можно рассматривать в качестве основных, акцессорных и производных элементов конституционного права человека на правовую защиту.

ГЛАВА 2.

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА НА ПРАВОВУЮ ЗАЩИТУ

2.1. Механизм реализации конституционного права на правовую защиту в системе гарантирования прав человека

Выяснив в целом, что представляет собой содержание конституционного права на правовую защиту, вполне естественно перейти к вопросу его реализации, в исследовании которого теоретические разработки имеют прямой выход на практику. Составной частью исследования реализации данного права является аспект, относящийся к гарантированию как самого права на правовую защиту, так и иных прав личности, поскольку оно выступает в роли их необходимой гарантии. Специфическая особенность права как гаранта подчеркивалась в приведенных положениях при рассмотрении юридического содержания принципа правовой защиты человека. Однако данное обстоятельство не вносит четкости и ясности к уяснению сути такой роли права, как для механизма его реализации, так и осуществления иных прав личности.

В юридической литературе, бесспорно, принимается положение о том, что под системой гарантирования прав понимается совокупность общих (социально-экономические, политические, идеологические) и юридических гарантий, обеспечивающая фактическую реализацию и охрану (защиту) прав и свобод человека и гражданина¹. Однако к уяснению понятия и сущности самих гарантий подход неоднозначен.

Ориентиром в определении той или иной группы гарантий, по мнению В.А. Патюлина, выступает правовая форма их закрепления, а именно «специ-

¹ См. об этом: Чечот Д.М. Указ. соч. С. 45; Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право Российской Федерации: Учебник. М., 1995. С.190-192; Конституционное право Российской Федерации. Екатеринбург, 1995. С. 155-157.

альные (юридические) гарантии – это правовые нормы»¹. Между тем анализ конституционных и иных норм свидетельствует о том, что общие гарантии имеют под собой нормативно-правовую основу. Так, ч. 1 ст. 13 Конституции РФ закрепляет, что в Российской Федерации признается идеологическое многообразие, ч. 1 ст. 8 Конституции определяет базовые экономические принципы, на которых существует Российская Федерация и т.д.

В предметном исследовании социального содержания и юридической формы гарантий, по мнению Н.А. Бобровой, необходимо различать два момента: 1) собственно содержание гарантий и 2) форму их объективации. Первый критерий «...позволяет подразделить гарантии на общие и специальные, исходя из их внутренних особенностей, характера их влияния на гарантируемый объект, независимо от юридической «прописки»; второй – на фактические и юридические, исходя из того, закреплены они в праве или нет»². С учетом этой относительности действительно можно согласиться с доводом Н.А. Бобровой о том, что «...не всякая общая гарантия является исключительно фактической (есть общие юридические гарантии), а с другой стороны, не всякая специальная гарантия является юридической (не все организационные гарантии предусмотрены в праве)»³. Между тем здесь есть трудности в формировании понятийного аппарата, который «...требует строго соблюдения законов логики в соотношении однопорядковых и разнорядковых понятий и других логических правил оперирования понятиями»⁴. Придание единого смысла различным терминам – общие и юридические, фактические и специальные гарантии – вызывает неоднозначные их трактовки как однопорядковых и разнорядковых категорий, поэтому может привести к смешению различных областей, в которых анализи-

¹ Цит. по: Боброва Н.А. Гарантии реализации государственно-правовых норм. Воронеж, 1984. С. 21.

² Боброва Н.А. Указ. соч. С. 23.

³ Там же.

⁴ Витрук Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М., 1979. С. 17.

руется объективное (социальное) в праве. Подобные неувязки можно наблюдать в исследованиях ученых относительно оценки характера взаимодействия общих и юридических гарантий в процессе реализации прав человека.

Поскольку, как уже отмечалось выше, социальные, экономические и иные факторы поддерживаются юридической формой их объективации в нормативных актах, то ряд авторов рассматривают совокупность норм, закрепляющих условия осуществления прав, как составную часть юридических гарантий, определяя общие условия в качестве средств обеспечения прав и обязанностей в процессе их реализации. Общие гарантии, по их утверждению, могут быть воплощены в практике общественных отношений в сфере осуществления гражданами своих прав и исполнения обязанностей прежде всего через правовой механизм реализации прав и обязанностей граждан. Однако в этом же контексте эти авторы утверждают, что для реализации права (или обязанности) гражданина, кроме юридических, нужны и другие гарантии (общие гарантии), зафиксированные в правовой норме, которые в данном случае выступают в роли определенного фактора, условия или обстоятельства как предпосылки осуществления гражданином своего конкретного права¹.

Общие гарантии, на которые делается акцент учеными в монографии «Конституционные права и обязанности советских граждан» относительно изложенной позиции, могут проявлять себя в качестве юридических средств, только при анализе аспекта «объективного в праве» в самом широком смысле этого положения². В этой плоскости экономический строй, культурное развитие и иные формы общественного бытия существуют в качестве объективного, то-

¹ См.: Конституционные права и обязанности советских граждан / Отв. ред. А.П. Таранов. Киев, 1985. С.159; См. также: Калашников С.В. Система конституционных гарантий обеспечения прав и свобод граждан в условиях формирования в России гражданского общества // Государство и право. 2002. № 10. С. 19.

² См. подробнее: Алексеев С.С. Объективное в праве // Правоведение. 1971. № 1 С. 111–118; Матузов Н.И. К делению права на объективное и субъективное // Правоведение. 1971. № 2. С. 103–111.

гда юридические нормы, образуя систему (право) и представляя собой субъективный фактор общественного развития, действительно будут являться средствами непосредственного обеспечения осуществления различных юридических предписаний. Однако право в рамках отношений человека, государства и иных субъектов рассматривается как самостоятельная объективная реальность, которой присущи свои свойства и признаки, одним из которых является нормативность. Законодательно закрепленные экономические, социальные и иные моменты определяют жизнеспособность права в качестве системы регулирования общественных отношений и выступают условиями для непосредственного действия именно юридических категорий, в частности, субъективных прав человека. Таким образом, состояния экономического и социального развития, политической и идеологической систем общества в механизме правового воздействия на разные группы прав личности выступают в роли определенных условий, обеспечивающих их осуществление.

Н.А. Боброва поэтому не совсем точна и в какой-то мере противоречит самой себе, когда, правда в более ранних своих исследованиях, она определяет, что «экономические, политические, идеологические условия становятся собственно гарантиями лишь через юридическую форму и организационные усилия государства и общества, с другой стороны, юридические гарантии немислимы вне своего социального наполнения: экономического, политического, идеологического, организационного»¹, сужая тем самым объективное содержание юридических гарантий путем исключения из их социальной основы выделенного ею фактического гарантирования.

Таким образом, по вопросу об общих гарантиях и правовой формы следует отметить относительную правомерность высказанного в юридической лите-

¹ См.: Боброва Н.С. Об организационно-правовых гарантиях статуса личности / В кн.: Правопорядок и правовой статус личности в развитом социалистическом обществе в свете Конституции СССР 1977 года. Саратов, 1980. С. 233.

ратуре положения о том, что юридические гарантии выступают по отношению к общим в качестве «юридической формы, не сливаясь, однако, с ними и не теряя своего специфического качества юридического средства реализации и охраны субъективных прав. В свою очередь, экономика, политика, идеология и организационная деятельность, рассматриваемые как гарантии субъективных прав, выступают по общему правилу вне непосредственной связи с юридической формой, хотя и могут быть в определенных случаях опосредованы правом»¹. Таким образом, общие и юридические гарантии, являясь категориями различного порядка, имеют общую точку взаимодействия – право как объективную реальность. Общие гарантии присущи праву как идея выражения сфер индивидуальной свободы человека, его политической активности, достойной жизни и развития, в которой изначально не исключается возможность правонарушения элемента. Их содержание приобретает правовые черты урегулированных правом отношений, как за счет юридических форм, так и в силу воздействия на право, которое не может быть выше экономических, политических, социальных и культурных процессов общества и развивается вместе с ними. Вместе с тем право как социальная и необходимая реальность таких процессов имеет возможность активно воздействовать на них, поэтому нормативная форма закрепления придает общим гарантиям качества стабильного функционирования и позитивного изменения. В итоге они проявляют себя как объективное (социальное) в содержании права. Однако в сфере права действуют закономерности только ему присущие, проистекающие из его особенностей, – юридические гарантии. В конечном счете, форма (правовая и не правовая) общих и содержание юридических гарантий имеют свои закономерности. Общие гарантии, становясь предметом правового регулирования, образуя частичное содержание права, влияют на развитие его юридических форм (юридических гарантий), то-

¹ Цит. по: Конституционные права и обязанности ... С. 157.

гда как последние, непосредственно действуя, обеспечивают действительность первых. Именно такая их тесная взаимосвязь положена в основу определения тех и других в качестве правовых гарантий.

В юридической литературе встречаются различные точки зрения относительно понятия и видов юридических гарантий. Придерживаясь позиции Н. В. Витрука, отметим, что под юридическими гарантиями понимаются «...средства, установленные нормами права для непосредственного обеспечения правильного осуществления и действительной охраны субъективных прав».¹ Среди юридических гарантий выделяют, «...во-первых, средства, обеспечивающие реализацию (осуществление) прав и, во-вторых, средства, обеспечивающие их охрану»², соответственно различают юридические гарантии реализации и юридические гарантии охраны прав человека. По поводу именно такого определения юридических гарантий следует отметить три позитивных момента.

Первое. Некоторые правоведы в качестве юридических гарантий рассматривают различные правовые нормы³. Однако за понятием «норма» могут стоять разные социально-правовые явления. «Изолированная норма права сама по себе не способна урегулировать должным образом необходимое жизненное отношение и достичь той цели и того эффекта, на которые рассчитывал законодатель. Она может это сделать лишь с помощью и посредством ряда других правовых рычагов и звеньев...»⁴ Поэтому категория «средства», характеризующая понятие «гарантия», предполагает подход к ним как к юридической категории, имеющей определенное назначение, – обеспечить реализацию и охрану прав человека.

¹ Витрук Н.В. О юридических средствах обеспечения реализации и охраны прав советских граждан // Правоведение. 1964. № 4. С. 30.

² Там же. С. 31.

³ См.: Конституционные права и обязанности... С. 153.

⁴ Матузов Н.И. Личность... С. 49.

Второе. В данном определении речь идет не о всех без исключения правовых средствах, установленных нормами права, а лишь о тех из них, в которых усматриваются возможности для реализации и охраны прав человека.

Третье. В юридической литературе проводится размежевание между терминами «обеспечение», который применяется в отношении понятий «реализация права» и «охрана (защита) права»,¹ что, следовательно, приводит к выводу о том, что необходимость в охране наступает тогда, когда возникает препятствие к реализации права, налицо спор о наличии самого права и др. Определение гарантий охраны в качестве средства обеспечения прав подчеркивает их социально-юридическую значимость для всех прав в процессе их осуществления.

В юридической литературе средства охраны прав трактуются пространно. Н.В. Витрук относит к ним меры надзорно-контрольного характера, юридические меры защиты управомоченного, меры ответственности обязанных лиц и органов, порядок использования этих мер для охраны субъективных прав граждан². Кроме того, к ним относят рассмотрение жалоб и заявлений, судебный порядок рассмотрения уголовных и гражданских дел с обеспечением прав обвиняемого и потерпевшего, истца и ответчика³, профилактическую деятельность, устранение причин и условий, способствующих нарушению прав⁴ и др. Перед данным исследованием не стоит задача определить, какая совокупность средств является гарантиями охраны прав. Применительно к нему необходимо подчеркнуть вопрос действия, функционирования гарантий охраны (защиты) в механизме реализации прав.

¹ См. подробнее: Боброва Н.А. О конституционных гарантиях основных прав, свобод и обязанностей граждан СССР // Советское государство и право. 1979. № 3. С. 3; Ростовщиков И. В. Обеспечение прав и свобод личности в СССР. Саратов, 1988. С. 62.

² См.: Витрук Н.В. Указ. соч. С. 35.

³ См.: Мицкевич А.В. О гарантиях прав и свобод советских граждан в общенародном социалистическом государстве // Советское государство и право. 1963. № 8. С. 28-29.

⁴ См.: Конституционный статус личности в СССР. М., 1980. С. 202.

Средства охраны (защиты) как цельная система (несколько гарантий) или каждое по отдельности равнозначно обеспечивают каждое субъективное право с единой целью – предоставить человеку как носителю прав и обязанностей возможность активно действовать, то есть отстаивать свои притязания на свободную самореализацию в обществе и государстве. В то время как средства реализации закрепляют пределы (границы) определенной возможности (права), конкретизируя и устанавливая порядок ее осуществления.

В части анализа системы юридических гарантий следует остановиться на действиях организационно-процессуального характера соответствующих учреждений, органов и должностных лиц. Одни авторы вообще не включают их ни в один из видов гарантий, то есть не рассматривают в одной плоскости с общими условиями и юридическими средствами обеспечения, определяя, что организационная деятельность служит универсальной предпосылкой действенности всей системы гарантий прав, однако ведут речь о них как о «гарантиях гарантий»¹; другие выделяют их в качестве самостоятельного вида гарантий субъективных прав – организационных, осуществление которых включает в себя издание нормативных правовых актов, актов применения права и т.д.²; третьи включают их в систему юридических гарантий, выражающихся в устойчивой, стабильной практике работы государственных органов, органов местного самоуправления, их должностных лиц, а также общественных объединений, которая в целом обеспечивает гражданам пользование правами и свободами, предотвращает их от возможных нарушений³.

В принципе любая позиция заслуживает внимания и дальнейшего изучения. Однако организационно-процессуальная деятельность соответствующих органов, организаций, учреждений, должностных лиц и других компетентных

¹ См.: Витрук Н.В. Основы теории правового положения личности ... С. 201-203.

² См.: Патюлин В.А. Субъективные права граждан: основные черты, стадии, гарантии реализации // Советское государство и право. 1971. № 6. С. 31-32.

³ Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. С. 232-233.

субъектов в качестве юридической или иной гарантии, обеспечивающей права и свободы человека и гражданина, в приведенных примерах, отождествляется с характеристиками правообеспечительной стороны всего механизма правового регулирования. При этом организационные гарантии выступают как одна из форм руководства обществом в процессе формирования правового государства, свободных экономических отношений, которая оказывает стабилизирующее влияние на различные сферы человеческой жизни, находит свое закрепление в юридических нормах и институтах и обеспечивает практическое функционирование и эффективность всего комплекса правовых средств и явлений. Такая деятельность, осуществляемая субъектами, обладающими правом законодательной инициативы, судебными, прокурорскими и иными юрисдикционными органами, выступает формой государственной политики, а не юридической формой обеспечения прав и свобод личности. Конечно, конечная цель правообеспечительного процесса абстрактно предполагает механизмы непосредственного гарантирования прав и свобод личности, однако их назначение при таких интерпретациях приобретает роль второстепенного элемента в обеспечении соответствующими органами демократизации общественной жизни и стабильности правопорядка в государстве. Свою основную нагрузку организационно-процессуальная деятельность соответствующих субъектов, как гарантия прав и свобод личности, должна выполнять как организационная деятельность компетентных органов по обеспечению прав личности на стадиях их реализации и защиты, давая процессуальную возможность человеку в той или иной форме принимать участие в разборе конкретных дел путем просьб, заявлений, жалоб, предложений, фактического использования прав и т.д. И именно такое ее состояние придает ей качество юридических форм (гарантий) реализации и защиты прав личности, выраженных, закрепленных в законодательстве.

Таким образом, юридические гарантии, связанные с организационно-процессуальной деятельностью органов властвования, выражаются в юридиче-

ских процедурах и правоприменительных актах (результатах деятельности), в рамках которых осуществляется реализация и защита прав человека.

Особенностью реализации конституционного права на правовую защиту является то, что, во-первых, оно сводится к юридическому средству охраны прав и свобод человека, во-вторых, процесс его реализации, который предполагает активные действия субъектов с целью восстановления нарушенного права, обеспечивает его защиту.

Таким образом, речь идет о двух этапах реализации данного права, оба из которых обеспечивают осуществление права человека. Связующим звеном между такими этапами выступает момент деликта, потребность в защите права, возникающая всякий раз, когда это право нарушено. До нарушения прав действует состояние правомерной их реализации, при котором конституционное право на защиту выступает не как закрепленная в Конституции абстрактная возможность¹, стадия правоспособности², а как действенная возможность, реализуемая в общих правоотношениях с той лишь особенностью, что она уже практически осуществима, речь идет о понятии «охраны» прав и свобод человека. И. В. Ростовщиков в своем исследовании разграничивает явления «обеспечение» и «охрана» прав личности, указывая, что среди юридических гарантий прав и свобод следует четко различать средства, которые обеспечивают их правомерную реализацию (гарантии использования прав), и средства их охраны (гарантии охраны прав), предпосылкой разграничения которых «...является различие понятий собственно обеспечения права и его охраны (защиты)»³. Однако обеспечение правомерной реализации любого субъективного права не возможно без его охраны, которая способствует своего рода «устойчивому равновесию» права, пользованию социальным благом, которое опосредуется правом.

¹ См.: Патюлин В.А. Указ. соч. С. 27-30.

² См.: Ямпольская Ц.А. О субъективных правах советских граждан и их гарантиях / В кн.: Вопросы советского государственного права. М., 1959. С. 161-163.

³ Ростовщиков И.В. Указ. соч. С. 60-63.

Поэтому охрана не может рассматриваться как временная стадия со специальными целями и задачами, возникающая при наличии соответствующих условий. Это постоянное средство обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

Кроме того, в структуре каждого субъективного права выделяют такие элементы, как возможность положительного поведения самого человека, возможность требовать исполнения и соблюдения юридической обязанности, продолжением которой выступает возможность притязания¹. Субъективное право человека существует при наличии всех его элементов (возможностей), в том числе и перечисленных. Вопрос о реальности тех возможностей, которые закреплены в структуре субъективного права, то есть о практической осуществимости права можно перевести на аспект их гарантирования. Тогда возможность положительного поведения человека будут обеспечивать юридические гарантии реализации данного права, а возможности требования и притязания соответствуют юридические средства охраны (защиты). Таким образом, реализация права на правовую защиту в стадии охраны прав фактически обеспечивает возможность добиться правомерного осуществления обязанности другим лицом по отношению к управомоченному и не связывается с возникновением деликта.

После нарушения права действует процесс реализации права на правовую защиту, рассматриваемый в диапазоне стадии защиты. Формулировка «процесс» используется для обозначения предела объективной связи между правом на правовую защиту и защищаемым правом. Другими словами, в данной стадии реализации, во-первых, праву на защиту присуща внутренняя определенная стадийность и правовой результат, во-вторых, в этом качестве оно не подменяет, не отодвигает в сторону защищаемое право, а действует параллельно с ним, обеспечивая восстановление его положительной реализации.

¹ См.: Матузов Н.И. Правовые отношения // Теория государства и права / Под. ред. Н. И. Матузова, А.В. Малько. С. 525; Алексеев С.С. Общая теория права. С. 118.

После принятия Конституции РФ 1993 года в развитии российского законодательства наблюдается активный процесс в создании целостного, динамичного механизма защиты прав человека, который находит свое закрепление в различных нормативно-правовых актах и определяет правовые средства фактической реализации стоящих за ним возможностей человека по защите своих прав. Его разработка и механизм действия, иначе говоря, порядок реализации, характеризуются несколькими особенностями.

Во-первых, это наличие юридической базы сосредоточения правовых норм, имеющих высшую юридическую силу, в едином основном законе и их возможность действия как непосредственно, без необходимости подкрепления нормами отраслевого законодательства, так и с учетом развития производного нормотворчества. Кроме того, конституционные нормы выступают основой, первичным элементом для становления институтов защиты прав различных отраслей права и подчеркивают связь внутреннего законодательства с нормами международного права.

Во-вторых, результаты, на которые он рассчитан, обусловлены отношением к ним законодателя и правоприменяющих субъектов. В этом случае, прежде всего, надо принимать во внимание, что реализация субъективных прав человека и осуществление правовой нормы – самостоятельные процессы, хотя и тесно связанные между собой. Человек, обладающий правом на правовую защиту, сам решает, как, в какой именно из предусмотренных правом форме, он может реализовать «процесс защиты» и надо ли его реализовывать вообще. Процедурно-правовой порядок, определенный нормами права, включающий в себя принятие компетентными органами актов применения, обеспечивает механизм реализации такого процесса. Применение правовой нормы, предшествуя этому процессу, сопряжено с организацией ее осуществления, то есть сущностной и содержательной определенностью целостного механизма защиты прав человека властными компетентными органами и лицами создающими, изме-

няющими и применяющими правовые нормы. Без этого законодатель может издать закон, предполагающий такой вариант регулирования, который не будет юридически регламентировать адекватное правовое средство защиты прав личности с учетом закономерностей развития общества. А субъект правоприменения будет оценивать все возможности правовых норм не с учетом целесообразности и эффективности их результата, а по своему усмотрению, особенно, когда нет прямой возможности заставить субъекта права применять норму.

Так, физическое лицо, предъявившее требование о возмещении имущественного вреда, при наличии оснований полагать, что данный вред причинен ему непосредственно преступлением, может быть признано гражданским истцом в уголовном процессе (ч. 1 ст. 44 УПК РФ). Наличие механизма действия норм Конституции РФ и международного права, в частности, государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 52 Конституции РФ), обеспечение лицам возможности получать компенсацию с помощью процедур, которые носили бы оперативный характер (п. 5 Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью 1985 г.¹), является одной из важных гарантий реализации отраслевых правовых норм. Таким образом, механизм действия нормы п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ, результатом которой является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления, должен быть им пропорционально поставлен и соответствовать выбору из возможных вариантов наиболее эффективного. В резолютивной части обвинительного приговора суда должно содержаться решение по предъявленному гражданскому иску. Однако ч. 2 ст. 309 УПК РФ определяет, что при необходимости произвести дополнительные расчеты, связанные с гражданским иском, требующие отложения судебного разбирательства, суд может признать за гражданским истцом право на

¹ См.: Международные акты о правах человека. Указ. сб. С. 165 (Доступ к правосудию и справедливое обращение).

удовлетворение гражданского иска и передать вопрос о размере возмещения гражданского иска для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства. При выборе варианта поведения механизмы действия конституционных и международных правозащитных норм должны иметь определяющее значение. Суд сам решает, какой вариант поведения действия норм ему применить. Поэтому их реализация, а значит и степень эффективности правозащитного процесса по этому вопросу, обусловлено отношением к нормам правоприменяющего субъекта, которое включает совокупность обстоятельств субъективного свойства. Приходится констатировать традиционный путь реализации данного предписания, а именно производство по иску в ходе гражданского судопроизводства. Данная ситуация является зеркальным отражением отношения правоприменительных органов к правам человека. Неоправданно длительные сроки возмещения имущественного и морального вреда (гражданский истец может предъявить гражданский иск и для имущественной компенсации морального вреда – ч. 1 ст. 44 УПК РФ) искажают конституционный смысл предписаний о гарантиях обеспечения эффективных средств правовой защиты, скорейшей компенсации вреда за нанесенный ущерб.

В-третьих, следует акцентировать внимание на содержательных и организационных средствах порядка его действия, автономность и внутренняя слаженность которых способствуют успешной реализации конституционного права на правовую защиту. Специфичность и особая действенность элементов конституционного права на правовую защиту состоит в их взаимообусловленности и соотносимости с его юридическими гарантиями. Другими словами, одно правомочие права на правовую защиту выступает гарантией для реализации другого. Они не могут существовать без взаимной связи, хотя и сохраняют в механизме правовой защиты человека относительную самостоятельность. Неэффективность действия одного из них компенсируется другим, что и придает процессу реализации конституционного права на правовую защиту качество

управляющей системы применительно как к отношениям защиты прав, так и к иным действиям личности по пользованию разнообразными благами. Вместе с тем право на защиту функционирует также на основе правосознания, политической, социально-экономической природы общественных отношений. Поэтому внутренним регулятором практической действенности всей системы охраны (защиты) права является совершенствование взаимодополнения, переплетения и взаимопроникновения всех ее элементов.

Вопросы, имеющие непосредственной целью восстановление нарушенных прав, устранение препятствий к их осуществлению и другие инструменты охраны (защиты) прав личности, довольно часто сводятся в юридической литературе к построению теоретических конструкций механизмов защиты каждого вида субъективных прав в процессе их реализации¹, к возможностям гарантий охраны и защиты². Доминирующая роль в рассмотрении этих положений отводится деятельности государственного аппарата и иных органов, осуществляющих действенную защиту прав человека.

Конечно, государство, признавая в Конституции правомочия права на правовую защиту, создавая механизмы защиты, реагируя на нарушения провозглашенных им прав, способствует тому, чтобы обеспечить личности реальные различные социальные ценности, удовлетворить интересы, которые стоят за ее правовыми возможностями, но было бы неверным считать, что все в рассматриваемом плане зависит от деятельности государственных органов. Условием действительности правового статуса человека являются его активные действия, связанные с закрепленными в Конституции правами, правовыми гарантиями,

¹ См. подробнее: Толкачев К.Б., Хабибулин А.Г. Личные конституционные права и свободы граждан СССР: система, характеристика, особенности реализации: Учебное пособие. Уфа, 1990. С. 42–52; Реализация прав граждан... С. 200, 206–207.

² См.: Воеводин Л.Д. Указ. соч. С. 249–266; Чечот Д.М. Указ. соч. С. 44–47; Конституция Российской Федерации и совершенствование механизмов... С. 5–15.

которые позволяют отстаивать свои притязания на свободную самореализацию в обществе и государстве.

Конституционное право на правовую защиту концентрирует в себе личные устремления человека. Вместе с тем человек, конечно, не может являться самодовлеющей единицей правозащитной деятельности. Поэтому механизм реализации субъективного права на правовую защиту зависит, во-первых, от действий самой личности, во-вторых, определяет требования к поведению компетентных органов и властных структур. Кроме того, вокруг этих требований объединяются различные правовые средства и социальные условия. Даже в случае самостоятельных активных действий каждого по защите своих прав всеми способами, не запрещенными законом, вариант поведения складывается из системы актов, устанавливающих пределы правомерного воздействия на нарушителя. Нормативная основа есть не что иное, как управленческое решение, которому соответствует организационно-правовой метод государственной власти, правотворческая, правоохранительная и иная деятельность соответствующих государственных органов. Следовательно, анализ реализации конституционного права на правовую защиту немыслим без учета закономерностей управленческой сферы в механизме его практического осуществления защиты. И самое существенное в этом процессе – определенные действия, которые должны совершать как государственные и иные органы, так и личность, чтобы реально осуществить субъективное право на правовую защиту. Таким образом, возможность свободного выбора средств реализации данного права и действительность защиты (охраны) образуют единый механизм, в структуру которого входят, как возможность активных действий человека по защите своих прав, так и система их обеспечения, характеризующаяся определенными действиями компетентных органов и лиц.

С точки зрения раскрытия того, что следует понимать под реализацией конституционного права на правовую защиту, необходимо напомнить, что дан-

ное право имеет два критерия реальности (материализации) его осуществления. Придерживаясь точки зрения, что реализация любого субъективного права, в том числе и конституционного, связана с наличием правоотношения, раскроем их смысл, реальное значение и требования.

В теории права принято понимать под реализацией субъективного права претворение его в жизнь, получение человеком благ, удовлетворение разнообразных интересов¹. Государство, закрепляя систему личных, социальных, экономических, политических, культурных, правозащитных прав призвано воплотить их в жизнь каждого человека, исключая декларативный смысл их восприятия. Критерий материализации данных субъективных прав оценивается с учетом реализации правовой возможности. Так, одной из возможностей практической материализации конституционного права на жилище будет выступать, во-первых, наличие у человека постоянного жилья, во-вторых, когда гражданин уже удовлетворил эту потребность, то позитивное пользование благом. Государство, всячески поддерживая и стимулируя процесс получения социального блага, обязано создавать условия, устраняющие негативные явления обеих случаев материализации. Признание прав и свобод непосредственно действующими, конституционное закрепление права на жилище, активное действие человека по пользованию благом определяют существование данного права в общих правоотношениях, а в результате применения норм отраслевого законодательства в отношениях, конкретизирующих первые. Реальностью тех и других являются действия человека, направленные на реализацию уже действительной или еще необходимой возможности. Поэтому в собственном смысле без действий лица материализация субъективного права в правовом отношении невозможна или случайна.

¹ См.: Завадская Л.Н. Механизм реализации права. М., 1992. С. 86; Копейчиков В. В. Реализация субъективных прав граждан // Советское государство и право. 1984. № 3. С. 13.

Процесс материализации конституционного права на правовую защиту достигает своего результата не только по горизонтали (второй этап реализации), то есть с практическим использованием человеком правовых средств, но и по вертикали при отказе лицом от своих действий в рамках общих правоотношений, в которых это право опосредуется обязанностью государства защищать права и свободы человека. Во втором случае право рассматривается как материализованное с момента закрепления. При этом политика государства должна быть направлена на удержание именно такого состояния материализации данного права. В первом случае материализацией реализации конституционного права выступает не получение какого-либо блага, а защита права, являющегося правовым основанием его получения. Достигнув своего результата этот этап «исчезает», хотя и имеет соответствующее проявление в каком-либо юридическом решении.

Итак, действия человека по применению средств защиты, связанных с нарушением субъективного права, характеризуют систему права и ее связь с требованиями его существования. Чтобы стать реальностью, правовая возможность защиты должна выразиться в активном поведении человека, использовании им допустимых системой актов вариантов, цель которых, по его представлению, полнее всего обеспечивает нужные ему результаты, такие, например, как возмещение ущерба, восстановление нарушенного субъективного права, устранение препятствия по его осуществлению и др. Определенную роль на этой стадии играет сознательно-волевая деятельность личности, ее отношение к законам и иным правовым актам, то есть готовность человека как-то действовать. Эффективность такого процесса в то же время в значительной степени зависит от разработанности форм, средств, правовых связей и процедур механизма осуществления права на правовую защиту. Компетентные органы в сфере защиты прав выступают не просто в качестве пассивных помощников личности достичь желаемого результат, но как активно действующие субъекты, которые

несут обязанности перед государством, обществом, лицами, в отношении кого они применяют право. Иногда, в определенных случаях, именно они выступают инициаторами реализации права личности на защиту. Так, уголовное преследование лиц по уголовным делам публичного обвинения от имени государства осуществляет прокурор, следователь, дознаватель, которые при обнаружении признаков преступления принимают предусмотренные уголовно-процессуальным кодексом меры, отвечающие назначению уголовного судопроизводства. Такой подход, напрямую не связанный с желаниями участников уголовного судопроизводства со стороны защиты, а в редких случаях даже со стороны обвинения, оправдан, так как стимулируется актуализированной потребностью формирования правового государства, институты которого призваны обеспечивать экономическую, политическую и социальную безопасность, служить человеку, защищать его права и законные интересы. В ГПК РФ отмечены следующие формы участия государственных органов при осуществлении гражданского судопроизводства¹: во-первых, законодательство о гражданском судопроизводстве предусматривает возможность защиты прав, свобод и законных интересов других лиц путем возбуждения гражданского дела органами государственной власти. В ст. 46 ГПК РФ закреплено: «В случаях, предусмотренных законом, органы государственной власти... вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц по их просьбе либо в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц. Заявление в защиту законных интересов недееспособного или несовершеннолетнего гражданина в этих случаях может быть подано независимо от просьбы заинтересованного лица или его законного представителя». Такие органы обращаются в суд от своего имени, но в защиту прав, свобод и законных интере-

¹ См. также: Горлачева М.И. Участие госорганов в гражданском и арбитражном процессе // Правосудие. 2002. № 1. С. 34–40; Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. Г.П. Ивлиев. М., 2003. С. 104–108.

сов других лиц в силу возложенных на них законом полномочий. Так, в соответствии с п. 4 ст. 40 Закона «О защите прав потребителей»¹ федеральный антимонопольный орган (его территориальные органы) вправе обращаться в суд в защиту прав потребителей в случаях обнаружения нарушений прав потребителей, предъявлять иски в суды в интересах неопределенного круга потребителей, в том числе о ликвидации изготовителя (исполнителя, продавца) или о прекращении деятельности индивидуального предпринимателя за неоднократное или грубое нарушение установленных законом или иным правовым актом прав потребителей. Во-вторых, в случаях, предусмотренных федеральным законом, органы государственной власти до принятия решения судом первой инстанции вступают в дело по своей инициативе или по инициативе лиц, участвующих в деле для дачи заключения по делу, в целях осуществления возложенных на них обязанностей и защиты прав и законных интересов других лиц (ч. 1 ст. 47 ГПК РФ). В этом случае указанные органы вступают в начатый процесс другим лицом. Вопрос об участии государственных органов по конкретным категориям гражданских дел обусловлен законом. В соответствии с п. 4 ст. 40 Закона «О защите прав потребителей» федеральный антимонопольный орган (его территориальные органы) может вступить в процесс по своей инициативе для дачи заключения по делу в целях защиты прав потребителей. Обязательное участие в деле государственных органов, органов местного самоуправления предусмотрено непосредственно как самим гражданским процессуальным кодексом, так и другими законами. Так, с обязательным участием представителя органа опеки и попечительства рассматривается заявление об огра-

¹ См.: Закон Российской Федерации "О защите прав потребителей" от 7 февраля 1992. № 2300-1, в ред. ФЗ от 9 января 1996 г., 17 декабря 1999 г., 30 декабря 2001 г., 22 августа, 2 ноября, 21 декабря 2004 г., 27 июля 2006 г., 16 октября, 25 ноября 2006 г., 25 октября 2007 г., 23 июля 2008 г., 3 июня и 23 ноября 2009 г.// СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140; 1999. № 51. Ст. 287; 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 2; 2004. № 35. Ст. 3607; 2004. № 45. Ст. 4377; 2004. № 52 (часть 1). Ст. 5275; 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3439; 2006. № 43. Ст. 4412; 2006. № 48. Ст. 4943; 2007. № 44. Ст. 5282; 2008. № 30 (ч. 2). Ст. 3616; 2009. № 23. Ст. 2776; 2009. № 48. Ст. 5711.

ничении дееспособности гражданина, о признании гражданина недееспособным, об ограничении или о лишении несовершеннолетнего в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет права самостоятельно распоряжаться своим заработком, стипендией или иными доходами (ст. 284 ГПК РФ), об усыновлении (ст. 273 ГПК РФ) и др. При вступлении в дело государственных органов представление заключения является не только правом указанных органов, но и их обязанностью. Кроме того, в случаях, предусмотренных законом, и в иных необходимых случаях суд по своей инициативе может привлечь к участию в деле орган государственной власти в целях осуществления возложенных на него обязанностей и защиты прав, свобод и законных интересов других лиц. Так, в силу п. 4 ст. 40 Закона «О защите прав потребителей» федеральный антимонопольный орган (его территориальные органы) может быть привлечен судом к участию в процессе для дачи заключения по делу в целях защиты прав потребителей.

Но это не значит, что происходит объективация воли личности в плане соотношения с государственной регуляцией ее поведения. На всем протяжении процесса такие его участники проявляют активную позицию, личностные усмотрения в которой в целом носят императивный характер. Так, например, требование уголовного преследования органически сочетает в себе различные гарантии по защите прав человека: в обеспечение права обвиняемого знать, в чем он обвиняется, закон возложил обязанность на следователя предъявить ему обвинение не позднее 3 суток со дня вынесения постановления в качестве обвиняемого. При этом следователь разъясняет обвиняемому существо предъявленного обвинения, а также его права, предусмотренные ст. 47 УПК РФ. Без этого обвиняемый не сможет эффективно воспользоваться правом возражать против обвинения, представлять доказательства, заявлять ходатайства и др.

Характерной особенностью стадии защиты конституционного права на правовую защиту выступает ее поэтапно-процедурный порядок, то есть

«...движение от одного этапа к другому, от достижения конкретного промежуточного правового результата к реализации следующего»¹, при этом характер и объем возможностей человека зависят от того, на каком этапе, стадии функционирования организации процесса проявляется его правовая активность. Поэтапное действие механизма защиты происходит по определенной нормативно заданной схеме, предусматривающей какие средства, на каком этапе и при каких условиях должны вступить в работу². Так, в соответствии с ст. 4 ФЗ «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» гражданин вправе обратиться с жалобой на действия (решения), нарушающие его права и свободы к вышестоящему в порядке подчиненности государственному органу или должностному лицу, который обязан рассмотреть жалобу в месячный срок. Если гражданину в удовлетворении жалобы отказано или он не получил ответа в течение месяца со дня ее подачи, он вправе обратиться с жалобой в соответствующий национальный суд. При этом определенное звено механизма защиты «...должно быть сформировано таким образом, чтобы оно не только реализовало свою внутреннюю цель, оправдывало свою сущность, но и создавало все условия (предпосылки) для наступления и осуществления следующего этапа»³. Так, Европейский Суд по правам человека может принимать дело к рассмотрению только после того, как заявитель прибегнул к доступным и действенным средствам правовой защиты, которые позволяют исправить и возместить допущенные нарушения его прав.⁴ Согласно ст. 35 Конвенции: «Суд может принимать дело к рассмотрению только после того, как

¹ Вавилин Е.В. Некоторые проблемы механизма защиты субъективных гражданских прав // Правоведение. 2002. № 3. С. 179.

² См.: Шундилов К.В. Механизм правового регулирования: Учебное пособие / Под. ред. А.В. Малько. Саратов, 2001. С. 45.

³ Вавилин Е.В. Указ. соч. С. 183.

⁴ См. также: Постановление по делу Vernillo v. France от 20 февраля 1991 г. Сер. А. № 198. § 27. С. 11–12; Постановление по делу Johnston and others v. Ireland от 18 декабря 1986 г. Сер. А. № 112. § 45. С. 22.

были исчерпаны все внутренние средства правовой защиты, как это предусмотрено общепризнанными нормами международного права...».

Человек не может отказать от самого права на правовую защиту, но может полностью или на любом этапе исключить из своей деятельности процесс защиты, если это не противоречит обязанности субъекта. Это субъективная сторона данного права. Она диспозитивна и носит вторичный характер от регулирующего действия его охраны – объективной стороны, обеспечивающей иные права на протяжении всей жизни человека.

Исходя из предложенного понимания сторон процесса реализации конституционного права на правовую защиту (субъективной и объективной), критерии их системного и правового совершенствования различны, хотя и связаны между собой отношениями последовательности и проницаемости. Повышение эффективности механизма охраны будет зависеть от формирования различных направлений государственной политики, создания определенных условий существования его граждан, общих закономерностей преобразований правовой надстройки, степени социализации членов общества, уровня их правовой культуры. Таким образом, концепция правовой защиты названного механизма находит свое проявление в иерархической структуре аспектов принципа демократического правового государства, государственной защиты, правовой категории и правовых возможностей человека, направленных на охрану прав и свобод личности.

Однако государство обязано не только создавать систему охраны прав и свобод, в которую были бы включены судебные, административные и иные органы, парламентская и президентская структуры, но совершенствовать и укреплять уже существующие, действенные юридические процедуры защиты прав и свобод человека и гражданина. Совершенствование механизма реализации конституционного права на правовую защиту, речь идет уже о субъективной стороне правозащитного процесса, зависит от эффективности функционирования

его правовых средств, правоприменительной деятельности соответствующих субъектов, оперативности и квалифицированности каждого сотрудника (должностного лица), действующего в правозащитном процессе, принятия ими соответствующих решений. Таким образом, процедурная упорядоченность правозащитного производства призвана обеспечить быстроту, эффективность и максимальную полноту реализации права на правовую защиту.

В юридическом составе рассматриваемого субъективного права процедурно-правовая сторона реализации обеспечивается системой правовых возможностей, которые организуются и проявляют себя в процессе его реализации как средства, с помощью которых заинтересованные лица осуществляют защиту своих прав. Вообще следовало бы различать: само субъективное право и его процедурно-правовую сторону, которая не сводится только к субъективному праву как возможному поведению человека. Она трансформирует в себе элементы механизма правового регулирования, находящиеся в распоряжении государства и используемые им для закрепления и охраны общественных отношений. Особую роль среди них играют правовые формы, в которых осуществляется защита нарушенных прав. Формы выступают юридическими гарантиями реализации субъективного права на правовую защиту, так как они есть выражение содержания им обусловленное. Процедурно-правовая сторона процесса реализации данного права предусматривает следующие правовые формы защиты прав человека: административную, судебную и межгосударственную. Каждая из них имеет особенности, в состав каждой входит большее или меньшее число субъективных прав, составляющих структуру конституционного права на правовую защиту, конкретизирующих его.

Закон устанавливает определенную последовательность (алгоритмичность) механизма реализации конституционного права на правовую защиту не только в правовых процедурах его осуществления, но даже на разных этапах в рамках одной правовой формы путем закрепления последовательности дейст-

вий носителя субъективного права и способов, которые применяются юрисдикционными органами для защиты нарушенных прав. Так, вопрос о стадиях реализации права на судебную защиту прав и свобод человека следует рассматривать, исходя из разбирательств дел судом первой, второй (кассационной) инстанций, надзорной проверки вышестоящим судом вынесенных приговоров и решений, а также апелляционного порядка рассмотрения дел. Право на жалобу гарантируется установлением определенного упорядоченного процедурно-правового процесса ее разрешения, основанного на инстанционности его этапов. Это значит, что жалобы должны подаваться в инстанции, вышестоящие по отношению к тем, действия которых обжалуются. Процедурный порядок любого этапа такой защиты прав также подразумевает под собой определенную последовательность в действиях лица и деятельности компетентных органов, иначе говоря, складывается из следующих стадий: инициатива лица непосредственно реализовать юридическую возможность подачи жалобы с требованием восстановить нарушенное право, процесс приема, проверки жалобы, вынесение акта применения компетентным органом и фактическое его исполнение. Работа не преследует цели рассмотрения действия судебных и иных процедур в механизме обеспечения прав граждан. В исследовании конституционного права на правовую защиту выделен его комплексный состав, который включает в себя основные, акцессорные и конкретизирующие элементы. Поэтому анализ права на правовую защиту ограничился пределами определения связей различных правовых средств в рамках рассмотрения вопроса о его содержании. Такой подход позволяет не только теоретически, но и практически объединить их в единый механизм реализации права на правовую защиту, определив их обеспечительную функцию при реализации человеком своих прав.

Выделение и использование в механизме реализации права на правовую защиту термина «форма» связано с наличием законодательно установленных юрисдикционных функций у соответствующих государственных и иных орга-

нов и их конструктивной ролью в процессе защиты прав. В вопросе их сущностной регламентации рассматривается не только реализация определенных прав человеком, но и особенности отношений между структурами государственного и международного механизма защиты прав при осуществлении компетентными государственными, иными органами и должностными лицами юрисдикционной деятельности. Помимо названной формулировки при анализе содержания и характера права на правовую защиту используется понятие «правовое средство». Значение правовой формы не в том, что она заслоняет или оттесняет действие правовых средств, а в том, что она определяет правовые установки, общие границы, характер отношений между государством, международной организацией и человеком, так как в самом составе таких прав предусмотрена функция защиты соответствующих органов.

С учетом вышеизложенного следует рассмотреть вопрос о характере права на правовую защиту (связь норм материального права и норм процессуального права). Так, по мнению О.О. Миронова и В.П. Парфенова, «данное право есть самостоятельное материальное право, а не процессуальная форма каких-либо иных прав»¹. В. Масленников право граждан на защиту относит к процессуальным конституционным правам². Некоторые авторы, выделяя в содержании анализируемого права материально-правовые и процессуальные возможности человека, определяют его материально-процессуальный характер³. Д.М. Чечот формы защиты субъективных прав – судебную, административную, арбитражную, нотариальную и общественную – рассматривает в качестве важных юридических гарантий прав⁴. Однако возникновение процесса, обеспечивающего защиту прав личности, не исключает того обстоятельства, что процедурные требования одновременно имеют как процессуальную, так и матери-

¹ Миронов О.О., Парфенов В.П. Указ. соч. С. 14.

² См.: Масленников В. А. Указ. соч. С. 109.

³ См.: Дюрягин И.Я. Гражданин и закон. М., 1989. С. 57.

⁴ См.: Чечот Д.М. Указ. соч. С. 51-53.

ально-правовую регламентацию. Так, нормативная трактовка права на справедливое судебное разбирательство, регламентируемое п. 1 ст. 6 Конвенции, закрепляет процессуальные гарантии каждого в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему уголовного обвинения. Однако, «по мнению Европейского Суда было бы немыслимо, чтобы статья 6 п.1 содержала подробное описание предоставляемых сторонам процессуальных гарантий в гражданских делах и не защищала бы в первую очередь того, что дает возможность практически пользоваться такими гарантиями – доступа к суду. Такие характеристики процесса, как справедливость, публичность, динамизм, лишаются смысла, если нет самого судебного разбирательства... Таким образом, Суд приходит к выводу, что... статья 6 п. 1 обеспечивает каждому человеку право на рассмотрение в суде любого спора, относящегося к его гражданским правам и обязанностям. Она признает «право на суд», где право доступа, понимаемое как возможность инициировать судебное производство по гражданским делам, составляет лишь один из аспектов. К этому следует добавить гарантии статьи 6 п. 1, относящиеся к организации и составу суда и к движению процесса. Короче говоря, все это в целом представляет собой право на справедливое разбирательство»¹.

Таким образом, относительно вопроса о характере конституционного права на правовую защиту отметим следующее. Данное право как комплексное правовое явления необходимо рассматривать в качестве субъективного материального права, реализация которого происходит в установленном законом порядке, с помощью процессуальных средств и форм. Иначе говоря, правовые возможности права на правовую защиту, с одной стороны, выступают как самостоятельные материальные права, с другой стороны, как процессуальные

¹ Голдер (Golder) против Соединенного Королевства / Европейский Суд... С. 44-45. П. 35, 36.

формы реализации и средства обеспечения процесса осуществления какого-либо правомочия рассматриваемого субъективного права. Процессуальные форма и средства вызываются к жизни необходимостью осуществления содержания права на правовую защиту, в единстве с которым они и направлены на достижение определенного материально-правового результата защиты прав и свобод человека и гражданина.

По вопросу об общих гарантиях прав и свобод личности следует отметить, что их группу образует совокупность экономических, политических, социальных и идеологических гарантий. По мнению Н.В. Витрука, «сами по себе они непосредственно не обеспечивают правомерности в реализации субъективных прав, восстановления и охраны нарушенных прав, законного и обоснованного использования прав в каждом конкретном случае...»¹. Если рассматривать эти гарантии прав и свобод в целом, то есть как единую совокупность явлений, действующих в социальной сфере и оказывающих воздействие на все права и свободы личности, то с таким высказыванием в общем можно согласиться. В данном случае общие гарантии, соответственно критериям их выделения, создают определенные условия и предпосылки для осуществления прав граждан, не обеспечивая их реализацию и охрану. Однако тогда нет необходимости для выделения такого вида гарантий, речь возможно вести о социальной сфере, общественных отношениях, экономической ситуации, политическом курсе государства и т.д.

Категория «общая гарантия» должна рассматриваться не как общая предпосылка реальности субъективных прав, а как величина «относительной проницаемости» в процессе реализации права. Причем критерий «относительной проницаемости» характеризуется тем, что, во-первых, не совокупность гарантий как таковая, а отдельные ее виды или определенные части их содержания

¹ Витрук Н.В. О юридических средствах обеспечения реализации и охраны прав советских граждан. С. 30.

становятся необходимыми гарантиями действительной реализации какого-либо права, во-вторых, он определяет эти гарантии как условия, обеспечивающие осуществление определенного права.

Положенные в основу определения общих и юридических гарантий понятия «условия» и «средства» предопределяют природу самих гарантий. Средства – это явления правовой действительности, которые воплощают регулятивную функцию права, в то время как условия, хотя и имеют правовое значение и выражаются в правовой форме, но обуславливают уровень внешней по отношению к праву действительности, именно в которой должен проявиться целевой момент средств. Однако и условия и средства в комплексе позволяют полностью обеспечить право в процессе реализации.

При таких характеристиках общая гарантия в целом или в части своего содержания проявляет себя в каждом праве человека и рассматривается в качестве условия его обеспечения в процессе реализации. Она выполняет свою гарантирующую функцию в процессе правового регулирования в неразрывной связи с юридическими гарантиями. Однако предпосылка такого единства кроется не в их юридическом оформлении, а в совокупности возможностей, создающих наиболее полную реализацию субъективного права.

Действия общих гарантий на механизм реализации права человека проявляются в двух качествах: позитивном и негативном¹. Причем только рассмотрение и тех и других в единстве позволяет, с одной стороны, определить в практическом плане реальность его функционирования, с другой стороны, выявить комплекс мер, необходимых для его развития и совершенствования.

Подводя итог, отметим следующее: 1) конституционное право на правовую защиту – субъективное материальное право; 2) процесс реализации конституционного права на правовую защиту определяется двумя этапами, связан-

¹ Об этом подробнее говорится в следующем разделе работы.

ными между собой отношениями последовательности – охрана прав и свобод человека и гражданина и защита в случаях их нарушения; 3) особенностью стадии защиты конституционного права выступает ее поэтапно-процедурный порядок; 4) процедурно-правовая сторона процесса реализации конституционного права на правовую защиту определяется правовыми формами защиты прав человека: административной, судебной, межгосударственной; 5) в механизме реализации конституционного права на правовую защиту одно правомочие права выступает гарантией для реализации другого; 6) механизм реализации конституционного права на правовую защиту зависит от действий человека и определяет требования к поведению компетентных органов и властных структур.

2.2. Проблемы реализации конституционного права на правовую защиту

Формирование правового государства и гражданского общества невозможно без активной позиции человека в отстаивании своих прав. Правовой нигилизм один – из факторов «торможения» дальнейшего развития гражданского общества и правового государства. Системы правовых актов, затрагивающие вопросы защиты прав и свобод человека и гражданина, нормативно усовершенствованные и действующие государственные структуры, позволяющие человеку незамедлительно и эффективно защищать свои права и интересы, не будут оправдывать свои возможности до тех пор, пока отношение человека к праву не будет рациональным и разумным. Большая часть населения страны слабо осведомлена даже о тех правах, свободах и способах их защиты, провозглашенных в Конституции Российской Федерации, основном законе государства. Граждане не знают, а некоторые и не хотят знать законодательно установленных правил, необходимых действий, направленных на защиту своих прав и свобод.

Реализуя свою конституционную возможность на подачу жалобы в органы, к непосредственному ведению которых относится разрешение затрагиваемые в ней вопросы, граждане злоупотребляют данным правом: поступают жалобы, содержащие избыточную информацию, не относящуюся к сути обращения, некоторые из них оскорбительного характера, другие основываются на фактах, ответственность за которых лежит на самом заявителе и т.д. Все это приводит к отпискам, равнодушию, когда создается видимость заботы о человеке государственными органами, к формальному отношению с их стороны, как к гражданину, так и к вопросу, с которым он обратился. Гражданин не всегда достаточно четко представляют себе, какой именно государственный орган уполномочен решить интересующий его вопрос. Человеку, который собирается обратиться с жалобой, необходимо знать, как правильно ее оформить, грамотно написать, какие сведения указать, каков порядок рассмотрения жалобы. Поэтому в практику организации работы с жалобами различными органами государственного аппарата в порядке правового просвещения должна войти организационная и правовая помощь в виде личных приемов граждан, телефонных звонков, встреч с населением.

В связи с ратификацией Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод особую актуальность приобретают вопросы правильного уяснения ее норм и положений субъектами правоприменительной деятельности, включение прецедентного права Совета Европы в правовую систему Российской Федерации и практика обращения лиц в Европейский Суд по правам человека. При разрешении этих вопросов представляется необходимым обратить внимание, по крайней мере, на следующие обстоятельства.

Во-первых, соблюдение и обеспечение прав и свобод, признаваемых в Конвенции, во многом зависит от деятельности государства, направленной на создание определенных экономических, социальных условий существования его граждан. Анализ коммуницированных властям Российской Федерации жа-

лоб показывает, что основаниями для наибольшего количества обращений в Европейский Суд (37 % от общего числа поступающих жалоб¹) являются действия российских органов власти в социальной сфере, в том числе невыплата или несвоевременная выплата пенсий, пособий, отказ в компенсации денежных вкладов и др.

Во-вторых, в правоприменительной деятельности компетентных органов не вошло в правило поведения учитывать и применять при разрешении дел прецедентное право, сформировавшееся в рамках Совета Европы, а также общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации. Хотя некоторые попытки к разработке такого механизма имеют место в практике Конституционного Суда РФ². «...Если национальные судебные органы принимают решения без учета прецедентного права, то государства рискуют оказаться в числе нарушителей Конвенции»³. Кроме того, такая практика способствовала бы единообразию в толковании и применении судами норм материального права и норм процессуального права.

В-третьих, практика обращений в Европейский Суд свидетельствует о том, что суд не может вести производство по существу индивидуальной жалобы, если не выполнены условия приемлемости жалобы, сформулированные в ст. 1, 34, 35 Конвенции. Необходимо сосредоточить внимание на правовом просвещении, ознакомлении российских граждан с европейскими нормативными

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. М., 2002. № 3. С. 4.

² См.: Постановление Конституционного Суда российской Федерации от 15 января 2002 г. № 1-П "По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 64 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и статьи 92 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А.М. Траспова" // СЗ РФ. 2002. № 6. Ст. 626. П. 4; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 июля 2001 г. "По делу о проверке конституционности положений подпункта 7 пункта 1 статьи 7, пункта 1 статьи 77 и пункта 1 статьи 81 Федерального закона «Об исполнительном производстве»...".

³ Кучин М.В. Прецедентное право Совета Европы и правовая система Российской Федерации: проблемы взаимодействия // Правоведение. 2001. № 1. С. 50.

положениями, поскольку данное обстоятельство обеспечивает непосредственную реализацию конституционного права человека на обращение в межгосударственные органы.

В теоретических исследованиях, так и законодательной сфере возникает необходимость в уяснении конституционной новеллы о том, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы» (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ). Ряд исследователей (И.П. Блищенко, Э.М. Аметистов) рассматривают международные принципы, нормы и договоры как один из видов источников национального права. Фактически такое же значение придается им и на уровне некоторой законодательной регламентации. Так, ч. 3 ст. 1 УПК РФ закрепляет, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство. Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ речь идет о месте в российской правовой системе.

Система законодательства и правовая система не тождественны. Правовая система по объему содержащихся в ней правовых явлений шире системы законодательства. Она включает в себя все юридические явления данного общества, существующие в одно и то же время и на одном и том же пространстве, связанных отношениями общности, которые и объединяют их в систему¹. Система законодательства, в частности уголовного процесса, будучи элементом правовой системы, как форма существования правовых норм в определенном нормативном акте, развивается в процессе систематизации его правового материала, образуя тем самым обособленный структурно-функциональный компонент уже иного порядка, правовые установления которого выполняют свое на-

¹ См.: Теория государства и права: Учебник. Екатеринбург, 1996. С.463.

значение в регулировании соответствующих общественных отношений. Нормативный фактор определяет и внутреннюю структуру системы законодательства, ее соотношение с Конституцией и другими правовыми актами, принимаемыми на всех уровнях системы власти, то есть отражает иерархию нормативно-правовых актов по их юридической силе. Из смысла текста ч. 3 ст. 1 УПК РФ следует, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации преобразуются во внутригосударственный закон, регулирующий уголовное судопроизводство, так как в соответствии с нормативным закреплением являются его составной частью. Формулировка Конституции РФ (ч. 4 ст. 15) в этом смысле представляется ощутимо иной, а именно «...эти принципы, нормы и договоры, не вторгаясь прямо во внутригосударственный нормативный комплекс, в российское законодательство, взаимодействуют с ним в правоотношениях, в правоприменительном процессе, в структуре правопорядка»¹. Иначе говоря, международные принципы, нормы и договоры Российской Федерации не являются источником российского права. Они, как и законодательство (нормативно-правовые акты) государства, являются самостоятельными составными элементами правовой системы. Эффективное осуществление и развитие внутригосударственного законодательства зависимо от согласованности его норм с международным правом.

Кроме того, вышеуказанные статьи Конституции РФ и уголовно-процессуального кодекса РФ закрепляют одинаковые по смыслу, но различные по объему регулирования положения о том, что правила международных договоров обладают приоритетом по отношению к противоречащим им правилам внутреннего закона. Из толкования этого правового установления в совокупности с ранее приведенной конституционной новеллой вытекает как особый самостоятельный характер существования международных принципов, норм, до-

¹ Международное право: Учебник для вузов / Отв. ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. С. 154.

говоров, так и критерий их действенности в сфере внутригосударственной юрисдикции. Это означает, что, в случае обнаружения противоречия между международным договором и законом, правоприменительные органы должны непосредственно применять нормы, содержащиеся в договоре. Между тем нормативное правило о приоритете международных соглашений в отношении любых законов исключает их непосредственное действие над положениями самой Конституции РФ, прямое действие которой предполагает не только применение ее статей, но и строгое соблюдение при разработке и принятии правовых актов на территории России.

В настоящее время правоохранительные органы, в особенности, суды и иные правоприменяющие субъекты при принятии решений руководствуются действующим законодательством, нормативными актами, не учитывая приоритета международных договоров, что приводит к созданию дополнительных препятствий для правомерной реализации человеком своих прав.

К сожалению, применять Конституцию РФ в качестве акта прямого действия еще не стало правилом в деятельности судов при осуществлении правосудия. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 31 октября 1995 года разъяснил некоторые вопросы, связанные с применением судами Конституции при разрешении дел. «...Судам при рассмотрении дел следует оценивать содержание закона или иного нормативного правового акта, регулирующего рассматриваемые судом правоотношения, и во всех необходимых случаях применять Конституцию Российской Федерации в качестве акта прямого действия»¹.

Важная роль в действующем государственном механизме защиты прав и свобод человека и гражданина отводится органам внутренних дел, в частности

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 года "О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия". С. 3.

при производстве предварительного следствия и дознания. Одними из причин нарушений законности являются профессиональные ошибки и упущения работников правоохранительных органов. В связи с этим необходимо предусмотреть проведение семинаров для работников правоохранительных органов, которые были бы посвящены вопросам законодательной регламентации и процессуальной эффективности их действий, необходимых для достижения целей уголовного судопроизводства.

Защита единого правового пространства в вопросе уголовно - процессуальных гарантий прав и свобод человека и гражданина зависит не только от большой работы в области законотворчества, регламентации порядка применения законов, но и от организационных и иных условий, возникающих в процессе правоосуществления. В их основе лежит материальная и моральная неудовлетворенность работников правоохранительных органов результатами своей работы: высокая степень рабочей нагрузки; низкая заработная плата; отсутствие возможности улучшения жилищных условий и др. Наряду с физической неуккомплектованностью, существует более серьезная проблема – качественный состав кадров, отсутствие профессиональных навыков и опыта работы у молодых специалистов. Так, средняя нагрузка расследованных следователями Следственного комитета при прокуратуре РФ уголовных дел в 2009 году уменьшилась и составила 2,4 уголовных дела на одного следователя ¹.

Необходимо отметить, что не все ситуации, возникающие в ходе непосредственного обеспечения прав и свобод человека, предусмотрены и подробно регламентированы уголовно-процессуальным правом. Так, положение закона о том, что адвокату предоставлено право собирать доказательства и в этом проявляется принцип состязательности, в реальности сведено к нулю, так как в за-

¹ См.: Материалы к расширенной коллегии Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации по итогам за 2009 г. С. 15.

конце нигде не закреплено, что кто-то обязан предоставлять адвокату эти доказательства.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ в части соблюдения прав и свобод граждан в большей степени соответствует Конституции РФ и общепризнанным принципам и нормам международного права. Он опирается на ведущие и закрепляет некоторые важнейшие общечеловеческие ценности, выработанные мировым сообществом, в частности, презумпция невиновности, судебная защита прав и свобод, уважение чести и достоинства личности и др. Приближаясь к мировым стандартам в области защиты прав человека и гражданина от незаконного и необоснованного обвинения, в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации содержатся лишь призрачные механизмы обеспечения безопасности законопослушных граждан, в частности, свидетелей, потерпевших, вовлеченных в уголовное судопроизводство, от угроз и реальных нападений со стороны обвиняемого и его окружения за добросовестное исполнение ими своих обязанностей¹. Без их поддержки деятельность правоохранительных и судебных органов по уголовному преследованию и назначению виновным справедливого наказания не достигает назначения уголовного судопроизводства. Принятые в УПК РФ положения о защите свидетеля (потерпевшего) не обеспечат должной их безопасности от криминальных действий преступных организаций. Проникновение организованной преступности во властные структуры, управленческие звенья министерств и ведомств позволяют ей решать целый комплекс криминальных проблем, одна из которых – приобретение «независимости» от действия уголовного закона при воспроизводстве преступной деятельности. Поэтому необходимо не только дополнять УПК РФ самостоятельными положениями по вопросам обеспечения безопасности свиде-

¹ См. подробнее: Брусницин Л.Б. О компетенции должностных лиц и иных субъектов при обеспечении безопасности граждан, содействующих уголовному правосудию // Государство и право. 2000. № 2. С. 44-48.

телей (потерпевших), но и выработать комплекс специальных общеорганизационных, законодательных мер защиты названных участников уголовного судопроизводства¹. Полно и всесторонне урегулировать этот вопрос принятием соответствующего федерального закона является половинчатым решением данной проблемы. Положительного эффекта она может получить только с учетом материального и денежного обеспечения на государственном уровне. Общую организацию при разработке комплексной программы безопасности свидетелей (потерпевших) следует базировать и на расстановке и приложении сил, обладающих профессионально-этическими качествами: глубокое знание закона, высокая профессиональная квалификация, умение хранить служебную тайну, уважение чести и достоинства другого человека, моральная устойчивость и другие общие морально-правовые и профессиональные качества.

Таким образом, в определенной корректировке нуждается и сам Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Неполнота существующего законодательства, его несовершенство приводят к частым и существенным нарушениям прав человека.

Однако следует отметить и позитивные явления в решении проблемы обеспечения прав и свобод человека, связанные с принятием новых законодательных актов.

Так, Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»² закрепил общие правила присуждения компенсации за нарушение прав на судопроизводство или на исполнение су-

¹ См. об этом подробнее: постановлением от 6 июня 2003 г. N 4144-III ГД «О проекте Федерального закона № 197371-3 "О государственной защите потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству"» Государственная Дума Федерального собрания РФ отклонила проект федерального закона "О государственной защите потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству" // Официальный сайт Государственной думы – www.duma.gov.ru

² См.: Рос. газ. – Федеральный выпуск № 5173 от 4 мая 2010 г.

дебного акта в разумные сроки. Обратиться с заявлением о присуждении компенсации может заинтересованное лицо, претерпевшее неблагоприятные последствия в связи с нарушением указанных прав. Оно подается в суд общей юрисдикции либо в арбитражный суд. Заявление может быть подано в следующие сроки: в течение 6 месяцев со дня, когда вступил в силу последний судебный акт, принятый по делу, по которому допущено нарушение; до окончания производства по делу, по которому допущено нарушение, если оно рассматривалось более 3 лет и подавалось обращение ускорить его рассмотрение. Компенсация присуждается в денежной форме. Размер компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок определяется судом, арбитражным судом исходя из требований заявителя, обстоятельств дела, по которому было допущено нарушение, продолжительности нарушения и значимости его последствий для заявителя, а также с учетом принципов разумности, справедливости и практики Европейского Суда по правам человека. Предусмотрены некоторые ограничения при предоставлении рассматриваемой выплаты. Например, присуждение компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок лишает заинтересованное лицо права на компенсацию морального вреда за указанные нарушения.

Ряд положений несоответствующих Конституции РФ был устранен с вступлением в силу Гражданского процессуального кодекса РФ и Уголовно-процессуального кодекса РФ. Укажем на одно из них¹. В соответствии с ч. 5 ст. 325 УПК РСФСР устанавливалось, что приговоры Верховного Суда РСФСР обжалованию в кассационном порядке не подлежат. Конституционный Суд РФ по жалобе гражданина В.В. Шаглия на нарушение его конституцион-

¹ См. также: П. 5. Ст. 148 УПК РФ (См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 апреля 1998 года № 13-П "По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 113 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Костомукшского городского суда Республики Карелия" // СЗ РФ. 1998. № 19. Ст. 2142.).

ных прав и свобод ч. 5 ст. 325 УПК РСФСР отметил: «Часть пятая статьи 325 УПК РСФСР, лишая гражданина права на обжалование вынесенного в отношении него приговора, вступает в противоречие ... со статьей 46 Конституции Российской Федерации, гарантирующей каждому судебную защиту его прав и свобод, в рамках осуществления которой возможно обжалование в суд решений и действий (или бездействия) любых государственных органов и должностных лиц. Закрепленное в этой конституционной норме положение служит важной гарантией защиты прав и свобод граждан от любых нарушающих их действий и решений, в том числе решений судебных органов, ибо правосудие... по самой своей сути может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах»¹. Кроме того, лишение лица такой возможности «...препятствует полной реализации тех положений Конституции Российской Федерации, которые предусматривают обязательность обеспечения прав и свобод человека и гражданина правосудием (статья 18), устанавливают гарантии охраны государством достоинства личности (статья 21), гарантируют право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (статья 45, часть 2)»². Аналогичные положения по вопросу о праве кассационного обжалования решений суда имели место и в ГПК РСФСР. В ч. 1 ст. 282 ГПК РСФСР говорилось: «Решения всех судов РСФСР, кроме решений Верховного Суда РСФСР, могут быть обжалованы в кассационном порядке сторонами и другими лицами, участвующими в деле». Новое законодательство вводит нормы, более полно обеспечивающие права лиц в отношении возможности подачи кассационных жалоб – ст. 336, 337 (п. 3 ч. 1) ГПК РФ, ст. 354, 355 (п. 3 ч. 3) УПК РФ.

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 июля 1998 года № 21-П "По делу о проверке конституционности части пятой статьи 325 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.В.Шаглая".

² Там же.

Действенность нового уголовно-процессуального и гражданского процессуального законов, посредством которых государство осуществляет правильное и своевременное разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений, защищает права и законные интересы лиц и организаций, потерпевших от преступлений, справедливо наказывая виновных за совершенные противоправные деяния, защищает личность от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, зависит от того, насколько их нормы согласуются с международными общечеловеческими стандартами в области защиты прав человека и гражданина, основанными на уважении чести и достоинства личности, приведены в соответствие с требованиями Конституции.

Конституцией РФ каждому гарантировано право на получение квалифицированной юридической помощи. Гарантируя право на получение именно квалифицированной юридической помощи, государство, во-первых, обеспечивает условия, способствующие подготовке квалифицированных юристов для оказания различных видов юридической помощи, и, во-вторых, устанавливает с этой целью определенные профессиональные и иные квалификационные требования и критерии: наличие юридического образования у лица, оказывающего юридическую помощь, достаточный опыт его работы (т.е. степень профессиональной подготовленности) и др.¹ Однако в уголовно-процессуальной сфере между кругом полномочий потерпевшего и обвиняемого и закрепленными в ст. 19 Конституции РФ и ст. 7 Всеобщей декларации прав человека положениями, согласно которым «все равны перед законом и судом», «все люди равны

¹ См. также: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 января 1997 года № 2-П "По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Б.В. Антипова, Р.Л. Гитиса и С.В. Абрамова" // СЗ РФ. 1997. № 7. Ст. 871.

перед законом и имеют право, без всякого различия, на равную защиту закона» есть несоответствия.

В п. 8 ч. 2 ст. 42 УПК РФ закреплено право потерпевшего на представителя, адвоката, который имеет те же процессуальные права, что и представляемое им лицо (ч. 1, 3 ст. 45 УПК РФ). Обвиняемый в соответствии с п. 8 ч. 4 ст. 47 УПК РФ вправе пользоваться помощью защитника, в том числе бесплатно, в случаях предусмотренных УПК РФ. Так, если в случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 51 УПК РФ – обязательное участие защитника в уголовном судопроизводстве – защитник не приглашен самим обвиняемым, другими лицами по поручению или с согласия обвиняемого, то дознаватель, следователь, прокурор или суд обеспечивают его участие. В ст. 50 УПК РФ – приглашение, назначение и замена защитника, оплата его труда – определено, что в случае, если адвокат участвует в производстве предварительного расследования или судебном разбирательстве по назначению дознавателя, следователя, прокурора или суда, расходы на оплату его труда компенсируются за счет средств федерального бюджета (ч. 5 ст. 50 УПК РФ). В ч. 2 ст. 45 УПК РФ говорится об обязательном участии законных представителей или адвокатов, осуществляющих защиту прав и законных интересов потерпевших, являющихся несовершеннолетними или по своему физическому или психическому состоянию лишенных возможности самостоятельно защищать свои права и законные интересы. Однако, в отличие от обвиняемых, даже в этом случае в УПК РФ нигде четко не зафиксировано право на бесплатную юридическую помощь этой категории потерпевших.

Уголовно-процессуальные правозащитные нормы, образующие структурный институт правовой защиты человека, действуют самостоятельно только в том случае, если они не опосредованы конституционными правами или опосредованы ими недостаточно и тем самым дополняют конституционный институт защиты прав и свобод человека и гражданина, не вызывая противоречий, воз-

никающих при осуществлении более общих и правозащитных конституционных норм. Для правозащитного института более общими нормами являются принципы формирования, функционирования и реализации конституционного статуса человека и гражданина, которые провозглашены Конституцией РФ. Среди них принципы: соответствия законодательства Российской Федерации требованиям международных стандартов по правам человека (ч.1 ст. 17), неотчуждаемости основных прав и свобод человека (ч. 2 ст. 17), непосредственного действия прав и свобод (ст. 18), равенство всех перед законом и судом (ст. 19), особый способ охраны прав, закрепленных как в Конституции РФ, так и в международных документах (ст.55). Особенность отраслевого правового статуса потерпевшего и обвиняемого заключается в том, что он находится в определенной связи с конституционным правозащитным статусом личности (основными и акцессорными элементами конституционного права на правовую защиту) за счет специфики содержания и формулирования прав данных субъектов в Конституции.

В основе конституционного права на правовую защиту находится принцип формально-юридического равенства, означающий отсутствие у любого человека каких-либо преимуществ перед другими людьми в сфере права, обеспечение каждому осуществления его прав и обязанностей на равных основаниях. Юридическая помощь обвиняемому, в отличие от потерпевшего, нашла свое непосредственное закрепление не только в конституционном и отраслевом законодательстве, но и в нормах международного права. Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года закрепил право каждого при рассмотрении любого предъявленного ему уголовного обвинения защищать себя лично или через посредство назначенного ему защитника (ч. 3 ст. 14). Это, однако, не означает, что государство должно создать для такого лица более благоприятные условия, обеспечивающие его правовую защиту, в частности, в виде закрепления права обвиняемого на бесплатную юридическую помощь.

Кроме того, право потерпевшего иметь представителя (адвоката) вытекает из соответствующих статей Конституции (права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом) и общепризнанных принципов и норм, закрепленных в международных документах. Так, Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года и Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью 1985 года¹ фиксируют более высокий уровень защиты прав лиц в случаях их нарушения и закрепляют такие положения, как обеспечить любому лицу эффективное средство правовой защиты гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав и свобод в случаях их нарушения; обеспечить применение компетентными властями средств правовой защиты, когда они предоставляются; развивать возможности судебной защиты; обеспечить лицам, которым был причинен вред или существенно ущемлены их основные права в результате действия или бездействия, нарушающего действующий уголовный закон, получать компенсацию с помощью официальных процедур, которые являлись бы справедливыми, недорогостоящими и доступными путем создания и укрепления судебных и административных механизмов.

С учетом изложенных конституционных и международных положений необходимо совершенствовать институт юридической помощи лиц и в гражданском процессе. «Закон больше не обязывает суд принимать все меры для всестороннего, полного и объективного выяснения действительных обстоятельств дела, прав и обязанностей сторон, поэтому участие в процессе квалифицированного юриста становится чрезвычайно важным»².

Правила процедуры Европейского Суда по правам человека (глава X)³ предусматривают право заявителя на бесплатную юридическую помощь, свя-

¹ См.: Международные акты о правах человека. Указ. сб. С. 165-167.

² Горлачева М.И. Указ. соч. С. 39.

³ См.: Правила процедуры Суда от 4 ноября 1998 года // Совет Европы и Россия. Информационный бюллетень. Екатеринбург, 1999. № 2. С. 8-22.

занную с ведением дела, с момента получения от государства-ответчика письменных объяснений по вопросу о приемлемости жалобы или с момента истечения срока их подачи. Освобождение от оплаты юридической помощи возможно только в тех случаях, когда Председатель Палаты убежден, что это необходимо для надлежащего ведения дела и заявитель не располагает достаточными средствами для полной или частичной оплаты соответствующих расходов. В случае если Суд при рассмотрении дела решит, что не имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, заявитель не должен возвращать суммы, предоставленные ему в виде юридической помощи.

На сегодняшний день социально-экономическая ситуация в Российской Федерации приводит к нарушению, ущемлению прав человека: невыплата, низкий уровень заработной платы и так далее. На сегодняшний день законодательно гарантированное право каждого на получение квалифицированной юридической помощи фактически не обеспечено, так как стоимость адвокатских услуг довольно высока, поэтому воспользоваться такой помощью может далеко не каждый человек. Таким образом, право каждого на получение квалифицированной юридической помощи в нынешних условиях остается провозглашенной программой развития на будущее, а не действенным средством правовой защиты.

Кроме того, в одном из своих решений Европейский Суд сделал вывод, что предстать перед компетентным органом лично не дает заявителю эффективного права доступа, а потому не представляет собой внутреннего средства защиты нарушенного права, использование которого требует ст. 35 Конвенции¹. Такой довод Суда строится на нескольких позициях. Во-первых, необходимо в каждом конкретном случае учитывать процедуру рассмотрения дел. Так, «в Ирландии решение о раздельном проживании супругов нельзя полу-

¹ См.: Эйри (Airey) против Ирландии / Европейский Суд... С. 275. П. 24.

чить в окружном суде, где процедура относительно проста, а только в Высоком Суде. Специалист в области семейного права Ирландии, г-н Алан Дж. Шаттер считает Высокий Суд наименее доступным в системе правосудия не только потому, что «плата за представительство в нем очень велика», но также и в силу того, что «процедура обращения с исками очень сложна, в частности с исками о раздельном проживании супругов»...»¹. Во-вторых, «...фактическое препятствие может нарушать Конвенцию точно так же, как и юридическое»² ... Более того, выполнение обязательств по Конвенции требует временами совершения со стороны государства определенных позитивных действий; в подобных обстоятельствах государство не может просто оставаться пассивным и «нет места различию между действием и упущением»³ ... Обязанность обеспечить эффективность права доступа к правосудию подпадает под категорию таких обязательств»⁴. И, в-третьих, суд считает, что то обстоятельство, что толкование Конвенции может затронуть и социально-экономическую сферу, действительность которой зависит от положения – особенно финансового – в государствах, о которых идет речь, не должно само по себе быть решающим аргументом против такого толкования. Жесткой границы между этой сферой и содержанием Конвенции не существует. Конвенция должна применяться с учетом сегодняшних условий, и она нацелена на реальную и практическую защиту человека в тех областях, где она действует⁵.

В осуществлении вышеперечисленных конституционных и международных принципов, прав и свобод человека в сфере уголовно-процессуального и гражданского процессуального производства в России нужны дополнительные усилия федеральных органов в области законотворчества. Ни УПК РФ, ни

¹ Там же. С. 274.

² См.: Голдер (Golder) против Соединенного Королевства / Европейский Суд... С. 277. П. 26.

³ См.: Маркс (Marckx) против Бельгии / Европейский Суд... С. 234-235. П. 31.

⁴ Эйри (Airey) против Ирландии / Европейский Суд... С. 275. П. 25.

⁵ См.: Эйри (Airey) против Ирландии / Европейский Суд... С. 277. П. 26.

вступивший в законную силу с 1 июля 2002 года Закон РФ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» не обеспечили всем гражданам и иным лицам формально предоставленной доступности к юридической помощи.

Осуществление уголовного и гражданского правосудия, при котором судебный орган создает необходимые условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения законодательства при рассмотрении и разрешении гражданских дел, исполнения сторонами обвинения и защиты их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав по уголовному делу, достаточно сложен для познания лицом, не имеющим соответствующего образования. Так, например, в соответствии со ст. 244 УПК РФ в судебном заседании стороны пользуются равными правами на заявление отводов и ходатайств, представление доказательств, участие в их исследовании, выступление в судебных прениях и др. Поэтому лицам, потерпевшим от преступлений для того, чтобы защитить свои права мало просто правовых знаний, для этого необходимо участие квалифицированного специалиста. Таким образом, право на эффективное восстановление в правах компетентным национальным судом, справедливый суд получает тот участник судопроизводства, которому обеспечено применение компетентными властями соответствующих средств правовой защиты, а именно обвиняемый (подсудимый), имеющий всегда реальную правовую возможность воспользоваться квалифицированной юридической помощью или который имеет возможность оплатить расходы с этим связанные.

Поскольку на сегодняшний день большинство физических лиц просто не имеют возможности реализовать свое право на квалифицированную юридическую помощь, так как не имеют средств на оплату услуг адвоката. Поэтому систематическое толкование, predetermined содержанием вышеизложенных положений по данному вопросу, свидетельствует о том, что законодатель в

современном процессе сводит обеспечительную функцию защиты прав потерпевшего, лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений и их процессуальных действий к наличию у данных участников уголовного и гражданского судопроизводства правовых познаний, направленных на реализацию предоставленных им полномочий, умению и навыкам составления процессуальных документов.

Таким образом, правовое воспитание и обучение, создавая условия для охраны прав и свобод личности, пользования ими, выступает эффективным инструментом (средством) процесса защиты прав человека.

С учетом вышеизложенного ставится вопрос об эффективности участия граждан в осуществлении правосудия. В соответствии с ч. 1, 2 ст. 8 Федерального Конституционного закона РФ «О судебной системе»: «1. Граждане Российской Федерации имеют право участвовать в осуществлении правосудия в порядке, предусмотренном федеральным законом. 2. Участие присяжных, народных и арбитражных заседателей в осуществлении правосудия является гражданским долгом».

Безусловно, институт участия граждан в осуществлении правосудия является одним из элементов правового государства, основанный на демократических и правовых устоях его существования. Но надо быть реалистами. У нас даже некоторые компетентные должностные лица не обладают тем уровнем правовых знаний, который необходим для того, чтобы гарантировать и осуществлять защиту прав человека.

Юридически и объективно убедительной в этом плане является возможность участия в осуществлении правосудия в арбитражных судах первой инстанции арбитражных заседателей. Федеральный закон от 30 мая 2001 г. «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Фе-

дерации»¹ (ч. 1 ст. 2) устанавливает определенные требования к их статусу: арбитражными заседателями могут быть граждане, достигшие 25 лет, с безупречной репутацией, имеющие высшее профессиональное образование и стаж работы в сфере экономической, финансовой, юридической, управленческой или предпринимательской деятельности не менее пяти лет и др.

Таким образом, одним из обязательных условий построения в России правового государства является наличие у человека и гражданина правосознания высокого уровня. В связи с этим необходимо создание системы непрерывного правового образования, просвещения и обучения в области права, в частности прав человека, всех слоев общества, политологов, психологов, военнослужащих, работников правоохранительных органов и других специалистов, выступающей гарантией правомерной и полной реализации этих прав. Необходимость распространения знаний о правах человека провозглашается и международными документами. Всемирная конференция по правам человека подтверждает, что в соответствии с международными договорами по правам человека государства обязаны обеспечивать, чтобы система образования была направлена на укрепление уважения к правам человека и основным свободам. Она акцентирует внимание на включение вопроса о правах человека в учебные программы и призывает государства осуществлять это на практике (Венская декларация и программа действий, 1993 г.)².

На развитие личности, формирование системы ее социально положительных качеств и внутренне детерминированной жизнедеятельности наибольшее влияние оказывают ранние социальные институты – система воспитания, обучения и образования. Поэтому уже в системе начального общего образования с целью ознакомления должна проводиться учебно-просветительская акция по

¹ См.: СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2288, с изм. и доп. от 25 июля 2002 г., 30 июня 2003 г. 9 февраля 2009 г., 29 июня 2009 г. // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3033; 2003. № 27 (ч. 1). Ст. 2700; 2009. № 7. Ст. 772; 2009. № 26. Ст. 3134.

² См.: Международные акты о правах человека. Указ. сб. С. 87.

правам человека, правозащитной тематике. В старших классах общеобразовательных учреждений изучение в области прав человека с анализом российского законодательства в сочетании с международным правом следует проводить в рамках самостоятельного предмета.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что формирование правового государства и гражданского общества диктует необходимость переоценки форм правового воспитания с учетом активной позиции человека в реализации и отстаивании своих прав и свобод. В России правовое просвещение в области прав человека находится в начальной стадии своего развития, что, конечно, подрывает укрепление российской государственности, признающей человека, его права и свободы высшей ценностью. Вместе с тем имеется значительный потенциал средств, способный поднять данный вид деятельности на качественно новый уровень¹.

В сфере государственной и общественно-политической жизни и деятельности нашли свое проявление политические гарантии. Они как условия для укрепления связей между гражданином и государством, обеспечивают политические права и свободы личности: право на свободу мысли, совести, религии; право на свободу информации; право на свободу политической деятельности. Принципы народовластия и демократичности правового государства, закрепленные в Конституции РФ, во многом зависят от состояния политических прав и свобод. Поэтому, в первую очередь, политические гарантии включают в себя всю политическую систему гражданского общества, под которой понимается «совокупность государственных органов, политических партий, иных компонентов политической организации, действующих в сфере политики в соответствии с правовыми и иными социальными нормами либо вопреки им»².

¹ См.: Новицкий М., Фиалова З. Мониторинг прав человека. Варшава, 2001. С. 56-84.

² Теория государства и права / Под ред. В.К. Бабаева. С. 123.

Государственная система осуществляется через участие гражданина в управлении государством. Создание надежного механизма обеспечения прав граждан в управлении делами государства выступает условием их реального участия в свободных выборах и единственным надежным средством формирования избираемых органов, усилия которых должны быть направлены на соблюдение и защиту прав граждан, формирование гражданского общества, подъем реальной экономики, оздоровление социальной сферы. Поэтому, если государственная структура способствует тому, чтобы каждый гражданин в большой степени участвовал в управлении государством, если удастся обеспечить такую действенную систему управления государством и приблизить ее к тому, чтобы представительство отдельного гражданина было максимальным в государственной системе, то это будет важнейшим условием государственной гарантированности прав и свобод человека и гражданина.

В социально-экономической сфере гарантии направлены на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В соответствии со ст. 25 Всеобщей декларации прав человека¹ и ст. 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах² целью социального государства является гарантирование права человека на такой жизненный уровень, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и членов его семьи, на обеспечение в случае безработицы, болезни, инвалидности, наступления старости и в ином случае утраты средств к существованию по независящим от него обстоятельствам.

Неблагоприятная экономическая ситуация, недоработка законодательной базы и федеральных социальных программ, обеспечивающих проведение действенной социальной политики, ведут к широкомасштабным нарушениям социально-экономических прав человека и гражданина, к социальной поляризации

¹ См.: Международные акты о правах человека. Указ. сб. С. 42-43.

² См.: Там же. С. 47.

общества, основанной на диспропорциях в материальном положении его членов. Особую проблему представляют нарушения прав человека, закрепленных в статьях Конституции РФ: право на труд, на вознаграждения за труд, а также право на защиту от безработицы (ст. 37), право каждого на охрану здоровья и бесплатную медицинскую помощь (ст. 41), право на жилище (ст. 40).

Законодательно искать выход из этой ситуации на уровне субъекта с целью создания и реализации действенных мер по восстановлению конституционных прав граждан на оплату их труда, на охрану здоровья и медицинскую помощь и иных социально-экономических прав граждан не решит эти проблемы эффективно и в целом. Вопросы трудового законодательства, здравоохранения, образования, культуры, физической культуры и спорта, защиты семьи, материнства, отцовства и детства, социальной защиты, включая социальное обеспечение являются предметом совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. Довольно спорно и трудно определить, что в этих сферах правомочна делать Российская Федерация, а что, ее субъект. Верховенство федерального законодательства над законодательством ее субъектов должно добиваться решения этих вопросов через единство действий федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации, кроме того, относительно совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов определены объемы конституционного контроля. Конституционный Суд Российской Федерации осуществляет проверку конституционности законов и иных нормативных актов субъектов Российской Федерации, изданных по вопросам, относящимся к совместному ведению органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации (п. 6 ч. 2 ст. 125 Конституции РФ). Акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу (ч. 6 ст. 125 Конституции РФ).

Приоритет незыблемости прав человека и обязанность государства защищать эти права с помощью согласованных внутригосударственных и международных правовых средств ведут к увеличению количества в различных отраслях права правовых актов и норм, что «...затрудняет установление их сбалансированного соотношения... Внутри отраслей наблюдаются как «вакуумы», когда отсутствует регуляция отдельных институтов, так и, напротив, чрезмерное дробление правовых актов и норм, регулирующих отдельные виды отношений»¹.

Назрела необходимость нормативного установления терминологического аппарата. На сегодняшний день нет четкого определения понятий «защита», «охрана», «гарантирование» и иных терминов, закрепленных в законодательстве. Одни определения, конечно, не дают исчерпывающей полноты в понимании процесса охраны (защиты) прав и свобод человека и гражданина, но в то же время эффективность и результативность законов зависит от того, насколько ясны правовые формулировки и единообразно их применение.

В российской правовой системе можно обнаружить некую нормативную условность совершенствования процесса охраны (защиты) прав и свобод человека и гражданина, не в смысле ненадежности, а в пределах неправильного использования на правотворческом уровне в изложении текста закона некоторых терминов, произвольно ограничивающих комплексный механизм обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Так, государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется (ч. 1 ст. 45 Конституции РФ); должность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации учреждается в соответствии с Конституцией РФ в целях обеспечения гарантий государственной защиты прав и свобод граждан и т.д. (ст. 1 ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федера-

¹ Концепция развития российского законодательства в целях обеспечения единого правового пространства в России. С. 23.

ции»). Однако институт Уполномоченного проявляет свой статус именно как самостоятельная гарантия в системе обеспечения государственной защиты прав и свобод человека и гражданина. Он, например, не может вмешиваться в судебную деятельность прямо и непосредственно, но может делать это опосредовано, обращаясь, например, к субъектам права законодательной инициативы. Уполномоченный выступает в качестве посредника и принимает все меры для разрешения жалоб, поиска взаимоприемлемого решения, то есть не подменяет, не поддерживает деятельность различных государственных органов, а совместно действует с ними в конструктивной оппозиции в области защиты прав человека.

В настоящее время правовая ситуация выдвигает перед научной общественностью, правотворческой и правоприменительной практикой проблемы и вопросы, связанные с теоретической разработкой и практической реализацией положений в вопросе защиты прав и свобод человека и гражданина. Необходимо более детально прокомментировать фундаментальные принципы правового статуса личности, разъяснить содержательные признаки различных правовых категорий, в частности, прав, свобод и обязанностей человека и гражданина и их основных видов, определить понятия правовой защиты и процедур ее действия и др.

При наличии факторов, обеспечивающих достойную жизнь, устойчивые и реальные политические явления, качество правосознания, стабильном функционировании экономических отношений по производству, распределению, обмену и потреблению материальных благ оптимальные системы государства (экономическая, политическая, культурная, социальная) выступают условиями, обеспечивающими механизм реализации права человека и гражданина на правовую защиту.

Заключение

По рассмотренным в настоящей монографии проблемам представляется уместным сделать следующие выводы:

1. Конституционное право человека и гражданина на правовую защиту есть самостоятельное субъективное материальное право, реализация которого происходит в установленном законом порядке, с помощью юридических механизмов и форм.

2. Конституционное право человека и гражданина на правовую защиту характеризуется через систему юридических механизмов его осуществления, неразрывно связанных с определенными экономическими, политическими, идеологическими условиями. Социальную сущность и общие параметры содержания конституционного права на защиту отражает принцип правового государства – правовая защита человека. Защита прав и свобод – это одна из юридических форм государственного управления, обеспечивающая реализацию указанного принципа. В основном элементе его юридического содержания явление «защиты» предусмотрено и сформулировано как единое императивное правило поведения (обязанность государства защищать права и свободы человека и гражданина), которое оказывает определенное регулирующее воздействие на все общественные отношения – обеспечение реализации системы прав и свобод личности. Государство обязано создавать соответствующие функциональные структуры, наделяя их определенными полномочиями в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина. Юридические механизмы защиты прав и свобод находятся в распоряжении как государства (используются им для позитивного воздействия и регулирования общественных отношений), так и человека.

3. Обязанность государства защищать права и свободы человека и гражданина, закрепленная в ст. 2 Конституции Российской Федерации, выступает для субъективного конституционного права на правовую защиту как опосре-

дующий (гарантирующий существование) и как непосредственный (в структуре общерегулятивных правоотношений) элемент его действительности. С одной стороны, рассматриваемое конституционное право является одной из форм осуществления обязанности государства защищать права и свободы человека и гражданина. Однако, несмотря на то, что оба эти явления характеризуются единым государственно-волевым содержанием, правами, обязанностями человека и государства, имеют формальную нормативную определенность, все это предполагает и наличие качественных их особенностей, определяющих самостоятельность данных явлений в правовой действительности. С другой стороны, реализация конституционного права осуществляется в общерегулятивных правоотношениях, в содержании которых присутствует обязанность государства защищать права и свободы человека и гражданина.

4. Конституционное право на правовую защиту концентрирует в себе личностные устремления человека. Содержание права на правовую защиту выражает относительную независимость правовых средств защиты в механизме государственного управления и зависимость их от воли и сознания человека. Такое право рассчитано как на активную поддержку со стороны государства, так и на активную позицию личности в отстаивании своих прав и законных интересов. Именно в таком контексте можно выделить два значения правовой реальности для трактовки права на правовую защиту.

5. Статья 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, фиксируя требования «права на эффективное средство правовой защиты в государственном органе», участвует в формировании действительного содержания конституционного права на правовую защиту. Правовые предписания, установленные практикой Европейского Суда по правам человека и регламентирующие право на эффективное средство правовой защиты, облекаются в четкие обязательства, законодательная и практическая реализация которых в Российской Федерации соответствует положениям, нашедшим закрепление в Конституции

РФ: каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод (ч. 1 ст. 46); решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд (ч. 2 ст. 46).

6. Содержание конституционного права человека и гражданина на правовую защиту проявляется в единстве всех составляющих его элементов: *основных* – право на судебную защиту; право на обжалование в суд решений и действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц; право на обращение в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все внутригосударственные средства правовой защиты; *дополнительных (акцессорных)* – право на получение квалифицированной юридической помощи; право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц; право человека самостоятельно защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом; право гражданина обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления; *конкретизирующих* – право обвиняемого, осужденного на защиту; обеспечение потерпевшим доступ к правосудию, компенсацию причиненного ущерба и охрана их прав законом.

7. В системе прав и свобод человека и гражданина как зафиксированных в Конституции Российской Федерации основных возможностей личности, опосредующих различные сферы ее свободы и жизнедеятельности, выделяется самостоятельная группа правозащитных прав человека и гражданина. Вопрос относительно ее образования и состава стоит не в плоскости спора взаимной связи с иными элементами классификационной системы, а в социальном и юридическом содержании категории *правозащитные права личности*, то есть в наличии соответствующей области общественных отношений, требующей опреде-

ленного адекватного юридического отражения. Группа правозащитных прав характеризуется двумя критериями правового управления. Первый заключается в рамки юридической свободы, смысл которой оградить человека от любого внешнего произвола, то есть обеспечить интересы личности как за счет свободы выбора человеком вариантов правомерного поведения при реализации им своих прав, так и путем обеспечивающей деятельности государственных институтов. Второй представляется в том, что всю систему правозащитных прав человека можно рассматривать в качестве основных, акцессорных и конкретизирующих элементов конституционного права человека и гражданина на правовую защиту.

8. Особенностью реализации конституционного права на правовую защиту является то, что, во-первых, оно сводится к юридическому средству охраны прав и свобод человека и гражданина, во-вторых, процесс его реализации, который предполагает активные действия субъектов с целью восстановления нарушенных прав, обеспечивает их защиту. Таким образом, речь идет о двух этапах реализации данного права, оба из которых обеспечивают осуществление прав и свобод человека и гражданина. Реализация права на правовую защиту в стадии охраны прав фактически обеспечивает возможность добиться правомерного осуществления обязанности другим лицом по отношению к управомоченному и не связывается с возникновением деликта.

9. Конституционное право на правовую защиту имеет две стороны – субъективную и объективную. Человек не может отказаться от самого права на правовую защиту, но может полностью или на любом этапе исключить из своей деятельности процесс защиты, если это не противоречит обязанности субъекта. Это субъективная сторона данного права. Она диспозитивна и носит вторичный характер от регулирующего действия его охраны – объективной стороны, обеспечивающей иные права на протяжении всей жизни человека. Повышение эффективности механизма охраны будет зависеть от формирования различных

направлений государственной политики, создания определенных условий существования человека и гражданина, общих закономерностей преобразований правовой надстройки, степени социализации членов общества, уровня их правовой культуры.

10. В механизме реализации конституционного права на правовую защиту следует различать само субъективное право и его процедурно-правовую сторону, которая не сводится только к субъективному праву как возможному поведению человека. Процедурно-правовая сторона трансформирует в себе элементы механизма правового регулирования, находящиеся в распоряжении государства и используемые им для регулирования и охраны общественных отношений. Особую роль среди них играют правовые формы, в которых осуществляется защита нарушенных прав: судебная, межгосударственная и административная.

11. Юридические нормы, регламентирующие рассматриваемое право и его элементы, образуют конституционный институт правовой защиты, который служит основой формирования родственных институтов в различных отраслях права.

Список используемых источников

Нормативные акты Российской Федерации

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) [Текст] // Российская газета, N237 (853), 25 декабря 1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. N 7-ФКЗ)

2. Трудовой кодекс РФ от 30 декабря 2001 г. N 197-ФЗ [Текст] // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч.1). Ст. 3, с изм. от 24, 25 июля 2002 г., 30 июня 2003 г., 27 апреля, 22 августа, 29 декабря 2004 г., 9 мая 2005 г., 30 июня, 18, 30 декабря 2006 г., 20 апреля, 21 июля, 1, 18 октября, 1 декабря 2007 г., 28 февраля, 22, 23 июля, 25, 30 декабря 2008 г., 7 мая, 17, 24 июля, 10, 25 ноября 2009 г., 27 июля 2010 г.

3. Уголовно-исполнительный кодекс РФ от 8 января 1997 г. N 1-ФЗ [Текст] // СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198, с изменениями от 8 января, 21, 24 июля 1998 г., 16 марта 1999 г., 9, 20 марта, 19 июня 2001 г., 11 июня, 8 декабря 2003 г., 29 июня, 22 августа, 4 ноября 2004 г., 1 февраля, 1 апреля, 9 мая 2005 г., 5, 9 января, 3 апреля, 2 мая, 30 декабря 2006 г., 6 июня, 19, 21, 24 июля, 2 октября, 1 декабря 2007 г., 3 апреля, 14, 23 июля, 8 ноября, 3, 22 декабря 2008 г., 14 февраля, 3 июня, 19 июля, 17, 27 декабря 2009 г., 21 февраля, 29 марта, 5 апреля, 1 июля 2010 г.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. N 195-ФЗ [Текст] // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч.1). Ст.1, с изменениями от 25 апреля, 25 июля, 30, 31 октября, 31 декабря 2002 г., 30 июня, 4 июля, 11 ноября, 8, 23 декабря 2003 г., 9 мая, 26, 28 июля, 20 августа, 25 октября, 28, 30 декабря 2004 г., 7, 21 марта, 22 апреля, 9 мая, 18 июня, 2, 21, 22 июля, 27 сентября, 5, 19, 26, 27, 31 декабря 2005 г., 5 января, 2 февраля, 3, 16 марта, 15, 29 апреля, 8 мая, 3 июня, 3, 18, 26, 27 июля, 16 октября, 3, 5 но-

ября, 4, 18, 29, 30 декабря 2006 г., 9 февраля, 29 марта, 9, 20 апреля, 7, 10 мая, 22 июня, 19, 24 июля, 2, 18 октября, 8, 27 ноября, 1, 6 декабря 2007 г., 3 марта, 29 апреля, 13, 16 мая, 14, 22 июля, 8 ноября, 3, 22, 25, 26, 30 декабря 2008 г., 9 февраля, 7 мая, 3, 28, 29 июня, 17, 19, 24 июля, 9, 23, 25, 28 ноября, 21, 27, 28 декабря 2009 г., 9 марта, 5, 30 апреля, 8, 19, 31 мая, 17 июня, 1, 5, 23, 26, 27, 30 июля 2010 г.

5. Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24 июля 2002 г. N 95-ФЗ [Текст] // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012, с изменениями от 28 июля, 2 ноября 2004 г., 31 марта, 27 декабря 2005 г., 2 октября 2007 г., 29 апреля, 11 июня, 22 июля, 3 декабря 2008 г., 28 июня, 19 июля 2009 г., 9 марта, 30 апреля, 27 июля 2010 г.

6. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. N 174 - ФЗ [Текст] // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч.1). Ст. 4921, с изменениями от 29 мая, 24, 25 июля, 31 октября 2002 г., 30 июня, 4, 7 июля, 8 декабря 2003 г., 22 апреля, 29 июня, 2, 28 декабря 2004 г., 1 июня 2005 г., 9 января, 3 марта, 3 июня, 3, 27 июля, 30 декабря 2006 г., 12, 26 апреля, 5, 6 июня, 24 июля, 2 октября, 27 ноября, 3, 6 декабря 2007 г., 4 марта, 11 июня, 2, 22, 25, 30 декабря 2008 г., 14 марта, 28 апреля, 29 июня, 18 июля, 30 октября, 3 ноября, 17, 27, 29 декабря 2009 г., 21 февраля, 9, 29 марта, 7, 22, 30 апреля, 5, 19 мая, 1, 22, 23, 27 июля 2010 г.; постановлением Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 N 18, определением Конституционного Суда РФ от 09.06.2004 N 223-О, постановлениями Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 N 13-П, от 11.05.2005 N 5-П, от 27.06.2005 N 7-П, от 16.05.2007 N 6-П, от 20.11.2007 N 13-П, от 16.07.2008 N 9-П.

7. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, утвержден ВС РСФСР 27.10.60 г. [Текст] // Ведомости ВС РСФСР. 1960. N 40. Ст. 592, в ред. Указов Президиума ВС РСФСР от 15.04.63, 10.09.63, 14.12.65, 24.08.66, 31.08.66, 16.09.66, 08.05.68, 21.01.69, 21.05.70, 28.05.71, 26.06.72, 30.11.72, 17.04.73.

11.07.74, 11.07.74, 15.07.74, 07.08.75, 03.02.77, 11.03.77, 30.12.77, 04.04.78, 07.05.80, 24.08.81, 08.08.83, 30.01.84, 24.01.85, 25.08.86, 20.10.87, 05.01.88, 08.04.89, 11.09.89, 11.12.89; Законов РСФСР от 21.03.91. 945-1, 05.12.91. 1982-1; Законов РФ от 18.03.92. 2540-1, от 23.05.92. 2825-1, от 29.05.92. 2869-1, от 12.06.92. 2988-1, от 02.07.92. 3181-1, от 03.07.92. 3200-1, от 24.11.92. 3996 - 1, от 24.12.92. 4217-1, от 18.02.93. 4510-1, от 31.03.93. 4717-1, от 29.04.93. 4901-1, от 29.04.93. 4902-1, от 23.06.93. 5227-1, от 01.07.93. 5304-1, от 16.07.93. 5451-1, от 27.08.93. 5668-1; Федеральных законов от 01.07.94. 10-ФЗ, от 15.08.94. 27 - ФЗ, от 07.03.95. 28-ФЗ, от 24.04.95. 61-ФЗ, от 28.04.95. 67-ФЗ, от 18.05.95. 79-ФЗ, от 19.07.95. 110-ФЗ, от 19.07.95. 111-ФЗ, от 17.12.95. 200-ФЗ, от 13.04.96. 30-ФЗ; от 30.07.1996 N 103-ФЗ, от 21.12.1996 N 160-ФЗ, от 31.12.1996 N 163-ФЗ, от 17.03.1997 N 51-ФЗ, от 15.11.1997 N 141-ФЗ, от 15.11.1997 N 142-ФЗ, от 17.12.1997 N 150-ФЗ, от 21.07.1998 N 117-ФЗ, от 04.01.1999 N 3-ФЗ, от 09.07.1999 N 158-ФЗ, от 10.04.2000 N 53-ФЗ, от 07.08.2000 N 119-ФЗ, от 09.03.2001 N 25-ФЗ, от 20.03.2001 N 26-ФЗ, от 19.06.2001 N 83-ФЗ, от 17.11.2001 N 144-ФЗ, от 29.12.2001 N 183-ФЗ, от 29.12.2001; с изм., внесенными Постановлениями Конституционного Суда РФ от 03.05.1995 N 4-П, от 13.11.1995 N 13-П, от 02.02.1996 N 4-П, от 13.06.1996 N 14-П, от 28.11.1996 N 19-П, от 16.03.1998 N 9-П, от 29.04.1998 N 13-П, от 02.07.1998 N 20-П, от 06.07.1998 N 21-П, Федеральным законом от 09.07.1998 N 95-ФЗ, Постановлениями Конституционного Суда РФ от 10.12.1998 N 27-П, от 15.01.1999 N 1-П, от 23.03.1999 N 5-П, от 20.04.1999 N 7-П, от 14.01.2000 N 1-П, определением Конституционного Суда РФ от 03.02.2000 N 9-О, Постановлением Конституционного Суда РФ от 14.02.2000 N 2-П, определением Конституционного Суда РФ от 17.02.2000 N 84-О, Постановлением Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 N 11-П, определениями Конституционного Суда РФ от 15.12.2000, от 06.12.2001 N 297-О, от 21.12.2001 N 298-О, Постановлением Конституционного Суда РФ от 14.03.2002 N 6-П, оп-

ределениями Конституционного Суда РФ от 09.04.2002 N 28-О, от 24.04.2002 N 114-О, Постановлениями Конституционного Суда РФ от 17.07.2002 N 13-П, от 26.11.2002 N 16-П).

8. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14 ноября 2002 г. N 138-ФЗ [Текст] // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532, с изменениями от 30 июня 2003 г., 7 июня, 28 июля, 2 ноября, 29 декабря 2004 г., 21 июля, 27 декабря 2005 г., 5 декабря 2006 г., 24 июля, 2, 18 октября, 4 декабря 2007 г., 11 июня, 14, 22 июля, 25 ноября 2008 г., 9 февраля, 5 апреля, 28 июня, 9 ноября 2009 г., 11 февраля, 9 марта, 30 апреля, 23, 27 июля 2010 г.

9. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР утв. ВС РСФСР 11.06.1964 [Текст] // Ведомости ВС РСФСР. 1964. N 24 Ст. 407, в ред. Указов Президиума ВС РСФСР от 18.12.1965, от 05.08.1966, от 12.02.1968, от 12.12.1973, от 18.12.1974, от 14.06.1977, от 01.08.1980, от 08.06.1981, от 11.09.1981, от 16.11.1981, от 12.01.1984, от 25.04.1984, от 24.01.1985, от 20.02.1985, от 01.04.1986, от 19.11.1986, от 24.02.1987, от 05.01.1988 N 8066 XI, от 29.01.1988 N 8256-XI, от 12.04.1989 N 11522-XI; Закона РСФСР от 21.03.1991 N 945-1, Законов РФ от 04.03.1992 N 2438-1, от 29.05.1992 N 2869-1, от 24.06.1992 N 3119-1, от 03.07.1992 N 3200-1, от 31.03.1993 N 4717-1, от 28.04.1993 N 4882-1, Федеральных законов от 28.04.1995 N 68-ФЗ, от 30.11.1995 N 189-ФЗ, от 31.12.1995 N 226-ФЗ, от 21.08.1996 N 124-ФЗ, от 26.11.1996 N 140-ФЗ, от 17.03.1997 N 50-ФЗ, от 16.11.1997 N 144-ФЗ, от 25.06.1998 N 90-ФЗ, от 04.01.1999 N 3-ФЗ, от 07.08.2000 N 120-ФЗ, от 24.07.2002 N 102-ФЗ, от 25.07.2002 N 112-ФЗ, от 14.11.2002 N 137-ФЗ, от 31.12.2002 N 187-ФЗ, с изм., внесенными Постановлением Конституционного Суда РФ от 16.03.1998 N 9-П, определением Конституционного Суда РФ от 04.06.1998 N 89-О, Постановлением Конституционного Суда РФ от 14.04.1999 N 6-П, определениями Конституционного Суда РФ от 23.06.2000,

от 08.02.2001 N 36-О, Постановлением Конституционного Суда РФ от 25.12.2001 N 17-П.

10. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 года № 1 - ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» [Текст] // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447, с изм. и доп. от 8 февраля, 15 декабря 2001 г., 7 июня 2004 г., 5 апреля 2005 г., 5 февраля 2007 г., 2 июня 2009 г.// СЗ РФ. 2001. № 7. Ст. 607; 2001. № 51. Ст. 4824; 2004. № 24. Ст. 2334; 2005. № 15. Ст. 1273; 2007. № 7. Ст. 829; 2009. № 23. Ст. 2754.

11. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [Текст] // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1, с изм. и доп. от 15 декабря 2001 г., 4 июля 2003 г., 5 апреля 2005 г., 9 ноября 2009 г., 27 декабря 2009 г.// СЗ РФ. 2001. № 51. Ст. 4825; 2003. № 27 (ч.1). Ст. 2698; 2005. № 15. Ст. 1274; 2009. № 45. Ст. 5265; 2009. № 52 (ч.1). Ст. 6402.

12. Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 г. № 1- ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» [Текст] // СЗ РФ. 1997. № 9. Ст. 1011., с изм. и доп. от 16 октября 2006 г., 10 июня 2008 г.// СЗ РФ. 2006. № 43. Ст. 4411; 2008. № 24. Ст. 2788.

13. Федеральный конституционный закон от 17 декабря 1997 г. № 2 - ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» с изм. и доп. от 31 декабря 1997 г., 19 июня 2004 г., 3 ноября 2004 г., 1 июня 2005 г., 30 января 2007 г., 2 марта 2007 г., 25 декабря 2008 г., 30 декабря 2008 г., 29 января 2010 г. [Текст] // СЗ РФ. 1997. № 51. Ст. 5712; 1998 г. № 1. Ст. 1; 2004.г. № 25. Ст. 2478; 2004 г. № 45. Ст. 4376; 2005 г. № 23. Ст. 2197; 2007 г. № 6. Ст. 680; 2007 г. № 10. Ст. 1147; 2008 г. № 52 (ч.1). Ст. 6206; 2009 г. № 1. Ст. 3; 2010 г. № 5. Ст. 458.

14. Федеральный закон от 21 июля 1997 года № 118 – ФЗ «О судебных приставах» [Текст] // СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3591, с изм. и доп. от 7 ноября

2000 г., 29 июня 2004 г., 22 августа 2004 г., 3 марта 2007 г., 22 и 23 июля 2008 г., 25 декабря 2008 г., 19 июля 2009 г., 25 ноября 2009 г. // СЗ РФ. 2000. № 46. Ст. 4537; 2004. № 27. Ст. 2711; 2004. № 35. Ст. 3607; 2007. № 10. Ст. 1156; 2008. № 30 (ч.1). ст. 3588; 2008. № 30 (ч.2). Ст. 3616; 2008. № 52 (ч.1). Ст. 6235; 2009. № 29. Ст. 3631; 2009. № 48. Ст. 5717.

15. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [Текст] // Российская газета, 18.02.1992. N 39, с изм. и доп. от 17 ноября 1995 г., от 10 февраля, 19 ноября 1999 г., 2 января, 27 декабря 2000 г., 29, 30 декабря 2001 г., 28 июня, 25 июля, 5 октября 2002 г., 30 июня 2003 г., 22 августа 2004 г., 15 июля 2005 г., 4 ноября 2005 г., 2 марта 2007 г., 5 июня 2007 г., 24 июля 2007 г., 25 декабря 2008 г., 17 июля 2009, 28 ноября 2009 г. // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472; 1999. № 7. Ст. 878; 1999. № 47. Ст. 5620; 2000. № 2. Ст. 140; 2001. № 1 (ч.1). Ст. 2; № 53 (ч.1). Ст. 5018, 5030; 2002. № 26. Ст. 2523; № 30. Ст. 3029; № 40. Ст. 3853; 2003. № 27 (ч.1). Ст. 2700; 2004. № 35. Ст. 3607; 2005. № 29. Ст. 2906; 2005. № 45. Ст. 4586; 2007. № 10. Ст. 1151; 2007. № 24. Ст. 2830; 2007. № 31. Ст. 4011; 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6235; 2009. № 29. Ст. 3608; 2009. № 48. Ст. 5753, с изм. внесенными Постановлениями Конституционного Суда РФ от 18 февраля 2000 г., 17 июля 2002 г., 18 июля 2003 г.// СЗ РФ. 2000. № 9. Ст. 1066; 2002. № 31. Ст. 3160; 2003. № 30. Ст. 3101.

16. Федеральный закон от 30 марта 1998 года № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» [Текст] // СЗ РФ. 1998. № 20. Ст. 2143.

17. Федеральный закон от 30 мая 2001 г. № 70-ФЗ «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации» [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 23. Ст. 2288, с изм. и доп. от 25 июля 2002 г., 30 июня 2003 г., 9 февраля 2009 г., 29 июня 2009 г.// СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3033; 2003. № 27 (ч. 1). Ст. 2700; 2009. № 7. Ст. 772; 2009. № 26. Ст. 3134.

18. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» [Текст] // СЗ РФ. 2002. № 22. Ст. 2031, с изм. и доп. от 11 ноября 2003 г., 2 ноября 2004 г., 3 января 2006 г., 18 июля 2006 г., 1 и 4 декабря 2007г., 1 октября 2008 г., 30 декабря 2008 г, 28 июня 2009 г.// СЗ РФ. 2003. № 46 (ч.2). Ст. 4447; 2004. № 45. Ст. 4377. 2006. № 2. Ст. 170; 2006. № 31 (1ч.). Ст. 3420; 2007. № 49. Ст. 6057; 2007. № 50. Ст. 6241; 2008. № 40. Ст. 4498; 2008. № 1. Ст. 9; 2009. № 26. Ст. 3125.

19. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [Текст] // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102, с изм. и доп. от 28 октября 2003 г., 22 августа и 20 декабря 2004 г., 24 июля и 3 декабря 2007 г., 23 июля 2008 г. //СЗ РФ. 2003. № 44. Ст. 4262; 2004. № 35. Ст. 3607; 2004. № 52 (часть 1). Ст. 5267; 2007. № 31. Ст. 4011; 2007. № 50. Ст. 6233; 2008. № 30 (ч.2). Ст. 3616.

20. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [Текст] // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3032, с изм. и доп. от 30 июня и 11 ноября 2003 г., 22 августа 2004 г., 2 ноября 2004 г., 18 и 18 июля, 29 декабря 2006 г., 1 и 4 декабря 2007 г., 6 мая и 23 июля 2008 г., 8 мая, 3 и 28 июня, 27 декабря 2009 г. // СЗ РФ. 2003. № 7 (ч.1). Ст. 2700; 2003. № 46 (ч.1). Ст. 4437; 2004. № 35. Ст. 3607; 2004. № 45. Ст. 4377; 2006. № 30. Ст. 3286; 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3420; 2007. № 1 (1 ч.). Ст. 21; 2007. № 49. Ст. 6071; 2007. № 50. Ст. 6241; 2008. № 19. Ст. 2094; 2008. № 30 (ч.2). Ст. 3616; 2009. № 19. Ст. 2283; 2009. № 23. Ст. 2760; 2009. № 26. Ст. 3125; 2009. № 52 (1 ч.). Ст. 6450.

21. Федеральный закон от 02.05.2006 N 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [Текст] // СЗ РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.

22. Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на

исполнение судебного акта в разумный срок» [Текст] // Рос. газ. – Федеральный выпуск № 5173 от 4 мая 2010 г.

23. Закон от 26 июня 1992 года № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» [Текст] // Ведомости РФ. 1992. № 30. Ст. 1792, с изм. и доп. от 14 апр. 1993 г. // Ведомости РФ. 1993. № 17. Ст. 606; 24 декабря 1993 г. // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. № 52. Ст. 5086; 21 июня 1995 г., 17 июля 1999 г., 20 июня 2000 г., 15 декабря 2001 г., 22 августа 2004 г., 5 апреля 2005 г., 2 марта, 24 июля 2007 г., 25 декабря 2008 г., 7 мая, 2 июня, 28 июня, 17 июля, 27 сентября, 9,9 и 28 ноября 2009 г. // СЗ РФ. 1995. № 26. Ст. 2399; 1999. № 29. Ст. 3690; 2000. № 26. Ст. 2736; 2001. № 51. Ст. 4834; 2004. № 35. Ст. 3607; 2005. № 15. Ст. 1278; 2007. № 10. Ст. 1151; 2007. № 31. Ст. 4011; 2008. № 52 (ч.1). Ст. 6229; 2009. № 19. Ст. 2273; 2009. № 23. Ст. 2755; 2009. № 26. Ст. 3124; 2009. № 29. Ст. 3594; 2009. № 39. Ст. 4533; 2009. № 45. Ст. 5264; 2009. № 45. Ст. 5266; 2009. № 48. Ст. 5746, с изм., внесенными Постановлением ВС РФ от 14.апреля 1993 г.// Рос. газ. 27.04.1993 г. N 80., Постановлением Конституционного Суда РФ от 31 января 2008 г.// СЗ РФ. 2008. N 6. Ст. 540.

24. Закон от 27 апреля 1993 года № 4866-1 «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» [Текст] // Ведомости РФ. 1993. № 19. Ст. 685., с изм. и доп. от 14 декабря 1995 г., 9 февраля 2009 г.// СЗ РФ. 1995. № 51. Ст. 4970; 2009. № 7. Ст. 772.

25. Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» от 7 февраля 1992 г. № 2300-1, в ред. ФЗ от 9 января 1996 г., 17 декабря 1999 г., 30 декабря 2001 г., 22 августа, 2 ноября, 21 декабря 2004 г., 27 июля 2006 г., 16 октября, 25 ноября 2006 г., 25 октября 2007 г., 23 июля 2008 г., 3 июня и 23 ноября 2009 г. [Текст] // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140; 1999. № 51. Ст. 6287; 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 2; 2004. № 35. Ст. 3607; 2004. № 45. Ст. 4377; 2004. № 52 (часть 1). Ст. 5275; 2006. № 31 (1 ч.) Ст. 3439; 2006. № 43. Ст. 4412; 2006. № 48.

Ст. 4943; 2007. № 44. Ст. 5282; 2008. № 30 (ч. 2). Ст. 3616; 2009. № 23. Ст. 2776; 2009. № 48. Ст. 5711.

26. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» [Текст] // Бюллетень ВС РФ. 2003. № 12. С. 3-8.

27. Указ Президента РФ от 06.11.2004 N 1417 «О Совете при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека» [Текст] // СЗ РФ. 2004. № 46 (ч. II). Ст. 4511, с изменениями от 10 февраля 2009 г. // СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 813.

28. Положение об Уполномоченном Российской Федерации при Европейском суде по правам человека, утв. Указом Президента РФ от 29 марта 1998 г. № 310, с изменениями от 22 декабря 1999 г. [Текст] // СЗ РФ. 1998. № 14. Ст. 1540; 1999. № 52. Ст. 6368.

29. Закон Свердловской области «Об Уполномоченном по правам человека Свердловской области», принят Областной Думой Законодательного Собрания Свердловской области 16.05.96. [Текст] // Обл. газ. 1996. 21 июня.

30. Закон Красноярского края от 21 октября 1997 года № 15-585 «Об Уполномоченном по правам человека в Красноярском крае» [Текст] // Становление и развитие института Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и ее субъектах: Сборник документов. – М., 2000. – С. 640 - 649.

31. Закон Санкт-Петербурга «Об Уполномоченном по правам человека в Санкт-Петербурге», принят законодательным Собранием Санкт-Петербурга 17 декабря 1997 года, в ред. Закона Санкт-Петербурга от 11 сентября 1998 г. № 195-38 [Текст] // Там же. – С. 661-668.

32. Закон Ханты-Мансийского автономного округа «Об Уполномоченном по правам человека в Ханты-Мансийском автономном округе»,

принят Думой Ханты-Мансийского автономного округа 30 июня 1999 г. [Текст] // Там же. – С. 682-693.

33. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 8 от 31 октября 1995 года «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» [Текст] // Бюллетень ВС РФ. 1996. № 1. С. 3-6.

34. Постановление Правительства РФ № 260 от 01 июня 2004 г. «О регламенте Правительства РФ и положении об Аппарате Правительства РФ» [Текст] // СЗ РФ. 2004. № 23. Ст. 2313, в ред. постановлений Правительства РФ от 27 мая 2006 г. № 322, от 7 июля 2006 г. № 418, от 31 июля 2007 г. № 492, от 28 марта 2008 г. № 221, от 19 мая 2008 г. № 376, от 26 ноября 2008 г. № 888, от 10 марта 2009 г. № 202, от 17 марта 2009 г. № 242, от 30 апреля 2009 г. № 389, от 2 сентября 2009 г. № 713, от 30 ноября 2009 г. № 967, 968, от 24 декабря 2009 г. № 1086, от 20 февраля 2010 г. № 72// СЗ РФ. 2006. № 23. Ст. 2514; СЗ РФ. 2006. № 29. Ст. 3251; СЗ РФ. 2007. № 32. Ст. 4150; СЗ РФ. 2008. № 14. Ст. 1413; СЗ РФ. 2008. № 21. Ст. 2459; СЗ РФ. 2008. № 49. Ст. 5833; СЗ РФ. 2009. № 11. Ст. 1302; СЗ РФ. 2009. № 12. Ст. 1443; СЗ РФ. 2009. № 19. Ст. 2346; СЗ РФ. 2009. № 36. Ст. 4358; СЗ РФ. 2009. № 49 (2 ч.). Ст. 5970; СЗ РФ. 2009. № 49 (2ч.) Ст. 5971; СЗ РФ. 2009. № 52 (2ч.). Ст. 6609; СЗ РФ. 2010. № 9. Ст. 964., с изм., внесенными Постановлением Конституционного Суда РФ от 29.11.2006 N 9-П, решением Верховного Суда РФ от 15.02.2007 N ГКПИ06 - 1355.

35. Постановление от 6 июня 2003 г. N 4144-III ГД «О проекте Федерального закона № 197371-3 «О государственной защите потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству»» [Текст] // Официальный сайт Государственной думы – www.duma.gov.ru

Международно-правовые документы

1. **Всеобщая декларация прав человека 1948 г.** [Текст] // Международные акты о правах человека: Сборник документов. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА·М, 1999. – С. 39-43.
2. **Международный пакт о гражданских и политических правах** [Текст] // Ведомости ВС СССР. 1976. № 17 (1831). Ст. 291.
3. **Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах** [Текст] // Международные акты о правах человека: Сборник документов. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА·М, 1999. – С. 44-52.
4. **Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах 1976 г.** [Текст] // Там же. – С. 69-72.
5. **Конвенция о защите прав человека и основных свобод и Протоколы к ней** [Текст] // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
6. **Европейский Суд по правам человека. Правила процедуры Суда** от 4 ноября 1998 г. [Текст] // Совет Европы и Россия. Информационный бюллетень. Екатеринбург, 1999. № 2. С. 8-22.
7. **Международная Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации** [Текст] // Международные акты о правах человека: Сборник документов. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА·М, 1999. – С. 138-148.
8. **Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания** [Текст] // Там же. – С. 226-237.
9. **Конвенция о правах ребенка** [Текст] // Там же. – С. 306-323.
10. **Декларация основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью** [Текст] // Там же. – С. 165-167.
11. **Свод принципов защиты всех лиц, подвергающихся задержанию или заключению в какой бы то ни было форме** [Текст] // Там же. – С. 208-216.

12. Основные принципы независимости судебных органов [Текст] // Там же. – С. 168-170.

13. Венская декларация и Программа действий 1993 г. [Текст] // Там же. – С. 80-95.

14. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека [Текст] // СЗ РФ. 1999. № 13. Ст. 1489.

15. Рекомендация № R (2000) 2 по пересмотру дел и возобновлению производства по делу на внутригосударственном уровне в связи с решениями Европейского суда по правам человека. Принята Комитетом Министров Совета Европы 19 января 2000 года на 694 заседании представителей Министров [Текст] // Журнал российского права. 2000. № 9. С. 61-64.

Судебные решения

1. Судебное решение по делу Голдер (Golder) против Соединенного Королевства – 21.02.75 [Текст] // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: в 2 т. Т.1 / Председатель редакционной коллегии – В.А. Туманов. – М.: Издательство НОРМА, 2000. – С. 39-80.

2. Судебное решение по делу Класс (Klass) и другие против Федеративной Республики Германии – 06.09.78. [Текст] // Там же. – С. 168-186.

3. Судебное решение по делу Кенинг (Konig) против Федеративной Республики Германии – 28.06.78. [Текст] // Там же. – С. 149-167.

4. Судебное решение по делу Маркс (Marckx) против Бельгии – 13.06.79. [Текст] // Там же. – С. 231-270.

5. Судебное решение по делу Эйри (Airey) против Ирландии – 09.10.79. [Текст] // Там же. – С. 271-287.

6. Судебное решение по делу Ле Конт (Le Compte), Ван Левен (Van Leuven) и Де Мейер (De Meyere) против Бельгии – 23.06.81. [Текст] // Там же. – С. 340-359.

7. Судебное решение по делу Экле (Eckle) против Федеративной Республики Германии – 15.07.82. [Текст] // Там же. – С. 385-394.

8. Судебное решение по делу Кэмпбелл (Campbell) и Фелл (Fell) против Соединенного Королевства – 28.06.84. [Текст] // Там же. – С. 438-469.

9. Судебное решение по делу Белилос (Belilos) против Швейцарии – 29.04.88. [Текст] // Там же. – С. 568-581.

10. Судебное решение по делу Серинг (Soering) против Соединенного Королевства – 07.07.89. [Текст] // Там же. – С. 637-658.

11. Судебное решение по делу Пауэлл (Powell) и Рейнер (Rayner) против Соединенного Королевства – 21.02.90. [Текст] // Там же. – С. 659-667.

12. Судебное решение по делу Касадо Кока (Casado Coca) против Испании – 24.02.94. [Текст] // Там же. – С. 832-854.

13. Судебное решение по делу Мюррей (Murray) против Соединенного Королевства – 28.10.94. [Текст] // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: в 2 т. Т.2 / Председатель редакционной коллегии – В.А. Туманов. – М.: Издательство НОРМА, 2000. – С. 32-53.

14. Судебное решение по делу Лопез Остра (Lopez Ostra) – 09.12.94. [Текст] // Там же. – С. 69-78.

15. Судебное решение по делу Акдивар (Akdivar) и другие против Турции – 16.09.96. [Текст] // Там же. – С. 216-247.

16. Судебное решение по делу Чахал (Chahal) против Соединенного Королевства – 15.11.96. [Текст] // Там же. – С. 260-297.

17. Судебное решение по делу Аксой (Aksoy) против Турции – 18.12.96. [Текст] // Там же. – С. 339-361.

18. **Судебное решение** по делу Кайя (Kaaya) против Турции – 19.02.98. [Текст] // Там же. – С. 475-495.
19. **Судебное решение** по делу Курт (Kurt) против Турции – 25.95.98. [Текст] // Там же. – С. 509-533.
20. **Судебное решение** от 22.06.99. по вопросу приемлемости жалобы № 47033/99 Тумилович против Российской Федерации [Текст] // Журнал российского права. 2000. № 9. С. 58-61.
21. **Решение** по делу Рингейзен против Австрии – 16.07.71. Серия А. Т. 13. [Текст] // www.echt.coe.int
22. **Решение** по делу Силвер и другие против Соединенного Королевства – 25.03.83. Серия А. Т. 61. [Текст] // Там же.
23. **Постановление** по делу Джонстон (Johnston) и другие против Ирландии – 18.12.86. Сер. А. Т. 112. [Текст] // Там же.
24. **Постановление** по делу Вернийо (Vernillo) против Франции – 20.02.91. Сер. Т. 198. [Текст] // Там же.
25. **Решение** Европейского Суда по правам человека от 25.11.99. по вопросу приемлемости жалобы № 44125/98. Сыркин против Российской Федерации [Текст] // Журнал российского права. 2001. № 1. С. 107-109.
26. **Решение по вопросу приемлемости жалобы № 52864/99.** Рябых против Российской Федерации – 21.02.02. [Текст] // Журнал российского права. 2003. № 5. С. 136-141.
27. **Постановление Суда** по существу дела и в отношении справедливой компенсации. 07.05.02. Жалоба № 59498/00. Бурдов (Burdor) против России [Текст] // Журнал российского права. 2002. № 11. С. 121-127.
28. **Окончательное решение** по вопросу приемлемости жалобы № 487557/99. Шестаков против Российской Федерации – 18.06.02. [Текст] // Журнал российского права. 2002. № 11. С. 127-135.

29. Решение по делу Andrasik and others – Slovakia –22.10.02. По вопросу о применении статьи 35 Конвенции / Вопрос об исчерпании внутригосударственных средств правовой защиты (Словакия) [Текст] // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2003. № 3. С. 39.

30. Case of Rakevich v. Russia (Requête / Application no. 58973/00) – 28 October 2003 [Текст] // www.echt.coe.int

31. Сообщение № 770/1997. Гридин против Российской Федерации / Mr. Dimitry L. Gridin (Represented by Mr. A. Manov of the Centre for Assistance to the International Protection) v. Russian Federation, Communication No. 770, U.N. Doc. CCPR/C/69/D/770/1997 (18 July 2000) [Текст] // www.umn.edu/humanrts/russian/index.html

32. Сообщение № 763/1997. Ланцова против Российской Федерации [Текст] / Доклады Комитета по правам человека / Генеральная Ассамблея: Офиц. Отчеты. Семьдесят четвёртая сессия // 74th sess. New York, 18 Mar. – 5 Apr. 2002: A/57/40. Vol. I. GAOR. 57th sess. Suppl. No. 40. – www.umn.edu/humanrts/russian/index.html

33. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 25 апреля 1995 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 54 Жилищного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л.Н. Ситаловой» [Текст] // СЗ РФ. 1995. № 18. Ст. 1708.

34. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 3 мая 1995 года № 4-П «По делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Аветяна» [Текст] // СЗ РФ. 1995. № 19. Ст. 1764.

35. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 января 1996 года № 1-П «По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 560 Гражданского Кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина А.Б. Наумова» [Текст] // СЗ РФ. 1996. № 4. Ст. 408.

36. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 октября 1996 года № 18-П «По делу о проверке конституционности статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина О.В. Сушкова» [Текст] // СЗ РФ. 1996. № 45. Ст. 5203.

37. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 января 1997 года № 2-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Б.В.Антипова, Р.Л.Гитиса и С.В.Абрамова» [Текст] // СЗ РФ. 1997. № 7. Ст. 871.

38. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 апреля 1998 года № 13-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 113 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Костомукшского городского суда Республики Карелия» [Текст] // СЗ РФ. 1998. № 19. Ст. 2142.

39. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 июля 1998 года № 21-П «По делу о проверке конституционности части пятой статьи 325 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.В.Шаглия» [Текст] // СЗ РФ. 1998. № 28. Ст. 3394.

40. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 мая 1999 года № 8-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 131 и части первой статьи 380 Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества «Сибирское агентство «Экспресс» и гражданина С.И. Тененева, а также жалобой фирмы «Y. & G. Reliable Services, Inc.»» [Текст] // СЗ РФ. 1999. № 21. Ст. 2669.

41. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 июля 2001 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 7 пункта 1 статьи 7, пункта 1 статьи 77 и пункта 1 статьи 81 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в связи с запросами Ар-

бигражного суда Воронежской области, Арбитражного Суда Саратовской области и жалобой открытого акционерного общества «Разрез «Изыхский»» [Текст] // СЗ РФ. 2001. № 32. Ст. 3412.

42. Постановление Конституционного Суда российской Федерации от 15 января 2002 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 64 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и статьи 92 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А.М. Траспова» [Текст] // СЗ РФ. 2002 г. № 6. Ст. 626.

43. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 апреля 2002 г. № 114-О «По жалобе граждан Вахонина Александра Ивановича и Смердова Сергея Дмитриевича на нарушение их конституционных прав частью третьей статьи 220.2 УПК РСФСР» [Текст] // СЗ РФ. 2002. № 29. Ст. 3006. П. 2.

44. Совет Европы на защите прав человека [Текст] // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. М. 2002. № 3. С. 1-6.

Специальная литература

1. Абдулаев М.И. Согласование внутригосударственного права с международным (теоретические аспекты) [Текст] // Правоведение. 1993. № 2. С. 45 - 53.

2. Абрамова А.И. Комментарий к Конституции Российской Федерации [Текст] – М.: Юрист, 2002. – 1005 с.

3. Административные суды: первый российский опыт [Текст] // Рос. газ. 2003 г. 13 февраля. С. 7.

4. **Азаров А., Ройтнер В., Хюфнер К.** Защита прав человека. Международные и российские механизмы [Текст] / Пер. с англ. Р. Синельникова; пер. с нем. Л. Шевнина. – М.: Московская школа прав человека, 2000. – 392 с.
5. **Алексеев С.С.** Объективное в праве [Текст] // Правоведение. 1971. № 1. С. 112-118.
6. **Алексеев С.С.** Общая теория права [Текст]: курс в 2 т. Т. 2. – М.: Юрид. лит., 1982. – 359 с.
7. **Алексеев С.С.** О сущности общенародного права [Текст] // Советское государство и право. 1963. № 4. С. 49-59.
8. **Алексеева Л.Б., Жуйков В.М., Лукашук И.И.** Международные нормы о правах человека и применение их судами Российской Федерации: Практическое пособие [Текст] – М.: Права человека, 1996. – 426 с.
9. **Баглай М.В.** Конституционное право Российской Федерации: Учебник для юридических вузов и факультетов [Текст] – М.: НОРМА, 1999. – 776 с.
10. **Баранцев Р.Г.** Системная структура классификации [Текст] / Классификация в современной науке: Сб. науч. тр. / Отв. ред. А. Н. Кочергин, С. С. Митрофанова. – Новосибирск: наука. Сиб. Отделение, 1989. – С. 73-77.
11. **Бахрах Д.Н.** Административное право России [Текст]: учебник для вузов. – М.: НОРМА, 2000. – 640 с.
12. **Бекназар-Юзбашев Т.Б.** Права человека и международное право [Текст] / Центр. ин-т непрерывного образования о-ва «Знание» России. – М.: Б. И., 1996. – 296 с.
13. **Белкин А.А.** К соотношению Конституции и государственно-правовых актов (производное нормотворчество) [Текст] // Правоведение. 1985. № 5. С. 3-10.
14. **Бельский К.С.** К вопросу о предмете административного права [Текст] // Государство и право. 1997. № 11. С.14-21.

- 15. Бирюков П.Н.** Роль международно-правовых норм в обеспечении «права на правовую защиту» [Текст] / Правоведение. 1992. № 2. С. 74-79.
- 16. Боброва Н.А.** Гарантии реализации государственно-правовых норм [Текст] – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1984. – 164 с.
- 17. Боброва Н.А.** О конституционных гарантиях основных прав, свобод и обязанностей граждан СССР [Текст] // Советское государство и право. 1979. № 3. С. 3-9.
- 18. Брусицин Л.Б.** О компетенции должностных лиц и иных субъектов при обеспечении безопасности граждан, содействующих уголовному правосудию [Текст] // Государство и право. 2000 г. № 2. С. 44-48.
- 19. Бюллетень Европейского Суда по правам человека** [Текст] // 2003 г. № 4. С. 1-4.
- 20. Бюргенталь Т.** Международные права человека: Краткий обзор [Текст] / Пер. с англ. Н.Н. Голиков. – Алматы: Ғылым, 1999. – 351 с.
- 21. Вавилин Е.В.** Некоторые проблемы механизма защиты субъективных гражданских прав [Текст] // Правоведение. 2002. № 3. С. 178-185.
- 22. Ведяхин В.М., Шубина Т.Б.** Защита права как правовая категория [Текст] // Правоведение. 1998. № 1. С. 67-79.
- 23. Васильев А.М.** Правовые категории: Методологические аспекты разработки системы категорий теории права [Текст] – М.: Юридическая литература, 1976. – 264 с.
- 24. Витрук Н.В.** Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе [Текст] – М.: Наука, 1979. – 229 с.
- 25. Витрук Н.В.** О юридических средствах обеспечения реализации и охраны прав советских граждан [Текст] // Правоведение. 1964. № 4. С. 29-38.
- 26. Воеводин Л.Д.** Конституционные права и обязанности советских граждан [Текст] – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 300 с.

27. Воеводин Л.Д. Теоретические вопросы правового положения личности [Текст] // Советское государство и право. 1963. № 2. С. 12-22.
28. Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России [Текст]: учеб. пособие – М.: Изд. МГУ, Изд. группа ИНФРА-М – НОРМА, 1997. – 302 с.
29. Вопросы международного права, международного частного права и сравнительного правоведения [Текст] / Ред. кол.: Г.Н. Чеботарев (гл. ред.) и др. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2003 – 207 с.
30. Выдрин И.В., Кокотов А.Н. Муниципальное право России [Текст]: учебник. – Екатеринбург, 1997. – 448 с.
31. Глушенко П.П., Кикоть В.Я. Теория и практика социально-правовой защиты конституционных прав, свобод и интересов граждан в Российской Федерации [Текст]: учебник. – М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2002. – 448 с.
32. Головина С.Ю. Понятийный аппарат трудового права [Текст]: Монография. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1997. – 180 с.
33. Горлачева М.И. Участие госорганов в гражданском и арбитражном процессе [Текст] // Правосудие. 2002. № 1. С. 34- 40.
34. Горшкова С.А. Европейские нормы по правам человека и усилия России по их соблюдению [Текст] // Журнал российского права. 2001. № 11. С. 65-74.
35. Гревцов Ю.И. Проблемы теории правового отношения [Текст] – Л.: ЛГУ, 1981. – 83 с.
36. Гулиев, В.Е., Рудинский Ф.М. Демократия и достоинство личности [Текст] – М.: Наука, 1983. – 167 с..
37. Даниленко Г.М. Международная защита прав человека: Вводный курс [Текст]: учеб. пособие. – М.: Юрист, 2000. – 255 с.
38. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2000 году [Текст] – М.: Юридическая литература, 2001. – 351 с.

39. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2001 году [Текст] – М.: Юридическая литература, 2002. – 414 с.

40. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации О.О. Миронова в 2002 году [Текст] // Рос. газ. 2003 г. 25 июля. С. 11; 30 июля. С.11.

41. Достоинство человека: от философско-правовой идеи к конституционному принципу современного государства [Текст]: Материалы межрегионального научно-практического семинара / Под ред. В.В. Невинского. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – 240 с.

42. Дюрягин И. Я. Гражданин и закон [Текст] – М.: Юридическая литература, 1989. – 382 с.

43. Европейский Суд по правам человека. Избранные решения [Текст]: в 2 т. Т.1 / Председатель редакционной коллегии – В.А. Туманов. – М.: Издательство НОРМА, 2000. – 856 с.

44. Европейский Суд по правам человека. Избранные решения [Текст]: в 2 т. Т.2 / Председатель редакционной коллегии – В.А. Туманов. – М.: Издательство НОРМА, 2000. – 808 с.

45. Европейский суд по правам человека: индивидуальные жалобы [Текст] / Сост. Г.В. Игнатенко, Л.А. Лазутин. – Екатеринбург, 2002. – 64 с.

46. Европейский суд по правам человека: правила обращения и судопроизводства [Текст]: сб. ст. и док. / Под общей ред. А.В. Деменевой, Б. Петранова – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 200 с.

47. Завадская Л.Н. Механизм реализации права [Текст] – М.: Наука, 1992. – 288 с.

48. Иванов О.В. Защита гражданских прав как правовой институт и как научная проблема [Текст] // Вопросы советского государства и права: Труды Иркутск. ун-та. Т.XLV. Сер. юрид. Вып. 8. Ч.3. – Иркутск, 1967. – С. 41-55.

49. Игнатенко Г.В. Взаимодействие внутригосударственного и международного права [Текст]: учеб. пособие. – Свердловск: УрГУ, 1981. – 60 с.

50. Игнатенко Г.В. Международно признанные права и свободы как компоненты правового статуса личности [Текст] // Правоведение. 2001. № 1. С.87-101.

51. Игнатенко Г.В. Международные стандарты прав и свобод как самостоятельные правовой регулятор [Текст] / Личность и государство на рубеже веков: Сб. научных статей / Под. ред. В.В. Невинского. – Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2000. – С. 3-7.

52. Калашников С.В. Система конституционных гарантий обеспечения прав и свобод граждан в условиях формирования в России гражданского общества [Текст] // Государство и право. 2002. № 10. С. 17-25.

53. Карташкин В.А. Права человека в международном и внутригосударственном праве [Текст] – М.: Ин-т государства и права, 1995. – 135 с.

54. Ковлер А.И. Антропология права [Текст]: учеб. для вузов. – М.: НОРМА, 2002. – 467 с.

55. Кокотов А.Н. Федеральный закон об общественных объединениях [Текст] / РЮЖ. 1996. № 2. С. 3-12.

56. Козлихин И.Ю. Идея правового государства: История и современность [Текст] – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 1993. – 152 с.

57. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России [Текст]: учебник. – М.: Юристъ, 1998. – 520 с.

58. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право Российской Федерации [Текст]: учебник. – М.: Юристъ, 1995. – 480 с.

59. Конвенция о защите прав человека и основных свобод и Протоколы к ней [Текст] / Сост. Г.В. Игнатенко, Л.А. Лазутин. Информационный центр Совета Европы в Уральском регионе. – Екатеринбург, 2001. – 60 с.

60. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации [Текст] / Отв. ред. Г.П. Ивлиев. – М.: Юрайт-Издат, 2003. – 558 с.

61. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) [Текст] / Отв. ред. И.А. Конюхова. – М.: Юрайт, 2001. – 303 с.

62. Комментарий к Конституции Российской Федерации [Текст] / Общ. ред. Ю.В. Кудрявцева. – М.: Правовая культура, 1996. – 552 с.

63. Комментарий к Конституции Российской Федерации [Текст] / Отв. ред. Л.А. Окуньков. – М.: Бек, 1996. – 635 с.

64. Комментарий к Конституции Российской Федерации [Текст] / А.И. Абрамова, Е.Г. Азарова, Л.В. Андриченко и др. – М.: Бек, 1994. – 437 с.

65. Конституционное право России [Текст]: учеб.-метод. пособие: Крат. учеб. для вузов / Под общ. ред. А.В. Малько. – М.: НОРМА, 2000. – 395 с.

66. Конституционное право России [Текст]: учебник для вузов / Отв. ред. А.Н. Кокотов, М.И. Кукушкин. – М.: Юрист, 2003. – 538 с.

67. Конституционное право Российской Федерации [Текст] – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1995. – 368 с.

68. Конституционные права и обязанности советских граждан [Текст] / Отв. ред. А.П. Таранов. – Киев: Наук. думка, 1985. – 248 с.

69. Конституционный статус личности в СССР [Текст] – М.: Юридическая литература, 1980. – 256 с.

70. Конституционный судебный процесс [Текст]: учебник для вузов / Отв. ред. М.С. Саликов. – М.: НОРМА, 2003. – 416 с.

71. Конституция РФ и совершенствование механизмов защиты прав человека [Текст]: Сб. ст. / Рос. Акад. наук, ин-т гос-ва и права. / Отв. ред. Е.А. Лукашева. – М.: ИГПАН, 1994. – 177 с.

72. Конституция Российской Федерации. Комментарий [Текст] / Под общей редакцией Б.Н. Топорнина, Ю.М. Батурина, Р.Г. Орехова. – М.: Юрид. лит., 1994. – 624 с.

73. Концепция развития российского законодательства в целях обеспечения единого правового пространства в России [Текст] // Журнал российского права. 2002. № 6. С. 17-31.

74. Копейчиков В.В. Реализация субъективных прав граждан [Текст] // Советское государство и право. 1984. № 3. С. 13-19.

75. Копнин П.В. Диалектика как логика и теория познания: Опыт логико-гносиологического исследования [Текст] – М.: Наука, 1973. – 324 с.

76. Коровников А.В. Социальная защита военнослужащих: становление, развитие и правовое регулирование [Текст] – М.: Диамант СВ, 1995. – 254 с.

77. Круглый стол – Конституция Российской Федерации и совершенствование юридических механизмов защиты прав человека [Текст] // Государство и право. 1994. № 10. С. 3-31.

78. Куцова Э.Ф. Право на защиту и интересы в советском уголовном процессе [Текст] // Правоведение. 1983. № 2. С. 87-92.

79. Кучин М.В. Прецедентное право Совета Европы и правовая система Российской Федерации: проблемы взаимодействия [Текст] // Правоведение. 2001. № 1. С. 50-52.

80. Кучинский В.А. Правовой статус и субъективные права граждан [Текст] // Правоведение. 1965. № 4. С. 43-55.

81. Лебедев В.М. О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия [Текст] // Бюллетень ВС РФ. 1996. № 2. С. 1-5.

82. Лепешкин А.И. Правовое положение советских граждан [Текст] – М.: Мысль, 1966. – 56 с.

83. Малеев Н.С. Охрана прав личности советским законодательством [Текст] / Отв. ред. А.И. Масляев. – М.: Наука, 1985. – 165 с.

84. Малько А.В. Правовое государство [Текст] // Правоведение. 1997. № 3. С. 137-146.

85. Марочкин С.Ю. Действие норм международного права в правовой системе Российской Федерации [Текст] – Тюмень: Изд-во Тюменского университета, 1998. – 200 с.

86. Марочкин С.Ю. Нормы и источники международного права в правовой системе Российской Федерации [Текст] // Правоведение. 1997. № 3. С. 123 - 130.

87. Масленников В. А. Конституционные права и обязанности граждан СССР [Текст] – М.: Московский рабочий, 1979. – 128 с.

88. Материалы к расширенной коллегии Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации по итогам за 2009 г. [Текст]. М. 2010.

89. Матузов Н.И. К делению права на объективное и субъективное [Текст] // Правоведение. 1971. № 2. С. 103-111.

90. Матузов Н.И. Личность. Право. Демократия [Текст]/ Теоретические проблемы субъективного права. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1972. – 292 с.

91. Матузов Н.И. Правовая система и личность [Текст] – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1987. – 293 с.

92. Международные акты о правах человека [Текст]: Сборник документов. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА·М, 1999. – 784 с.

93. Международное право [Текст]: учебник для вузов / Отв. ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. – М.: Издательство НОРМА (Изд. группа НОРМА-ИНФРА·М), 2000. – 584 с.

94. Международное право [Текст]: учебник для вузов / Отв. ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. – М.: Издательство НОРМА, 2003. – 624 с.

95. Мельниченко Р.Г. Конституционное право на юридическую помощь [Текст]: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Волгоград, 2001. – 24 с.

96. Мерзин Б.Н. Категория охраны прав граждан [Текст] / Проблемы гарантии осуществления и защиты прав граждан. / Материалы научно-

практической конференции, посвященной 175-летию возобновления Тартуского ун-та. – Тарту, 1977. – С.30-35.

97. Миронов О.О., Парфенов В.П. Право на защиту [Текст] / Под ред. Л.А. Лукашова.– Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1988. – 78 с.

98. Мицкевич А.В. О гарантиях прав и свобод советских граждан в общепародном социалистическом государстве [Текст] // Советское государство и право. 1963. № 8. С. 24-33.

99. Мицкевич А.В. Субъекты советского права [Текст] – М.: Госнариздат, 1962. – 213 с.

100. Молодцов М.В., Головина С.Ю. Трудовое право. [Текст]: учебник для вузов. – М.: НОРМА, 2003. – 640 с.

101. Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина [Текст]/ Под ред. Н.И. Матузова. – Саратов: СВШ МВД РФ, 1996. – 285 с.

102. Невинский В.В. Достоинство человека в России: между правовым романтизмом и правовым прагматизмом [Текст] / РЮЖ. 2002. № 3. С. 98-103.

103. Невинский В.В. Конституционный Суд Российской Федерации и правотворчество в России [Текст] // ВКС РФ. 1997. № 3. С. 69-72.

104. Невинский В.В. Межрегиональный научно-практический семинар «Достоинство человека: от философско-правовой идеи к конституционному принципу современного государства» (к 50-летию Всеобщей декларации прав человека) [Текст]// Государство и право. 1999. № 10. С. 120-121.

105. Невинский В.В. Немецкие граждане в зеркале основополагающих принципов Конституции ФРГ [Текст] – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. – 216 с.

106. Невинский В.В. Юридическая конструкция правового положения человека и гражданина в Российской Федерации [Текст] / Личность и государство

на рубеже веков: Сборник научных статей / Под. ред. В.В. Невинского. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 17-38.

107. Нерсисянц В.С. История идей правовой государственности. [Текст] / Рос. АН. Ин-т гос-ва и права, Акад. правовой ун-т. – М.: Б. И., 1993. – 16 с.

108. Новицкий М., Фиалова З. Мониторинг прав человека [Текст] / Хельсинк фонд по правам человека. – Варшава: Б-и, 2001. – 211 с.

109. Общая теория права [Текст] – М.: Юридическая литература, 1966. – 327 с.

110. О деятельности Уполномоченного по права человека Свердловской области в 2002 году // Обл. газ. 2003. 5 марта. С. 9-16.

111. Патюлин В.А. Субъективные права граждан: основные черты, стадии, гарантии реализации [Текст] // Советское государство и право. 1971. № 6. С. 24-32.

112. Порошук С.Д. Общетеоретические аспекты социально-правовой защиты сотрудников милиции [Текст]: Дисс. канд. юрид. наук. – М., 1994. – 192 с.

113. Постатейный комментарий к Конституции Российской Федерации [Текст] / Под общ. ред. В.Д. Карповича. – М.: Юрайт, 2002. – 959 с.

114. Права человека [Текст]: учебник для вузов / Отв. ред. чл.-корр. РАН. Е.А. Лукашева. – М.: Издательство НОРМА (Изд. группа НОРМА-ИНФРА-М), 2002. – 573 с.

115. Правовое государство в России: замысел и реальность: к десятилетию перестройки: Круглый стол юристов. 19 апр. 1995 г. [Текст] / Межд. фонд соц.-экон. и политологич. исследований (Горбачев-фонд). – М.: Апрель-85, 1995. – 96 с.

116. Правопорядок и правовой статус личности в развитом социалистическом обществе в свете Конституции СССР 1977 года [Текст]/ Сб. ст.: вопросы

теории гос-ва и права, гос. и адм. права / Отв. ред. М.И. Байтин. – Саратов: Из-во Сарат. ун-та, 1980. – 267 с.

117. Рабинович П.М., Шмелева Г.Г. Конкретизация правовых норм (общетеоретические проблемы) [Текст] // Правоведение. 1985 г. № 6. С. 31-39.

118. Радченко В., Эбзеев Б. Прямое действие Конституции РФ и конкретизация ее норм [Текст] // Российская юстиция. 1994. № 7. С. 7-9.

119. Реализация прав граждан в условиях развитого социализма [Текст] / Отв. ред. Е.А. Лукашева. – М.: Наука, 1983. – 264 с.

120. Российское гуманитарное право [Текст]: учеб. пособие / В.Н. Белонковский, Н.А. Ефремова, Н.И. Косякова и др.; под ред. Ю.А. Тихомирова (отв. ред.), Н.И. Архиповой, Н.И. Косяковой. – М.: «Издательство ПРИОР», 1998. – 304 с.

121. Ростовщиков И. В. Обеспечение прав и свобод личности в СССР [Текст] – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1988. – 120 с.

122. Стариллов Ю.Н. Административное право: сущность, проблемы реформирования и новая система [Текст] // Правоведение. 2000. № 5. С.3-24.

123. Стариллов Ю.Н. О новом понимании административной юстиции [Текст] // Правоведение. 2002. № 2. С. 101-113.

124. Стремоухов А.В. Человек и его правовая защита: Теоретические проблемы [Текст]. Монография. – СПб.: С.-Петербург. юрид. ин-т МВД России, 1996. – 357 с.

125. Теория государства и права: Курс лекций [Текст] / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2001. – 776 с.

126. Теория государства и права [Текст]: учебник. / Отв. ред. В.М. Корельский, В.Д. Перевалов. – Екатеринбург: Изд-во УрЮА, 1996. – 560 с.

127. Теория государства и права [Текст]: учебник. / Под ред. В.К. Бабаева. – М.: Юристъ, 1999. – 592 с.

128. Теория государства и права [Текст]: учебник. / Отв. ред. В.М. Корельский, В.Д. Перевалов. – М.: Издательство НОРМА, 2000. – 616 с.

129. Теория государства и права [Текст]: учебник. / Отв. ред. В.Д. Перевалов. – М.: Издательство НОРМА, 2004. – 496 с.

130. Тиунов О. И. Международное гуманитарное право: Учебник для вузов [Текст] – М.: Издательство НОРМА (Изд. группа НОРМА-ИНФРА-М), 2000. – 328 с.

131. Тиунов О.И. О решениях Конституционного Суда Российской Федерации в связи с жалобами граждан на нарушение их конституционных прав и свобод [Текст] / РЮЖ. 1996. № 2. С. 48-63.

132. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Д. Юридическая энциклопедия [Текст] – М., 1997. – С. 526.

133. Тихонова Б.Ю. Субъективные права советских граждан, их охрана и защита [Текст]: Автореф. дис. канд. юрид. наук. – М., 1972. – 22 с.

134. Толкачев К.Б., Хабибулин А.Г. Личные конституционные права и свободы граждан СССР: система, характеристика, особенности реализации [Текст]: учеб. пособие – Уфа: Уфим. высш. шк. МВД СССР, 1990. – 92 с.

135. Ульянова Л. Обеспечение обвиняемому права на защиту – конституционный принцип советского уголовного процесса [Текст] // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11 «Право». 1979. № 6. – С. 53-61.

136. Фарбер И.Е. Права человека, гражданина и лица в социалистическом обществе [Текст] // Правоведение. 1967. № 1. С. 39-46.

137. Фарбер И.Е. Конституционное право на неприкосновенность личности советских граждан [Текст] // Правоведение. 1973. № 3. С. 13-20.

138. Фарберов Н.П. Конституционные основы организации Советского общенародного государства [Текст] – М.: Наука, 1982. – 221 с.

139. Хамаева Н.Ю. Защита прав граждан в сфере исполнительной власти [Текст] // Ин-т государства и права РАН. – М.: Б.И., 1997. – 214 с.

- 140. Хартия Европейского Союза об основных правах: Комментарий** [Текст] / Под ред. С.Ю. Кашкина. – М.: Юриспруденция, 2001. – 208 с.
- 141. Черниченко С.В.** Теория международного права [Текст] в 2 т. Том 2: Старые и новые теоретические проблемы / Ред. К.С. Чигринова. – М.: НМП, 1999. – 526 с.
- 142. Честнов И.Л.** Природа и этапы государственности [Текст] // Правоведение. 1998. № 3. С. 3-11.
- 143. Чечот Д.М.** Субъективное право и формы его защиты [Текст] – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1968. – 72 с.
- 144. Ширококов С.А.** Конституционное право человека и гражданина на обращение [Текст]: учеб. пособие / ГУВД Пермской области / Пермский филиал Нижегородской академии МВД России. – Пермь, 2002. – 189 с.
- 145. Шундилов К.В.** Механизм правового регулирования [Текст]: учеб. пособие / Под. ред. А.В. Малько. – Саратов: Саратов. гос. акад. права, 2001. – 102 с.
- 146. Энтин М.Л.** Международные гарантии прав человека. Практика Совета Европы [Текст] – М.: Международные отношения, 1992. – 240 с.
- 147. Ямпольская Ц.А.** О субъективных правах советских граждан и их гарантиях [Текст] // Вопросы советского государственного права. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. – С. 145- 175.

Научное издание

Гончарова Светлана Германовна

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА
НА ПРАВОВУЮ ЗАЩИТУ

Монография

Текст печатается в авторской редакции

Подписано в печать 29.09.10. Формат 60×84/16. Бумага для множ. аппаратов.
Усл. печ. л. 9,8. Уч.-изд. л. 10,0 Тираж 1000 экз. Заказ № 1213.
ФГАОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический
университет». Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11.

Отпечатано ООО "ТРИКС"
Свердловская обл., г. Верхняя Пышма, ул. Феофанова, 4